Литературная газета

Основана в 1830 году
при участии А. С. Пушкина
Издание возобновлено
в 1929 году при поддержке
М. Горького

№20
(6598)
24–30 мая 2017
www.lgz.ru
Выходит по средам

ЧИТАЙТЕ

3 Горячие Балканы

Почему Черногория вступает в НАТО и есть ли у нас союзники в регионе, где то и дело начинаются глобальные конфликты.

9 Свела их Россия

Дружба писателей Константина Федина и Ивана Соколова-Микитова, чьё 125-летие отмечается в эти дни, длилась – редкий случай! – больше полувека.

13 Найти большого мингрела

На Первом канале показали три фильма о Сталине и его окружении. Картина вышла противоречивая.

Приложение

Муза Тавриды

Писатель Константин Фролов-Крымский о литературном языке и сильной духом стране. **Стр. 6–7**

ТЕМА НОМЕРА

Битовский дом

Писатель должен уметь превращать день в серию афоризмов

ИТАР-ТАСС

Андрей Битов встречает свой юбилей в привычном состоянии творческой сосредоточенности на великих мелочах бытия, известный писатель может позволить себе думать и писать о том, что кажется важным лично ему, а не нам; золотая стружка летит с верстака его писательского стола с настойчивостью прибоя, который отрешённо перебирает морскую гальку… его книги по-прежнему создают вежливый шторм в русской литературе. Удивлён личной возможностью сказать об Андрее Георгиевиче несколько слов в дни его юбилея, мне – ей-ей – повезло, ведь я был очарован книгами юбиляра, ещё пребывая в состоянии пылкого первокурсника в далёкой от всяких столиц уральской провинции: «Дачная местность» (1967) первая книга неизвестного прежде писателя. Каждая страница – шедевр изумительной питерской речи, наброски ироничного ума и пушкинский холодок совершенства! Книга тут же была нами зачитана и передавалась из рук в руки как инкунабула. Следом вторая! «Аптекарский остров» (1967), а следом третья – «Путешествие к другу детства» (1968)… Да кто он такой, этот Битов? Откуда нагрянул современником на архипелаг классической русской литературы? Узналось – из Ленинграда, обитатель Аптекарского острова, то ли геолог, то ли альпинист – вдруг последний удар – великий роман «Пушкинский дом» (написан ещё в 1964 году, впервые издан в США в 1978).

Окончание статьи Анатолия Королёва и интервью с Андреем Битовым на стр. 6,7

МНЕНИЕ

Эпитафия на могиле российской интеллигенции

Виталий Третьяков

В последнее время в столичных кругах вновь заговорили о притеснениях интеллигенции. Поводы – чисто спекулятивные: кого-то якобы запретили, кому-то вроде бы угрожали, кого-то реально (а вот это уже существенно) лишили финансирования… Может, и запретили. Может, и лишили… Но при чём здесь интеллигенция? Увы, интеллигенции в России больше нет. Да, была – целых два века. Была и сплыла… И теперь рассуждать и спорить о ней можно только ретроспективно.

Когда появилась русская интеллигенция

Время появления интеллигенции в России можно определить вполне научно и с большой точностью.

Разумеется, интеллигенции не может быть там, где нет налаженной системы высшего образования, то есть университетов. Первый университет в России – Московский – возник в 1755 году. Студентов тогда в нём было немного – 30 человек в первом наборе. И поэтому понятно, что необходимое для возникновения интеллигенции как особого общественного слоя число своих выпускников он наработал как раз к концу XVIII века.

Окончание на стр. 4, 5

КНИГА НЕДЕЛИ

Алиса Даншох.
Флоренция. Вид с холма

М. ИПО «У Никитских ворот» 2017

240 с. ил. 1000 экз.

С новой книгой обозревателя «ЛГ» Алисы Даншох первыми познакомились, разумеется, наши читатели. Почти все главы были напечатаны в газете и сразу вызвали интерес. После вкусных и трогательных «Кулинарных воспоминаний счастливого детства» и интересной истории «Не совсем святого семейства из Серебряного переулка» автор написала о Флоренции, той самой, которую Дм. Мережковский назвал «серой, тесной, очень простой и необходимой» для многих ярких представителей русской культуры. В этом ряду Фонвизин, Достоевский, Чайковский, Брюсов, Блок, Ахматова, Бродский, Тарковский. И это в определённой степени объясняет внимание к Флоренции признанного мастера культурологических эссе А. Даншох. Впрочем, не внимание, а давнюю и верную любовь.

Наша Алиса – автор смелый. Её не смутили и не испугали сотни томов о Флоренции. У неё история своя, собственная, личная. Её вид с холма – в данном случае понятие не только географическое, но и культурологическое.

Презентация новой, пятой по счёту книги Алисы Даншох «Флоренция. Вид с холма» пройдёт в рамках XII Санкт-Петербургского книжного салона. Ждём вас в пятницу, 26 мая, в 16 час. на стенде правительства Санкт-Петербурга.

ОЧЕВИДЕЦ

Юрий Болдырев, публицист, политик

Ответственность, а не „госуслуги“

В прошлой статье («Шаг к единению») я рассказал о публичных переговорах, которые мы провели 31 марта по социально-экономической тематике. Удалось показать и самим себе, и будущим избирателям, что по ключевым вопросам в этой сфере на нынешнем этапе у коммунистов (КПРФ) и у русских националистов (входящих в ПДС НПСР – Постоянно действующее совещание национально-патриотических сил России) неустранимых разногласий нет.

Но этим всё не исчерпывается: есть ещё вопросы госуправления и конституционного устройства. И они сложнее для переговоров – здесь у сторон радикальные разногласия. Что и подтвердилось в пятницу, 19 мая, на нашем очередном круглом столе. Так как же совместить, казалось бы, несовместимое?

Первым выступать пришлось мне, и я предложил метод такого совмещения. Что делать, если одна сторона предложит свою крайнюю позицию – русскую национальную диктатуру, и другая – свою столь же крайнюю позицию – диктатуру пролетариата? Казалось бы, можно расходиться – совместить невозможно?

Но если оттолкнуться от другого: не что предлагают стороны, но в противовес чему они это делают?

И выясняется, что они это предлагают не в противовес демократии, но фактической диктатуре (под прикрытием как будто с виду демократических механизмов) – транснационального и отечественного компрадорского и фактически криминального олигархата.

И тогда то, что казалось незыблемой идейной основой сторон по вопросу о государственном устройстве, на деле выступает как инструмент решения конкретной проблемы, причём проблемы, видимой и определяемой сторонами близко.

А дальше ясно: если у той или иной стороны есть ресурс, влияние, возможность взять власть самостоятельно, то в добрый путь. Если же ни у одной стороны в одиночку такой возможности нет, то ищем общее решение. В данном случае – по пресечению возможностей манипулирования со стороны олигархии и криминалитета средствами массовой информации, мнением и голосами избирателей.

Называть ли совокупность этих мер диктатурой, и если да, то какой? Наверное, антиолигархической, антикриминальной, антиростовщической, антикомпрадорской и т.п. Главное же – не название, а согласование самой системы мер.

В то же время есть и ряд вопросов, по которым особых разногласий, надеюсь, не будет. Это прежде всего:

- свобода и реализуемая процедура общенародного референдума без права законодателя и органов власти ограничивать право граждан выносить на референдум любой вопрос, отнесённый Конституцией к ведению России;
- пресечение нынешней узаконенной безответственности (ненаказуемости) и бесконтрольности всей «вертикали»;
- расширение компетенции суда присяжных и выборность судей;
- отказ от какого-либо приоритета в России международных договоров над национальным законодательством – обязательность лишь ратифицированных договоров, но не выше Конституции и конституционных законов и лишь на взаимной основе;
- восстановление подлинного местного самоуправления;
- национально ориентированное управление экономикой, в т.ч. пресечение нынешней преступной приватизации, ренационализация стратегических активов, разрыв с ВТО, запрет на приватизацию лесных и водных ресурсов, восстановление суверенной финансовой системы в интересах национального развития.

В совокупности это – возвращение к народовластию и мобилизация власти на развитие. Ради этого мы продолжаем наши трудные переговоры с тем, чтобы на выборах президента национально ориентированные антиолигархические силы выступили единым фронтом.

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ЗЛОБА ДНЯ

Медаль от Петра Порошенко

Как попасть в санкционный список

Третий раз нахожу себя среди отринутых бандеровской властью Киева. Вижу в этом признание своих усилий, направленных на очищение Украины от коричневых красок. Выходит, президент Порошенко признал эффективность нашей работы, поместив меня на почётное шестое место (из 1228) в обнародованном на днях на его сайте санкционном списке. Это как медаль от него.

Чем именно я прогневил последователей Бандеры, Шухевича и Мельника?

Ещё восемь лет назад я выдвинул тезис о необходимости лишать суверенитета любое государство, превозносящее нацистскую идеологию на государственном уровне. Когда в конце правления Ющенко Бандера и Шухевич были удостоены звания героев Украины, мы нашли в Вашингтоне здравомыслящих людей, которые помогли нам сподвигнуть дюжину конгрессменов и сенаторов США на письма протеста тогдашнему украинскому руководству. Особую благодарность хотел бы выразить 36 депутатам израильского кнессета, которые выступили с совместным протестом. Его услышали тогда во многих странах. Можно сказать, что все эти совместные действия сказались благотворно на результатах выборов на Украине в 2010 году.

Правление Януковича тоже не привело к успокоению бандеровских ветров. Сама власть тогда не пачкала себя откровенно коричневыми инициативами, но открыла настежь ворота для партии Тягнибока, которая сыграла потом центральную роль в ходе мятежа на Майдане. Знаменательно, что уже в ту пору, за полгода до мятежа, 62 депутата кнессета (из 120) направили обращение в Европарламент в связи с героизацией нацизма на Украине и ростом антисемитизма и русофобии.

Мой послужной список на этом направлении деятельности мог бы простираться на десяток страниц. Отмечу только, что предложенная нами методика ответа на агрессию со стороны Украины в отношении своего же народа начинает прорываться на страницы западных газет. Сегодня о преступности идеологии ОУН-УПА и о недопустимости оправдания и глорификации нацизма говорят на Украине даже мои оппоненты, например, глава Еврейского комитета Украины Эдуард Долинский. Не уменьшая разногласий с ним, касающихся оценки роли России в конфликте, хочу отметить сокрушительные публикации в «Нью Йорк-таймс» и «Гардиан», инициированные его организацией. Нас наконец услышали сегодня после долгих и упорных попыток доказать, что дважды два – это четыре.

Убеждён, каждый человек должен задавать себе в наше время вопрос, что сделал он лично для избавления Украины от яда коричневой чумы. Человек может быть либералом или социалистом, христианином или мусульманином, почитателем «Единой России» или недовольным ею на волне симпатий к Навальному. Однако всякий гражданин, не утративший порядочность, обязан найти путь противостояния охватившему Украину мракобесию. Это уже вредоносно сказывается на общественном климате в России. Агрессия и русофобство украинских политологов оказались заразными для некоторых российских глашатаев обществоведения, способствуя их продвижению в стан злобности и невежества.

Именно сейчас важны новые инициативы по сближению русского народа с украинским на едином славянском пространстве. Востребована сила любви, которая напомнит украинцам, что их лучшие страницы в летопись мировой истории были вписаны совместно с Россией и русскими.

Авигдор Эскин, общественный деятель, Израиль

ФОТОГЛАС

АГЕНТСТВО МОСКВА

Завершились ремонтно-реставрационные работы в Доме-музее Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке. По словам директора музея Елены Жук, для посетителей удалось создать новые пространства, а экспозиционный ряд дополнить 70 подлинными предметами, связанными с семьёй Цветаевых. Открытие приурочено к 125-летию со дня рождения Марины Ивановны и 25-й годовщине создания музея.

РИА НОВОСТИ

«ЛГ» присоединяется к поздравлениям в адрес известного театрального режиссёра и педагога Сергея Женовача, основателя и художественного руководителя знаменитой «Студии театрального искусства». Ученик легендарного Петра Фоменко, отметивший 60-й день рождения, поставил немало спектаклей, ставших событиями и получивших престижные награды.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 1971 1979

Учредитель и издатель АНО «Редакция «Литературной газеты». Президент **Юрий Поляков**.
Шеф-редактор **Максим Замшев**.
Вице-президент **Леонид Колпаков**.
Ответственный секретарь **Сергей Колпакчи**.
Отделы: **Политика и экономика** politec@lgz.ru
Общество т. 8-499-788-02-05, mazurova@lgz.ru
Искусство klv2004@bk.ru **Литература и библиография** т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru
Клуб 12 стульев satira@lgz.ru **ТелевЕдение** televed@mail.ru **Отдел оформления** evgfedorovskiy@yandex.ru **Литературная ярмарка** т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru Исполнительный директор **Алексей Шавлов**.
Сайт «ЛГ» litgazeta.webeditor@gmail.com Общий тираж 113 800 экз. Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт», 127247, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.
Номер подписан к печати 23 мая 2017 г. Зак. № 1281
Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168
(для предприятий и организаций) Подписка и распространение т. 8-499-788-01-12 Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодика» и East View Publications. Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77-35721 от 20.03.2009 г. **Адрес редакции** 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 18, стр. 1, 2-й и 3-й эт.
Эл. почта litgazeta@lgz.ru Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна.
Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Горячие Балканы

Черногория вступает в НАТО, в Сербии не так всё однозначно. Как не потерять друзей в регионе?

Недавние шумные протесты оппозиции в Белграде против избрания президентом Сербии Александра Вучича, одержавшего убедительную победу, эксперты восприняли как репетицию сербского «майдана» и «чёрную метку» со стороны евроатлантистов. Те недовольны стремлением Вучича выстроить отношения с Россией с учётом исторических связей наших стран. Недавнее резкое обострение положения в Македонии также подтвердило взрывоопасность ситуации на Балканах.

ИТАР-ТАСС

ФОТО АВТОРА

Югославия. После бомбёжки, март 1999 г. (фото вверху)

Люди Черногории против НАТО

В этом офисе в Брчко русским всегда рады

Всё это отсылает к известной мысли Уинстона Черчилля, что Балканы – это пороховая бочка Европы. Но это ещё и чуткий барометр. Известный сербский писатель и мыслитель Иво Андрич както заметил, что Балканы часто выявляют первые симптомы заболевания, которое потом нередко становится общеевропейским.

Покорение Балкан турками в XIV веке имело следствием появление янычар у стен Вены и завоевание Османской империей немалой части Центральной Европы. Балканские войны 1912–1913 годов стали предтечей Первой мировой войны, которая в итоге изменила политическую карту Европы. Нападение нацистской Германии на Югославию в апреле 1941 года стало прологом к агрессии Гитлера против СССР, а распад Югославии, ускорившийся летом 1991 года, предшествовал развалу СССР в декабре 1991 года и разделению Чехословакии в январе 1993-го.

На Балканах хорошо помнят, что кровавые межнациональные конфликты и этнические чистки, сопровождавшие распад Югославии, происходили при явном вмешательстве извне. Кульминация – варварские бомбардировки страны авиацией НАТО с 24 марта по 10 июня 1999 года, которые унесли жизни тысяч мирных жителей. Понимание хрупкости мира, осознание его ценности проявляется сегодня на Балканах во всём – от памятников и названий улиц до научных форумов. Европейский университет провёл в апреле в боснийском городе Брчко международную научную конференцию, посвятив её осмыслению вопросов развития в XXI веке. Главная улица Брчко – Бульвар мира. Тут есть монумент в память о жертвах военных действий в 1990-е годы. Всё это символично.

Глобальные тренды современной мировой политики находятся в явном противоречии с общественными настроениями на Балканах. Реальная политика Евросоюза и США вызывает тут всё меньше понимания, вызывая либо неодобрительные усмешки, либо даже враждебную реакцию. Критику политики Брюсселя и Вашингтона слышишь на митингах и шествиях на улицах сербских и боснийских городов, в местных СМИ и в университетских аудиториях.

Коллеги из Балканских стран, с которыми встречался на конференции, воспринимают проблемы, стоящие перед ЕС, как проявление глубокого системного кризиса этого образования. Евросоюз теряет популярность среди жителей Балкан как из-за нелепой миграционной политики, так и из-за конфронтационности в отношении России. В Сербии, например, уже осели несколько десятков тысяч ближневосточных мигрантов. И всё очевиднее, что новобранцы ЕС, в частности, Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, не хотят принимать беженцев по квотам евробюрократов. Балканские сообщества, где сильны традиционные ценности, не согласны и с явными антихристианскими тенденциями в ЕС, например, в отношении сексуальных меньшинств. Авторитетный белградский еженедельник «Печать» характеризует политику Брюсселя как «процесс саморазрушения», предсказывая, что дальнейший сценарий развития ЕС может стать «евротрагедией в нескольких действиях».

Не желая становиться в этом нанятыми актёрами, балканские интеллектуалы видят альтернативу в участии своих стран в евразийской интеграции. В 2016 году группа влиятельных сербских и боснийских политологов и социологов выпустила научный сборник «Сербия и Евразийский союз», где подвергла критике перспективы вступления Сербии в Евросоюз. При этом они убедительно раскрывают преимущества евразийской интеграции, её органичность для Балкан. По мнению авторов, навязываемый сербам евроинтеграционный проект маскирует стремление евроэлит затащить Сербию без Косово и Метохии в НАТО, превратив страну в пассивную и политически раздробленную территорию лишь ради расширения жизненного пространства Североатлантического альянса.

Процесс затаскивания в НАТО Черногории вопреки мнению большинства её жителей откликается и в Сербии. Если официальный Белград, балансирующий между НАТО и Россией, ограничивается нейтрально-политкорректными заявлениями, то в сербском обществе пристёгивание Черногории к НАТО воспринимают как попрание демократических норм. Это вызывает растущее среди людей неприятие черногорской политической элиты и усиливает антинатовские настроения. Буквально на следующий день после принятия черногорским парламентом Протокола о членстве в НАТО митрополит Черногорско-Приморский Амфилохий отслужил в Цетинье панихиду по жертвам натовских бомбардировок Сербии и Черногории, чётко обозначив пропасть между населением Черногории и её политической верхушкой.

По мнению профессора университета города Суботица в Северной Сербии Бранко Баля, сербы рискуют потерять национальную идентичность «в условиях плавильного котла евроатлантической интеграции». Особо беспокоит судьба сербской культуры и сербской кириллицы, сфера применения которой постоянно сужается. Неприемлемо для сербов и то, что процесс интеграции в ЕС связан с выкручиванием рук Белграду в вопросе об официальном признании Косово и Метохии. По словам известного сербского и боснийского социолога Зорана Милошевича, налицо «прямой шантаж» в отношении сербов, которых западная пропаганда с помощью манипулятивных технологий выставляет главным виновником всех преступлений на Балканах.

Многие в Сербии осознают крайне негативные последствия возможного вступления Сербии в ЕС. По данным опросов, около половины сербской молодёжи считает, что вступление Сербии в Евросоюз повлечёт за собой окончательную утрату Косово. Более трети опрошенных уверены, что членство в ЕС будет означать потерю страной суверенитета. Сербия, как указывает белградский еженедельник «Печать», уже и так буквально кишит хорошо финансируемыми неправительственными организациями, рекламирующими политику Евросоюза. В целом прозападную позицию занимают и ведущие сербские электронные СМИ.

Именно поэтому развитие интеграции в рамках Евразийского союза и Союзного государства Белоруссии и России привлекает внимание наблюдателей на Балканах. Многие считают, что проект евразийской интеграции на постсоветском пространстве имеет блестящие перспективы. Ведь он опирается на цивилизационную и культурную близость участников, располагает колоссальными сырьевыми, демографическими и промышленными ресурсами. Дополнительно привлекают крепнущие связи с Китаем и странами Южной и Юго-Восточной Азии. Присоединение Молдовы к этому объединению в качестве наблюдателя было сразу замечено в Белграде.

Пока, правда, только одна политическая партия Сербии – радикальная партия Воислава Шешеля – прямо заявляет о необходимости присоединения Сербии к евразийской интеграции. Но и остальные политические партии, даже прозападные, включили в программы положения о необходимости развития отношений с Россией – они вынуждены учитывать настроения граждан. По словам одного из сербских интеллектуалов, успехи евразийской интеграции в сербском обществе воспринимают как собственные, укрепляющие не только внешнеполитические позиции Сербии, но и сербскую идентичность и культуру.

При этом сербские сторонники евразийской интеграции считают: позиция России на Балканах должна быть более активной, а поддержка проевразийских сил в регионе – более внятной. Недоумение патриотической части сербского общества вызывают факты размещения рекламы действующими в Сербии крупными российскими компаниями в местной прозападной периодике, издающейся на латинице. Что это, как не прямая финансовая поддержка российским капиталом, по сути, антироссийских изданий?

Архитекторам евразийского сближения следует помнить, что помимо собственных народов в успешном развитии проектов в Евразии заинтересованы и народы Балканских стран, которые при определённых условиях могут перейти из заинтересованных наблюдателей в участников евразийской интеграции.

Кирилл Шевченко,
доктор исторических наук,
Брчко – Москва

МНЕНИЕ

Эпитафия на могиле российской

Кого считать истинным представителем образованного класса, что такое „польская фронда“ и при чём здесь мещанство

Окончание. Начало на стр. 1

Это не значит, что до того в России не было образованных людей, в том числе и с университетским образованием. Но даже в совокупности своей были они не тем, что позже будет названо интеллигенцией, а представителями либо высшей аристократии, либо духовного сословия, либо военных и чиновничьего класса.

А вот слово (термин) «интеллигенция» действительно вошло в обиход в середине XIX века. Считается, что с лёгкой руки писателя Боборыкина. Хотя есть свидетельства, что оно встречается в частных письмах Жуковского ещё в 1836 году. И как раз в том смысле, в котором мы его используем до сих пор.

РИА НОВОСТИ

Митинг интеллигенции под председательством Горького, 1918 год

ИТАР-ТАСС

Примета перестройки: интеллигенция поглощена газетами

Пять главных качеств интеллигенции

Итак, **образованность** (наличие высшего образования) – первое фундаментальное качество интеллигента как представителя определённого общественного слоя. Качество необходимое, но не достаточное. Ибо непременно нужны ещё четыре качества, отсутствие даже одного из которых превращает то, что мы знаем как русскую интеллигенцию, в нечто другое. И все эти качества складываются в определённой социальной среде именно на рубеже XVIII–XIX веков.

Второе качество интеллигента – это **совестливость, или наличие моральных принципов, выходящих за нормы сословной морали.** Даже самый образованный и милосердный аристократ не является интеллигентом. И прежде всего потому, что не считает других равными себе.

Следующее качество русского интеллигента – **любовь к народу**. И желание, при осознании недостатков простых людей, поднять их до себя. Прежде всего – через просвещение и образование. Ну и, разумеется, через справедливое (или по меньшей мере более справедливое) распределение материальных и культурных благ.

Максимальное развитие это качество интеллигенции получило в 60-е годы XIX века в виде так называемого хождения в народ и тогдашнего культуртрегерства, и в большевизме – как до 1917 года, так и после – культурная революция по Ленину, а затем сталинская индустриализация, вузовское строительство, после войны – всеобщее бесплатное среднее образование и массовое бесплатное высшее образование. 60-е годы XX века – пик расцвета русской, в советской её ипостаси, интеллигенции как мощного, авторитетного (в том числе и в народе) и влиятельного общественного слоя.

Четвёртым качеством русской интеллигенции является **постоянная рефлексия по поводу России и Европы**.

Здесь в конечном результате, несмотря на сопротивление просвещённых консерваторов и всех других славянофилов, победила «линия Петра Первого» – Россия всегда и во всём отстаёт от Европы, и дело отечественных интеллигентов преодолевать это отставание.

Первым, кто уже не в петровской, а в более «продвинутой» парадигме задумался и написал об этом, был Карамзин со своими «Письмами русского путешественника». Именно его я бы назвал первым русским интеллигентом в точном смысле этого слова.

Уже к середине XIX в. просвещённое русское сословие раскололось на западников и тех, кто был назван славянофилами. Конечно, этому способствовал поход русской армии в Европу (1813–1814 гг.), породивший декабристов, практически эталонных западников-интеллигентов, жаждавших европейского политического устройства и отмены крепостного права, но, что показательно, не отпускавших на свободу своих собственных крепостных.

Отношение к «Европе» (и умаление либо возвеличивание России в зависимости от вектора этого отношения) с начала XIX века стало ключевым в размежевании русской интеллигенции. Но преобладающим стало всё-таки мнение об «отсталости России» и, говоря современным языком, о «лидерстве Запада».

Грибоедов почувствовал опасность этой тенденции:

Французик из Бордо,
надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал,
как снаряжался в путь
В Россию, к варварам,
со страхом и слезами;
Приехал – и нашёл,
что ласкам нет конца;
Ни звука русского,
ни русского лица...

Ну и так далее. Те, кто оканчивал советскую школу, с лёгкостью воспроизведут по памяти.

Двести лет назад написано!

Пушкин был слишком всеобщ и слишком русским, чтобы быть только западником, как его друзья-декабристы, или только славянофилом. Он тот эталонный образец русского интеллигента (причём дворянского происхождения), который, обладая всеми положительными качествами интеллигенции, совсем мало и в основном через среду своего общения «страдал» её недостатками.

А целый комплекс этих недостатков связан не только с четвёртым, но и с пятым качеством русской интеллигенции – **постоянной оппозиционностью любой русской власти**, именно потому, что она, во-первых, власть, во-вторых, русская власть. Очень часто эта оппозиционность перерастала в оппозиционность России в целом и всему русскому, начиная с русского народа (хотя на первый план всегда выпячивалась борьба именно с властью).

Это последнее качество, на мой взгляд, бесспорно связано не столько с каким-то особым вольнолюбием русской интеллигенции или с какими-то особыми недостатками российской власти, сколько с включением польской шляхты в состав российского дворянства.

И до этого, естественно, в России были люди, которым не нравилось положение дел в стране. Но, во-первых, их никогда не было столь много, они не были так сплочены этнически, психологически и конфессионально. Во-вторых, эти люди не ставили себе принципиальной целью сокрушение не столько конкретного правителя, сколько Русского государства и всего русского вообще.

Польская фронда, а точнее, весь комплекс неприятия поляками всего русского, и определила это качество российской интеллигенции – неприятие всего русского и имперской (центральной) власти в особенности. К концу XIX века русские марксисты полностью восприняли и развили в себе это качество. Но они боролись с властью за народ, за его интересы. А вот те, кто продолжает именовать себя интеллигентами сегодня, борются с самим народом и «его властью». За что? Похоже, что только за свои «свободы» и, мельче того, – за то, чтобы им было «комфортно». Крым и Новороссия – лучшее тому подтверждение. Если защита интересов населения этих территорий мешает сегодняшним «российским интеллигентам» «комфортно жить», то пусть крымчанами и новороссами правят бандеровцы.

В конечном итоге именно российские интеллигенты всех национальностей и политических мастей интеллектуально подготовили и февральский государственный переворот, и Октябрьскую революцию, от которых они, как утверждают их идейные наследники, больше всего сами и пострадали.

После Октябрьской революции

От конца XVIII века и до Октября 1917 года русская/российская интеллигенция проделала интересный, но в общем-то прямолинейный идейный и психологический путь. А вот после того как её вековая мечта – свержение власти и сокрушение государства в России – реализовалась, нашу интеллигенцию стало бросать из стороны в сторону. Постепенно она освободилась от трёх первых своих основных качеств – в последние годы даже и от необходимости быть образованной. Возможно, потому, что советская власть слишком уж увлеклась образованием населения страны, лишив тем самым тех, кто считал себя интеллигенцией, одной из козырных карт – превосходства перед «народом» в уровне знаний и, соответственно, привилегии думать как угодно и свободно рассуждать о чём угодно.

ЗАМЕТКИ О ЛИБЕРАЛ-ИНТЕЛЛИГЕНТАХ

■ Сначала интеллигенция любит народ и себя, потом – себя и народ, потом – только себя. И, наконец, она начинает восхищаться собой и ненавидеть народ.

■ Отделение мещанского от интеллигентского – одно из главных исканий русской литературы и общественной мысли. Лучше всего это отразил в своих пьесах Чехов, шедший к этому разделению со стороны собственно уже сложившегося и вполне рафинированного интеллигента, и Горький, пришедший к анализу той же развилки, но со стороны «босяков», народа.
В пьесах это удалось и тому, и другому. «Шестидесятникам» XX века в их ранней прозе (всякие там «Иду на грозу» и пр.) – тоже удалось. Вот в реальной жизни у интеллигенции это не получилось.

■ Лакеи любят сочинять трактаты о том, чем они отличаются от рабов.

■ Лучшие свои произведения российские либералы сочиняют в жанре «безоговорочная капитуляция».

■ Половина современных российских интеллигентов хотела бы жить в XIX веке, а другая половина – даже в XVIII. Видимо, предполагая, что при этом они бы столовались и танцевали при императорском дворе и музицировали в собственных поместьях. И непременно переписывались бы с Екатериной Великой или с Пушкиным. Зная точно, что и образование, и статус интеллигента они или ещё их родители получили при и благодаря советской власти, они выдавливают это знание из себя по капле. Считая, что это рабство. А это – свинство.

■ Интеллигент сомневается во всём, кроме того, что он интеллигент. И он уверен, что во всём

интеллигенции

Но, между прочим, большевики больше всего сделали для русской интеллигенции. Во всяком случае, именно во времена СССР интеллигенции стало столько, что её мнение и умонастроения уже нельзя было игнорировать.

Появление миллионов людей, которых во времена СССР совершенно справедливо стали называть работниками умственного труда, видимо, окончательно превратило собственно интеллигенцию из отдельного социального слоя в социальную секту, структурированную и сплочённую по клановым основаниям: столичная интеллигенция, отдельно – московская и отдельно ленинградская (питерская) интеллигенция, национальная (в союзных республиках), провинциальная, сельская, творческая, научно-техническая, «шестидесятники», либеральная (80-е годы и доныне) и т.д.

Сложные процессы (но в направлении примитивизации) шли и внутри каждого слоя-клана когда-то славной и бескорыстной русской (российской, советской) интеллигенции.

Творческая интеллигенция ещё в советское время постепенно вырождалась в богему и к нашему времени окончательно мутировала в телесериально-эстрадную тусовку. Научно-техническая, наиболее последовательная и целеустремлённая, в 70-е годы XX возроптала из-за недооценки её труда и материальных неурядиц. И её можно понять. Наука и техника становились реальными производительными силами. Достижения страны, бесспорно, были следствием талантов и усилий именно образованного класса. И для нашей интеллигенции стало крайне унизительным как то, что уровень её жизни был (или казался) ниже, чем в странах Запада, так и то, что он немногим отличался от уровня жизни большинства населения СССР.

В 70-е годы московская интеллигенция стала называть народ вполне марксистским, но в её устах абсолютно презрительным словом «гегемон». Кстати, помните, какие слова профессора Преображенского из «Собачьего сердца» стали одними из самых любимых среди образованной публики после выхода на экраны соответствующего фильма? Да, эти: «Нет, я не люблю пролетариат!»

Конечно, советская власть обманула российскую интеллигенцию. Коммунизм в 1980 году не построила, Запад по уровню потребления не обогнала, автомобилей и дач всем интеллигентам не раздала, зарплатами, как шахтёров, не баловала, свободно за рубеж выезжать не позволяла, а всё гоняла по родной стране, по не всегда ухоженным провинциям, по комсомольским стройкам и сельским домам культуры. Устала советская интеллигенция от материальных неурядиц и от чрезмерной близости к народу.

В марксизме-ленинизме наша интеллигенция полностью и окончательно разочаровалась именно в 70-е годы. И чему же ей тогда оставалось поклоняться? Только Западу и буквально любым идущим оттуда идеям.

Но лишь немногие, в основном в столицах, увлекались Западом как «политической идеей». Победила мещанская интерпретация нашего отставания: не обязательно быть первыми в космосе, если мы отстаём в чистоте подъездов и в разнообразии продуктов, одежды и автомобилей. Даже наоборот: целесообразно отказаться от космоса, если это поможет приблизиться к западному потребительскому стандарту. Да и вообще, зачем эта пресловутая социальная справедливость? Уравниловка какая-то... Несправедливость справедливее!

ФЁДОР ЕВГЕНЬЕВ

Белоленточный протест напомнил о существовании интеллигенции

И тут пришла перестройка

О ней можно говорить что угодно – от восхваления до хулы. Но точно одно: советскую интеллигенцию, в массе своей ставшую её движителем и восторженным участником, эта перестройка уничтожила окончательно. Во-вторых, разбила на враждующие друг с другом «национальные интеллигенции». Ну а, во-первых, дав ей политическую власть (а это то, что никогда и ни при каких условиях нельзя давать интеллигенции, ибо управляет государством интеллигенция ещё хуже, чем кухарка), которую у интеллигенции тут же отобрали в лучшем случае «деловые люди», а в худшем – безыдейные проходимцы или просто уголовники. В результате интеллигенция впала в нищету и безысходность 90-х, где полностью и люмпенизировалась.

Строго говоря, к настоящим русским интеллигентам в 70–80-е годы XX века можно отнести только тех, кто духовно, идейно и организационно группировался вокруг так называемых писателей-деревенщиков, но перестройка и 90-е годы оттеснили их на обочину политического и медийного (что стало очень важным) поля. А основная часть тех, кто продолжал называть себя интеллигентами, полностью отдалась либерализму, что фактически уравняло два далеко не во всём совпадающих понятия «русский интеллигент» и «либерал» (западного розлива).

Более того, ненависть к России и к народу (русскому в первую очередь), поклонение «Европе» расцвели в рядах ещё трепыхавшейся на поверхности публичной жизни интеллигенции в 90-е годы махровым цветом. Всё это раньше и жёстче других описал ещё в XIX веке Достоевский. Но в годы перестройки и особенно после 1991 года эти ненависть и лакейство превзошли все мыслимые пределы и окончательно похоронили русскую интеллигенцию как особый и особо благородный духовно общественный слой России, «как класс».

Всё сказанное, разумеется, не означает, что в России не осталось тех, кого по отдельности можно называть интеллигентными людьми. Но русская интеллигенция в целом безропотно и бесславно сошла с исторической арены.

Некоторые утверждают, что классическая русская интеллигенция возрождается сегодня. Лично я оснований для такого вывода не вижу. Однако как мещанин, удостоенный дворянского звания, по натуре своей остаётся мещанином (Мольер), так и нынешний обыватель, хоть из «высшего света», хоть из «креативного класса», всё равно остаётся «мещанином в интеллигенции».

Язык как показатель исчезновения интеллигенции

Вернусь к Карамзину, ибо ссылка на него позволит мне привести ещё одно свидетельство того, что русской интеллигенции больше нет. Как известно, именно Карамзин выработал русский литературный язык, на котором с начала XIX века стало говорить образованное русское общество (тогда, когда оно не изъяснялось – между собой – по-французски или по-английски). И говорило, несмотря на все революции и реформы, до начала 90-х годов XX века.

Но с 90-х годов тот общественный слой, который к этому времени ещё был по происхождению или общественному статусу интеллигенцией, начал говорить на другом языке, который я называю **вульгарным русским**.

Что это за язык? Это неупорядоченная смесь неграмотной русской речи обеих столиц, южнорусских (в основном) говоров, одесского наречия, квазирусского языка выходцев из Средней Азии и с Кавказа, англицизмов, уголовного жаргона, обсценной лексики и стёба. Причём всё это чаще всего при полнейшей примитивности языковых конструкций, но с претензией на интеллектуализм а-ля Запад.

Да и раньше русские интеллигенты могли говорить с простыми людьми на «их» языке, но они не говорили на этом языке между собой. Теперь говорят. Кроме того, раньше можно было по языку отличить интеллигента от представителей всех других классов и слоёв общества. А сейчас нельзя.

Разве может существовать особый, да ещё образованный, общественный слой, если внутри себя он общается точно на таком же языке, как и самые необразованные и деклассированные элементы общества? Если на этом языке он создаёт свои произведения – литературные, театральные, кинематографические? Конечно, нет.

Виталий Третьяков

остальном имеет право сомневаться. Более того, обязан сомневаться.

■ Интеллигент часто не понимает или делает вид, что не понимает то, что является вполне очевидным для любого нормального или простого человека.

■ Фиги в кармане от «творческой интеллигенции» теперь обходятся государственной казне стократ дороже, чем в советское время. Теперь эти фиги золотые. Да и из кармана их давно вынули.

■ Российская интеллигенция всегда клеймит власть, но всегда обижается, если власть не сажает её за стол с собой.

■ Продекларированную в конституции свободу печати для всех журналисты и интеллигенция захватили только для себя. То есть узурпировали.

■ Те, кто выдаёт себя сегодня за интеллигентов, по большей части и в историческом смысле слова ими не являются. Но вины это с них не снимает.

■ Думать и говорить о себе, что она «лучшая часть народа», может только худшая его часть.

■ Три интеллигента, собравшихся вместе, – приятная компания. Десять интеллигентов, собравшихся вместе, – дискуссионный клуб. Сто интеллигентов, собравшихся вместе, – съезд интеллигенции. Пятьсот интеллигентов, собравшихся вместе, – это толпа ещё более разрушительная, чем пятьсот футбольных фанатов. Так как пять сотен футбольных фанатов громят лишь витрины, а толпа из пяти сотен интеллигентов – государство.

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

В текст, как в реку, нельзя войти

О философии творческого процесса размышляет в канун 80-летия Андрей Битов

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Андрей Георгиевич Битов – советский и российский писатель. Автор более двадцати книг. Один из основателей постмодернизма в русской литературе. Почётный член Российской академии художеств.

АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ

– Рассказ «Автобус» начинается фразой «Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь». Есть ли у вас такая книга? В каком состоянии она сейчас?

– Такая книга есть. Это «Империя в четырёх измерениях», к которым примыкает «Пятое», а «Нулевое» её открывает. Так что уже шесть последовательных хронологических томов.

– Но при этом вы считаете «Империю…» одной книгой…

– Да, я считаю это одной книгой. Она так сложилась. Она сама росла, как однажды посаженное зёрнышко. Постепенно… Я понял только году в 96-м, что она написана, когда поставил английские переводы моих книг в ту последовательность, в которой они были изданы. И вдруг я вижу – вот они бок о бок и правильно стоят. Непонятно до сих пор, почему американцы так правильно, со своим абсолютным непониманием русской жизни и русских реалий, именно в этой последовательности выпустили мои книги.

– И получилась та самая последовательность, которая и привела к возникновению «Империи…»

– Да, она сложилась. Это делал всё тот же Роджер Страус, который издавал Иосифа Бродского. Он вообще имел нюх хороший.

Я не помню, кто же мне процитировал из первого письма Бродского, когда он оказался в иммиграции, что среди американцев вообще нет людей. Это было его зазнайское ощущение иммигранта. Он же вынужденно всё-таки уехал и чувствовал себя не дома, а разлучённым с друзьями, с родителями. Людей вообще нет; есть лишь сто человек, зато они настоящие. Собственно, больше ста и не надо. Это уже как по Библии: если у нации есть сто человек и условия страны позволяют им существовать, то эта страна ещё ничего, если только она не уничтожает эти сто человек. Вот такая у меня арифметика простая. Так что Роджер был «из настоящих» – что-то чувствовал, что-то понимал.

– У вас были когда-нибудь сомнения в том, что вы настоящий писатель?

– Я не был уверен, что я писатель. Но у меня просто другого выхода не было. Кем я мог бы быть… Вылечиться невозможно. Либо надо было попадать в сумасшедший дом, либо в тюрьму. Я другого выхода не вижу.

– То есть тексты всегда писались сами, это не усилие какое-то? Не нужно было сажать себя за стол, это не работа?

– Это не работа, конечно, но заставлять себя надо. Обязательно. Иначе ничего не получится. Бывает, никак не можешь себя заставить, но вдруг заставил. Вот к этому моменту, когда наконец заставил, ты уже достаточно готов, упакован, спрессован, и получается выплеск. И, если у тебя достаточно сил на этот выплеск, он может быть более-менее ничего. В общем, если спрессовать всё то время, что я сидел за столом, то получится, что я никогда за ним не сидел. Или я сидел тупо, например, сижу за столом, а на самом деле в «Паука» играю. Дело в том, что когда тебе вдруг перестаёт всё мешать, вот тогда всё и получается, а эти обстоятельства бывают очень редки. В остальное время тебе всё мешает.

– Что такое «Паук»? Это игра компьютерная?

– Да, игра, пасьянс. Дело в том, что с пауком у меня сложные взаимоотношения, ибо у меня начиналась хорошая карьера скалолаза в юности, но я проиграл свои первые соревнования, которые должен был выиграть. На финише, когда мне оставалось только подтянуться до вершины, я уже ухватился рукой за финишный край скалы, и в этот момент на паутине, как, знаешь, они качаются, большой паук-крестовик спрыгнул мне под нос. И я с визгом, как девчонка, отпустил сразу все страховки и полетел вниз. Хорошо, что я на страховке слетел… Так я с позором упустил первый свой выигрыш. Точно так же паук сбивает меня с концентрации и теперь, но в пасьянсе. Я вижу в пауке очень много провиденциального, потому что, с другой стороны, он же и плетёт ткань. Он же организатор великой конструкции, величайшей. И, собственно, в прозе больше паутины, чем в чём бы то ни было. Я всю жизнь и плету паутину…

– Были ли в вашей молодости писатели, которые казались вам живыми классиками?

– Нет, не было. Уже их не было. Они все уже умерли.

– Пастернак?

– Нет, я его не знал. Но он не был стариком. Он был немного младше меня. Это было моё основное недавнее разочарование, что старики не были стариками, а были людьми моложе меня. Ахматова ушла, младше меня была, я старше уже её. Чего там говорить, она была старухой, великой старухой в Ленинграде. Чрезмерно великой. Нет, тогда с одной старухой я дружил, но какая же она была старуха, когда она была возраста моего отца? С Лидией Гинзбург. С ней было приятно общаться, поскольку она больше меня знала и больше меня понимала. Я просвещался, не учась, а просто усваивая какие-то другого уровня оценки и характеристики. Это была всё-таки, по-видимому, какая-то дружба.

Старших уже не было, я даже помню, как Михаил Леонидович Слонимский сказал: «Как вам плохо, что у вас нет никакого старшего авторитета. У нас хотя бы был Короленко». Вот что приблизительно говорил мне последний серапион. Короленко у них был за старшего авторитета. А Короленко сам умер в 1921 году, значит, для Слонимского, который 90-х годов рождения, было такое соотношение. На самом деле разница в возрасте очень небольшая была… Я помню, в 2004 году, когда отмечалось столетие со дня смерти Чехова, было трудно осознать, что прошло всего сто лет. И всего столетие прошло со дня смерти Толстого, с 1910 года, и это людям тоже трудно осознать… Все думают, что это какие-то огромные явления истории, как 1917 год или 1941 год, что они рассекают века на такие глыбы, что они друг от друга отстоят уже на тысячелетия – ничего подобного, это всё рядом. Если я, например, помню всю войну… А я живой ещё человек и не ветеран.

– Вы помните войну?

– Помню. Помню в том виде, в каком она мне доставалась: в виде блокады и эвакуации.

– А как в вашей жизни Лидия Гинзбург появилась?

– Точно уже не помню, но она определённое влияние на меня оказала. Тогда это было, пожалуй, явление «оттепели» в Ленинграде. Потому что на самом деле в Ленинграде, я считаю, её не было. Просто либеральные люди старшего поколения, такие как Панова, её муж Давид Дар, Геннадий Гор, Михаил Слонимский пытались помогать молодым, но у них самих сил было немного. И мощностей никаких не было официальных. Тогда они просто принимали дома, и поскольку у них было немножко больше заработка, то они могли поставить нам бутылку и закуску и беседовать с нами. Вот такой был уровень общения.

– Писатель – это всегда читатель?

– Я думаю, что он начинает как читатель, но при этом сильно обольщается тем уровнем, на котором он способен понимать. И тут он и останавливается. Как правило, то, что он читает, имеет гораздо более глубокое измерение, поэтому литература безмерна, безразмерна. Если она настоящая, она имеет слишком много измерений, не просто четыре. Иногда возникают измерения, даже для неё неизвестные. Даже ею самой ещё не постигнутые. Наверное, это связано с языком, существованием в языке. Поскольку литература вне языка не существует, а язык есть само по себе безмерное метафизическое состояние, то, следовательно, тут нет дна. Нет ни начала, ни конца, ни дна. И в то же время это должно иметь форму, законченность, ограниченность. Это такая чудесная шкатулка. Не засекреченная вовсе, как некоторые думают. Нельзя научиться читать.

– Читатель – это талант?

– Безусловно. Некоторые могут перепутать этот талант с писательским. Это тоже бывает. Короче говоря, это не менее сложно, чем писать. Это повторение того процесса, который производил автор.

– Всё-таки читатель ничего не создаёт, а только воспроизводит.

– Ну и что? Воспроизводишь-то ты того же автора. И даже автора уже нет, автор не способен себя прочесть, а читатель способен. У читателя есть все полномочия, все преимущества, все прерогативы ставить себя над автором, если он действительно может постигнуть написанное. Иначе бы Библия была прочитана, а она не прочитана. Пушкин был бы прочитан, а он не прочитан. Не потому, что это сложные книги – это сложные процессы. Великие книги не сложны, а непостижимы. Это совершенно разные вещи. Это не расфасованное нечто в слова, это другое состояние слова, которое удалось тому или иному автору передать от реальности к словесному отображению. То есть это всегда остаётся процессом. И никогда не кончается.

– Есть ли что-то, о чём вы хотели, но не смогли по каким-то причинам написать?

– Есть бездна брошенных замыслов и начал. А потом вдруг из этой свалки выворачивается какое-то одно начало, и ты за него цепляешься, и оно уже не кончается, пока ты его не напишешь. Я выработал одно правило, но ему всё труднее следовать: если удаётся всё-таки включиться в текст, то уже не вставать до тех пор, пока ты его не кончишь. Это очень правильный подход, поскольку текст – это связь всех слов. И ты сюда уже не вернёшься, как говорят, в эту реку ты уже не вступишь, следовательно, надо пройти весь текст, но это не всегда удаётся. Это называется «вдохновение» или, может быть, это ещё какое-нибудь состояние, но когда ты вступил в текст – это уже то, что нельзя победить, и то, что происходит уже помимо тебя. Вот это уже настоящее письмо. Но оно бывает время от времени, и по молодости оно случалось чаще.

– А вы сами себя чувствуете классиком? Ведь ваши произведения уже есть в школьной программе.

– Какой классик?! Если бы умер летом 1994-го от диагноза неоперабельный рак мозга, то, может, и был бы ещё один классик, время бы показало. Но я отказался и вот прожил ещё 23 года. Мне не подходит понятие «профессионал», так же как и «писатель», разве немножко «прозаик». В лучшем случае канцелярская формула из нашего издательского договора: «в дальнейшем именуемый Автор». Сколько продлится «в дальнейшем», не знаю. Больше шестидесяти лет прошло от начала…

К тому же, школьная программа – это разве классика?

– А что такое классика?

– Классика – это текст, который не требует себе доказательств. Вот всё, что я могу сказать. Быть в школьной программе… Я считаю, что

дважды

АЛЕКСАНДР КАРЗАНОВ

Владимир Маканин, Андрей Битов, Рехо Ким, Владимир Личутин

«Пушкинский дом», например, наиболее такой растиражированный роман. Это просто из ненависти к школьной программе, потому что нельзя преподавать хорошую литературу в школе или надо как-то иначе преподавать. Я не знаю, что надо делать, но я был счастлив, что я не прочитал, да я и до сих пор не прочитал…

– «Евгения Онегина»?

– «Евгения Онегина».

– Это шутка.

– Почти. Например, «Войну и мир» я читал, когда уже сам был писателем – помню, с фонариком, в шахте – не мог оторваться от этого романа. Значит, это было уже в 22 года. Я был готов его прочесть, вот в чём всё дело! Но не в школе же это читать. Вот и Чехова я был готов прочесть, когда учился на Высших сценарных курсах: там очень много показывали кино, и я удивлялся, что же это у нас такое плохое кино, когда у нас уже Чехов был. Тогда я перечитал повести Чехова «Дуэль», «Три года», что-то ещё. И я был поражён, до чего же это сценарно точно, и помню, я об этом заявил Иосифу Хейфицу в 1967 году. Говорю: «Что же это все жалуются, что нет сценариев, а никто не снял «Дуэль»? И он был очень счастлив найти во мне единомышленника, сказал, что он всю жизнь мечтает и пробивает эту вещь. И оказалось, что он всё-таки, старик, сумел это снять! Он снял великолепный фильм с довольно-таки тяжёлым названием «Плохой хороший человек» или что-то в этом духе, с Далем в главной роли. Но это замечательный фильм, с чудными актёрскими ролями – и это Чехов. Настоящий герой в кино, на мой взгляд, это не тот, который стреляет, а тот, который Гамлет, способный душу показать человеческую. И вот к вопросу о глубине: что такое «Гамлет»? Сколько бы его ни ставили, он будет всегда «Гамлет», и всегда будет не поставлен.

Мы и с Пушкиным-то не справились – что нам с Шекспиром справляться? Это сложно. Не уверен, что мы можем быть какими бы то ни было читателями Шекспира.

– Что вас наполняет?

– Если сверху не нальют, то ничто меня и не наполнит. Так что жалоба сумасшедшего у Гоголя, что перестаньте капать мне на голову, она всегда мне казалась какой-то странной. Но я замечал только одно, что если ты как следует сумеешь опустошиться в работе, в исполнении замысла, исполнении текста, если ты сумеешь по своему ощущению полностью опустошиться, выплеснуться и завершить, то это такое счастье на самом деле, и такая свобода, и такая пустота великая. И тут же берут и в тебя наливают. Вот это я понимаю. А что наливают – это ещё надо пожить, походить, погулять, попьянствовать, порасплескать. Вот ещё надо получить гонорар. Что-то подступает, подступает за счёт растраты. А что ты успел растратить и за счёт чего – это совершенно непонятно. Вот Пушкин – у него каждое слово надо взять и понять. Он очень боялся празднословия и много раз вымаливал у высших сил, чтоб его не было. Надо научиться непразднословно читать, и только тогда уже начинает доходить каждое слово:

Дар напрасный,
дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной
властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Ни одного лишнего слова! Вот тебе всё описание бытия творческого, какое может быть. Вот то состояние, до которого себя должен довести писатель, и тогда снова он, может быть, наполнится.

Беседу вела
Марина Смирнова

«ЛГ» от всей души поздравляет Андрея Георгиевича Битова с юбилеем и желает ему крепкого здоровья и новых произведений!

ТЕМА НОМЕРА

Битовский дом

Окончание. Начало на стр. 1

Мы читали роман частями, как самиздат, он бродил среди филологов главами из рук в руки… каждую главу хотелось или украсть, или сделать машинописную копию, мало кто так мощно входил в русскую литературу, как Андрей Битов, сразу целым корпусом замечательных текстов, да, чуть не забыл! Ещё один шедевр дебютанта – «Уроки Армении»… Понять, как это написано, ещё можно, но уяснить, как это прочувствовано, невозможно.

Помню, как я вдруг даже обиделся на Битова, увидев его в кино в роли какого-то несимпатичного персонажа, да как он мог снять свой алмазный венец, чтобы стать пустяком, вот до каких пароксизмов ревности доходила моя студенческая влюблённость читателя в автора.

Прошли годы, и однажды классик оказался случайным гостем в нашем доме и поутру подошёл к моим книгам на полке, я чувствовал себя как пациент на столе хирурга… «Интересно, что скажет», подумал я, потому как подбирал свою библиотеку с особенной тщательностью. Палец гостя коснулся только одной-единственной книжки из сотни, это был изящный томик кулинарных рецептов для блюд исключительно из картофеля. «Всё из картошки», значилось на обложке… хм, так уж и всё? Хмыкнул Андрей, мгновенно уловив онтологические претензии кулинара.

Писатель должен уметь превращать день в серию афоризмов.

Битов замечательно обладает этим пушкинским свойством.

Так, однажды оказавшись на его столичной кухне, чтобы выпить по чашке крепкого кофе, я удивился появлению тяжкой гардины на высоком окне, что так? Андрей отдёрнул штору и кивнул на магазинчик, который поместился на противоположной стороне улицы. Вот! На крыше той торговой точки сияла надпись из неоновых букв: «Брюки»… «Кофе невозможно попить», – буркнул с досадой хозяин и снова задёрнул штору.

В этих мелочах, между прочим, скрыта одна из важных особенностей его дарования. Битов выстраивает свою писательскую жизнь, как симметрию из двух отражений, где слева, скажем, сама жизнь без прикрас, а справа её отражение на странице в расщелине пишущей машинки, где он, подумав, расставляет свою снайперскую правку, что-то зачёркивает, а что-то, выправив, пускает в толщу отредактированного текста, и (надо же!) жизнь за границами этой страницы нередко берёт на караул, и в ответ исправляет стиль своего варварского красноречия на классический ранжир.

В этом Битов во многом сродни Пушкину, который втекал в русский пейзаж грамматическим склоном Кастальского водопада. Расставить знаки препинания в жизни родного Отечества, что может быть завидней?

И недаром притянуто имя Александра Сергеевича к имени Андрея Георгиевича, недаром… наш ленинградский классик всегда жил ещё и судьбой московского лицеиста, жительствовал на двоих, с удвоением сопряжения… в этой высшей симметрии ещё одна из черт его творческой стратегии.

Анатолий Королёв

НАКАНУНЕ СОБЫТИЯ

Судьба кириллицы. И не только

27–28 мая состоится учредительный съезд Ассамблеи народов Евразии. Событие будет происходить на фоне сложных общественно-политических процессов – активизации китайского проекта «Один пояс, один путь», уменьшения роли кириллицы и русского языка на евразийском пространстве. Наш собеседник – председатель Ассамблеи народов России Светлана Смирнова.

– Светлана Константиновна, связаны ли предстоящий съезд и прошедший в Пекине международный форум «Один пояс, один путь»?

– Тематически они дополняют друг друга. В Пекине председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул необходимость развития не только экономического сотрудничества, но и гуманитарного. Ведь пока на торгово-экономическую сферу приходится большая часть взаимодействия. Налицо однобокость. Нужна площадка для обсуждения острых проблем. Скажем, о судьбе кириллицы.

В последние годы мы укрепили сотрудничество с ассамблеями народов Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, открыли представительства в ряде стран Евразии. Но это формальная сторона процесса. В реальности надо добиться признания действенности евразийской идеи. Не всем нравится – и не только за океаном – само движение к многополярному миру. Надо отработать общественную интеграционную модель большого евразийского партнёрства. Это «новое собирание народов» на просторах Евразии. Нормой должно стать признание природного и культурного разнообразия мира.

– «ЛГ» постоянно выступает за культурное взаимодействие в Евразии. Эта тема будет подниматься на съезде?

– Работа Ассамблеи народов Евразии будет носить открытый характер. Пройдут так называемые панельные дискуссии, тематически близкие вашему изданию. Их участниками будут не «штатные лекторы», не функционеры, а деятели, создающие национально-культурные ценности современной России и Евразии. Назову лишь несколько названий: «Языковое многообразие как культурное наследие народов Евразии», «Писатель – переводчик – книга: развитие традиций художественного перевода на евразийском пространстве», «Форум журналистов и блогеров Евразии», «Роль русского языка на евразийском пространстве», «Международный кинофестиваль «Евразия: территория кино». И это далеко не всё! Разговорами дело не ограничится. Создадим постоянно действующие тематические профильные комитеты как механизм реализации принятых решений, выработки новых программ… Ключи от мира в мире сейчас именно в Евразии.

Беседовал
Сергей Володин

P.S. В Форуме примет участие «Литературная гильдия Евразия» («ЛГЕ»), учреждённая недавно «ЛГ» при участии инициативной группы, в которую вошли И. Машбаш (Адыгея), А. Дементьев, В. Костров, В. Личутин, К. Абдулла (Азербайджан), зам. председателя Комитета по культуре Государственной Думы А. Шолохов, Ю. Козлов, С. Рыбас, М. Тарковский, В. Еременко, депутат Государственной Думы С. Шаргунов, М. Замшев, А. Воронцов, доктор филологических наук А. Большакова, С. Мнацаканян, М. Синельников, О. Елисеева, В. Казаков (Белоруссия), Ю. Щербаков, (Астрахань), Е. Гусев (Ярославль), И. Смолькин (Псков), В. Терёхин (Калуга), Н. Зиновьев (Кубань), С. Петрова-Амбрасовская (В. Новогород), Р. Харис (Татарстан), В. Ар-Сергиги (Удмуртия), Б. Канапьянов (Казахстан), Ю. Кобрин (Литва), Б. Мариан (Молдавия), Л. Иванян (Армения), М. Ахмедов (Дагестан), К. Ибрагимов (Чечня), Р. Бикбаев (Башкирия), В. Васильев-Харысхал (Якутия), В. Тургай (Чувашия), Н. Санджиев (Калмыкия), В. Санги (Сахалин) и другие известные литераторы.

«ЛГЕ» ставит своей задачей укрепление связей литератур Евразии, возрождение системы взаимного художественного перевода, расширение журнально-издательских возможностей для писателей Евразии, возобновление традиционных Дней братских литератур в разных регионах.

Возглавил «Литературную гильдию Евразия» Ю. Поляков.

ДИСКУССИЯ

В ожидании большой фантастики

Сегодня катастрофически не хватает произведений, которые рассказали бы нам о вызовах будущего

Писатель и историк фантастики Геннадий Прашкевич, статьёй которого осенью ушедшего года стартовала дискуссия о состоянии отечественной фантастики, убедительно пишет о том, что настоящая литература зиждется на многих великих, но единственных в своём роде произведениях. В материале филолога Артёма Зубова, напечатанном в развитие темы, я нашёл неубедительные строки о триумфе жанровой литературы и успехах «проектной» фантастики. На самом деле никаких особенных литературных достижений в проектном вале, который напитала своей энергией молодая писательская генерация «цветной волны», нет. Да и не для достижения литературных вершин всё это делалось. А уж про стремительный рост тиражей и писательских гонораров нынче говорить вообще не приходится… Кстати, если уж использовать слово «вал» в его морском значении, то российского читателя давно захлестнул вал «попаданческой» фантастики. Этот шторм, инициированный ещё в начале девяностых чередой добротных и достаточно многоплановых романов Василия Звягинцева (цикл «Одиссей покидает Итаку»), не стихает уже много лет. Реваншистское перекраивание прошлого с помощью «казачков» из настоящего стало постоянным и любимым занятием целой когорты литературных ремесленников. Обвинять их не стоит, эти авторы старательно и профессионально обслуживают запросы своих поклонников. Критики любят говорить, что непритязательные вкусы потребителей подобного чтива сформировались стараниями издателей, строго соблюдающих рамки формата и приучивших читателя к однообразной жвачке, произведённой по шаблону. Но дело не только в этом. Немалая часть отечественных читателей (молодых и не очень) буквально жаждет хоть каких-нибудь побед, пусть это будут даже выдуманные виктории в придуманном прошлом. Собственно, «попаданцеведы» не то что бы напрямую руководствуются ставшим штампом выражением Михаила Задорнова «Россия – великая страна с непредсказуемым прошлым», а просто дают значительно больше свободы своему воображению, нежели историки.

Сейчас катастрофически не хватает произведений, которые рассказали бы нам о вызовах будущего. О том, какими могут быть эти вызовы, как к ним готовиться, что предпринять… Я догадываюсь о причинах творческого ступора и отсутствия креативного горения по этому поводу у современных авторов. Хорошо было Александру Казанцеву и ранним Стругацким, Ивану Ефремову и Георгию Мартынову, Сергею Снегову и Георгию Гуревичу, другим советским фантастам писать (пусть очень по-разному) о светлом будущем в те времена, когда построение коммунистического общества было твёрдо обещано Программой КПСС и шло по плану. Были обрисованы основные принципы и контуры многообещающего грядущего, а при Хрущёве в 1961 г. даже написан и принят «Моральный кодекс строителя коммунизма». Писателям оставалось только наполнить этот план человеческим содержанием – живыми героями с их характерами, поступками, любовью (в первую очередь к труду, разумеется). Энтузиазм авторов, их новые необычайные идеи стимулировал и сам радостный процесс движения к коммунизму – фантасты описывали, как учёные, инженеры и космонавты совершают чудесные открытия, покоряют пространство и время, разведывают новые пути, чтобы приблизить дивное будущее.

А что сейчас? Прекрасная коммунистическая мечта исчезла из повестки дня, как и энергичное движение к её воплощению. О том, при каком строе мы теперь живём, нынешние идеологи стыдливо лишний раз не говорят. К чему мы неудержимо приближаемся – никто не объясняет. Но людям свойственно верить в лучшее будущее, а не в «конец истории». Кто поддержит позитивный настрой? Здесь бы и карты в руки писателям-фантастам… Да чтоб они рассказали не о далёком будущем, как в научно-фантастической космоопере Роберта Ибатуллина «Роза и Червь» (2016), завоевавшей в 2016 г. несколько престижных жанровых премий, а о времени более близком. Чтобы описали с достоверным оптимизмом возможные варианты не очень далёкого, а главное – светлого грядущего. Попытки прогностического прощупывания будущего, конечно, предпринимаются, но чаще выливаются в антологии, составленные из произведений малой и средней формы. Например, авторы сборника «Российская империя 2.0» (2016) видят мощную, успешную и процветающую Россию при условии восстановления в ней монархии. Составители мемориальной антологии «Мир Стругацких. Полдень и Полночь» (2016), выпущенной в «Эксмо» к годовщине смерти Бориса Стругацкого, понимают будущее, как развитие миров, созданных знаменитыми братьями-фантастами. Авторы же сборника «Магиум советикум. Магия социализма» («Снежный Ком М», 2016) продлевают существование Советского Союза с помощью «социалистической» магии…

Так называемая четвёртая волна фантастов в восьмидесятые годы изо всех сил старалась сделать фантастику полновесной частью большой литературы. А ведь эту задачу и сейчас никто не отменил. «Проектная» фантастика и коммерческие издательские экзерсисы с «попаданцами» и без оных – всего лишь игры-развлечения, эскапический отдых для читателя, пусть и неплохо востребованный. Как, впрочем, и сказочное купание в океане фэнтези любовного толка, собравшее нынче под свои сентиментальные знамёна невиданное количество авторесс и читательниц. Но не исчез и другой читатель, верящий, что большая фантастическая литература не умерла, ждущий масштабных, глубоких и серьёзных художественных произведений, достойных включения в шорт-листы уважаемых литературных премий. В прошлом году для некоторых такой книгой стал грустный роман Марии Галиной «Автохтоны» (2015). Заслуживает внимательного прочтения не укладывающаяся в привычные рамки историческая фантасмагория Вячеслава Рыбакова «На мохнатой спине» (2016). Необычен провокационно-психологический роман Михаила Савеличева «Крик родившихся завтра» (2016). Любопытным открытием для меня была книга молодого писателя Кирилла Фокина «Огонь» (2016), вышедшая в издательстве «Вече». Кстати, по ней на Новой сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге поставлен спектакль «Сегодня. 2016». Я надеюсь, нас ждут и другие фантастические сюрпризы. Вот, например, в Питере объявился новый Пелевин, Александр Сергеевич, который абсурдно-мистическим романом «Здесь живу только я» (2016) бросает своеобразный вызов своему популярному однофамильцу.

То ли ещё будет…

Владимир Ларионов

Создание фантастического мира не только искусство, но и пророчество. Картина художника Стефана Моррелла

И.С. СОКОЛОВ-МИКИТОВ – 125

„Свела нас Россия...“

Редкий случай писательской дружбы – более 50 лет

В начале декабря 1920 года пароход «Омск», на котором матрос Иван Соколов служил рулевым, пришвартовался в английском порту Гулль. Порт встретил моряков непривычной тишиной: бастовали докеры. Забастовка затягивалась. Пароход не разгружался. Судоходная компания «Добровольный флот», владевшая «Омском», несла убытки. Пароход решили продать. Команда, подлежащая списанию на чужбине, взбунтовалась. Матросы поручили выразить начальству протест рулевому Соколову. Вероятно, он высказан был в столь резкой форме, что капитан Яновский тут же вызвал полицию, чтобы сдать «зачинщика-большевика». Соколова арестовали, на него завели дело. Неизвестно, чем бы оно завершилось, но до суда не дошло. О случившемся на «Омске» узнали из газет супруги-журналисты англичанин Гарольд Вильямс и русская Ариадна Тыркова, переехавшие к тому времени из России в Англию. Это были друзья Соколова, они вместе печатались (при лестном соседстве с именами Анны Ахматовой и Александра Блока, Пантелеймона Романова и Алексея Ремизова, Евгения Замятина, Сергея Есенина и др.) в благотворительном сборнике «Пряник осиротевшим детям», выходившем в 1916 году в Петрограде. Под поручительство этих журналистов Иван Сергеевич Соколов был освобождён. Они же посодействовали ему перебраться весной 1921 года в Германию.

Берлин показался Соколову преддверием России – так много было здесь русских издательств, уличных афиш на русском языке, приглашавших на литературные вечера и концерты, в магазинах и кафе звучала русская речь. Было много знакомых имён: Максим Горький, Борис Пильняк, Алексей Ремизов, Андрей Белый, Виктор Шкловский, Владимир Набоков (Сирин), Саша Чёрный (Гликберг), Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Сергей Есенин и Айседора Дункан... Иван Сергеевич познакомился и близко сошёлся с Алексеем Николаевичем Толстым, показавшимся ему наиболее русским среди литературной эмиграции. Соколов-Микитов (псевдоним Микитов был взят Иваном Сергеевичем от имени деда Никиты – Микита по-деревенски, когда он в 1913 году работал секретарём редакции портовой газетки «Ревельский листок», заполняя её страницы самыми разными материалами с различными подписями) быстро вошёл в круг писателей, тяготевших к журналу «Новая русская книга», который издавал бывший питерский критик профессор Александр Семёнович Ященко. Книжные и журнально-газетные издательства охотно и быстро печатали рукописи писателей. В России ещё не затихла Гражданская война, свирепствовали голод и сыпняк, орудовали банды, вспыхивали бунты крестьян, страна мучительно шла к созданию государства, окончательно сложившегося лишь к декабрю 1922 года, а здесь, в относительно спокойном Берлине, создалась некая «обитель творчества». Получил возможность наконец-то заняться литературой и Иван Сергеевич. Менее чем за полтора года пребывания в Берлине у него вышли книги «Об Афоне, о море, о Фурсике и о прочем», «Сметана»; издательство «Грани» выпустило его сборник прозы «Кузовок». Он издал в разных газетах и журналах («Руль», «Накануне», «Жар-птица», «Голос России» и др.) рассказы и очерки, накопившиеся в его матросском баульчике, в том числе очень резкие, антибольшевистские статьи и памфлеты 1918–1920 гг., вызванные событиями Гражданской войны и бесчинством продотрядов, грабивших крестьян при продразвёрстке. На выход сборника «Кузовок» А.С. Ященко откликнулся весьма одобрительной и пространной рецензией, первой в творческой биографии автора. Приведём из неё одну лишь фразу: «...ясность, жизнерадостность и любовность его темперамента позволяют надеяться, что из него выработается, столь редкий у нас, писатель положительных и радостных сторон жизни, представитель пушкинской, единственной нашей здоровой традиции».

Этой традиции, основа которой – любовь к тому, о чём он пишет, Соколов-Микитов останется верен всю жизнь. Такова была особенность его дарования. Именно дарования, полученного Свыше.

Всё как будто складывалось как нельзя лучше для писательской судьбы Соколова-Микитова. Тем более разительным для эмигрантской литературной общины стало известие, что он начал хлопотать о возвращении на родину.

В августе 1922 года Соколов-Микитов на немецком пароходе «Шлезиен» прибыл в Питер. Город после пережитых передряг предстал притихшим и малолюдным, меж булыжников мостовых росла трава. Надо было выполнить поручение Горького, и Иван Сергеевич направился в Дом книги на Невском. С Фединым он ранее не встречался. Отворив дверь, Иван Сергеевич увидел за столом молодого, лет тридцати, человека артистического вида, светлоглазого, с ровным пробором светлых волос. Это и был «Конст.Федин», как он подписывал свои публикации. Неожиданно для себя они быстро расположились друг к другу.

И.С. Соколов-Микитов и К.А. Федин

Им обоим было по тридцать – с разницей в три с небольшим месяца. У того и другого прожитое было насыщено событиями, порой ставившими на грань самоё их существование. Глядя на аккуратного редактора столичного журнала, Иван Сергеевич не мог, конечно, предполагать в его прошлом побеги из родного саратовского дома, скитания, добывание куска хлеба натурщиком, церковным служкою, путешествие в Германию и там гражданский плен в связи с начавшейся Первой мировой войной, работа актёром на зарубежных театральных подмостках, выстраданное возвращение в Россию вместе с искалеченными, завшивевшими солдатами после их плена в Германии, голод в Москве, выступления на митингах и агитационная работа по мобилизации в Красную Армию, служба кавалеристом в башкирской дивизии и фронт, редактирование газеты и журнала... Всё это и многое другое Константин Александрович, став писателем, изложил в своей биографии, написанной по просьбе того же Ященко для его «Новой русской книги».

Не угадывалось и у Ивана Сергеевича, ещё сохранявшего европейский облик, что он плавал матросом, служил фронтовым санитаром на Первой мировой, где под пулями вытаскивал из окопов раненых, оттаскивал к стоявшим поодаль двуколкам, укладывал парами на двуколку и отвозил к полевому перевязочному пункту, летал мотористом на первых в мире тяжёлых бомбардировщиках «Илья Муромец», колесил по охваченной пламенем Гражданской войны России в поисках хлеба для Севзапфронта, чудом избежал в Киеве расстрела в деникинской разведке, умирал в голодном Крыму от дистрофии и спасся снова плаванием...

Они не говорили об этом. Это было их прошлое. Они говорили о будущем, где обоим виделся единственно возможный путь – работа за писательским столом. Все дни пребывания Микитова в Питере они провели вместе. Ещё не побывав дома, Иван Сергеевич пригласил Федина к себе на Смоленщину.

Родители и дядя-крёстный жили теперь в деревеньке Кочаны, на речке Невестнице, в доме «кочановской бабушки», как называл её Иван Сергеевич – у тётки отца. Из родного дома в Кислове Соколовых выжили чекисты, «нахрапщики», присланные утверждать советскую власть в смоленской глубинке. В тесном доме нашлась отдельная комнатка – «кабинет» – и для работы Ивана Сергеевича. Он, как обещал, послал по приезде телеграмму Федину и вскоре получил от него письмо. «Пишу тебе с большой любовью; откуда она взялась к тебе за короткий срок – не знаю. За сантимент не сердись...» – писал он, по-мужски стесняясь излияния чувств. «Ты, Костя, хорош (т.е. хороший ты человек), т.е. прост ты, светлый, от тебя идёт человеческое тепло...» – не менее смущённо признавался в ответном письме Иван Сергеевич.

Так началась эта удивительная не только по своей продолжительности (более 50 лет), но и по предельной открытости и сердечной откровенности переписка двух известных, очень самобытных и не схожих меж собою русских писателей, связавшая их так, что, прожив свою жизнь, каждый из них прожил как бы ещё одну, общую для обоих. «Думаю иногда, как это случилось, что нас, непохожих в судьбе и пути людей, соединила братская близость? Быть может, свела нас Россия, наша родная мать?» – много позднее (1957 г.) размышлял в письме к Федину Соколов-Микитов.

Можно продолжать цитирование писем с обеих сторон, но лучше прочесть всю переписку, которую старательно, с любовью издали сотрудники Музея К.А. Федина в Саратове. Это собрание документов трогательной и поучительной душевной мужской теплоты, которые по-иному и полнее дают представление о широкоизвестных русских писателях.

Они были очень разными людьми. Иван Сергеевич был наделён природой характером такой же цельности, как любое её создание, обладающее только ему присущими свойствами: ель – так ель, клён – так клён. Он представлялся сам как одухотворённое, очеловеченное явление природы. Он мог быть только таким, каким был рождён. Его невозможно было представить за конторским столом, в нарукавниках на чиновном мундирчике. Но как легко было его видеть присевшим где-нибудь на пеньке, с тепляющейся в руках трубочкой, прислушивающимся к лесным звукам! Полнее всего он раскрывался, когда пребывал свой в своём.

Константин Александрович, как известно, был общественным деятелем очень высокого ранга, заседал в Верховном Совете страны. Приносило ли это ему душевное удовлетворение и радость? Ответ дают его письма к Соколову-Микитову, где он писал: «У меня такое чувство, что Кислово, Кочаны – настоящая моя родина...» Под тяжестью государственных и общественных обязанностей ему не всегда удавалось выкраивать время, чтобы уехать к другу на Смоленщину, где можно было походить босиком, отпустить бородку, волочить бредень с мужиками на мельничном пруду, подсвистывать манком рябчиков в осеннем лесу, пережить волнение на облаве, где он взял волка, почувствовал себя охотником и приобрёл ружье одной из лучших зарубежных фирм. Таким, кроме Ивана Сергеевича, его знали очень немногие.

Вадим Чернышёв

МНОГОЯЗЫКАЯ ЛИРА РОССИИ

Кладезь живых языков

Современная литература народов России

Поэзия/Антология

М. Организационный комитет по поддержке литературы, книгоиздания и чтения в Российской Федерации; Объединённое гуманитарное издательство 2017

568 с. 1500 экз.

Отрадно, что, преодолев длительный период забвения, национальные авторы вновь занимают достойное место на небосклоне российской литературы, привнося богатство своих родных языков в нашу общую культурную сокровищницу. При поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в свет вышло уникальное полилингвальное издание – антология поэзии «Современная литература народов России». Некоторые тексты из неё ранее были опубликованы на страницах «Литературной газеты» в проекте «Многоязыкая лира России», который «ЛГ», оказывая неизменное внимание национальным литературам, ведёт уже много лет.

Внушительный том с бело-красной обложкой украшен орнаментальной жар-птицей, словно воплощающей собой литературу России, объединяющую под своим крылом всё многообразие национальных литератур.

Масштаб проекта поражает воображение... Над антологией работало 800 (!) человек. В неё вошли произведения 229 современных поэтов, написанные на 57 национальных языках. Специально для издания на русский язык было переведено более 8,5 тысячи строк – результат кропотливого литературного труда 142 переводчиков. Всего в антологию вошло 751 произведение. При этом каждое стихотворение представлено параллельно в оригинале и в русском переводе.

В предисловии сказано: «Эта книга, по сути, не что иное, как своеобразная энциклопедия живых национальных языков, любой из которых обладает, по крылатой фразе русского поэта Евгения Баратынского, «лица необщим выражеиньем» и является носителем самосознания, мировоззрения, надежд и чаяний своего народа».

Действительно, «Современная литература народов России» –энциклопедия, причём не только в переносном смысле, но и в прямом. Каждый раздел, посвящённый национальной поэзии, предваряется небольшим обзорным очерком. Эти обзоры написаны специалистами самых разных направлений и уровней – лингвистами, филологами и библиографами – для того, чтобы читатель мог глубже понять языковой и поэтический контекст, в котором существуют представленные стихотворения. Кроме того, антология содержит биографический указатель авторов и вообще очень грамотно, академично структурирована. Так, национальные литературы расположены в алфавитном порядке – по названию языка.

Составление подобного рода сборников – первый опыт не только в отечественном, но и в мировом книгоиздании!

Недаром к проекту проявили внимание на самом высоком уровне. Книга издана в рамках государственной «Программы поддержки национальных литератур народов Российской Федерации на период 2016–2017 гг.».

Более того, антологию предваряет вступительное слово Президента Российской Федерации Владимира Путина: «Отмечу, что и сегодня в России немало талантливых авторов, пишущих на своих родных языках. Важно, чтобы их поэтические строки были услышаны, нашли свой путь к сердцам людей. Уверен, что «Антология поэзии народов России», в которой содержатся как оригинальные тексты современных российских поэтов, так и их переводы на русский язык, внесёт значимый вклад в сохранение и развитие национальных литератур России, будет интересна самому широкому кругу читателей».

Руководил проектом Дмитрий Ицкович, генеральный директор издательства «ОГИ», а в качестве ответственного редактора и председателя экспертного совета антологии выступил поэт Максим Амелин.

Важно отметить, что этот сборник – первая книга в ряду подобных антологий. Планируется выпустить ещё несколько томов, в которых таким же образом будут представлены детская литература, проза и драматургия.

Валерия Галкина

РЕДКАЯ КНИГА

Долго скрываемая правда

Николай Астафьев. Трагедия в «Англетере»: действующие лица и исполнители

Санкт-Петербург Библиотека журнала «Невский альманах» НППЛ «Родные просторы»

2016 160 с.

Только в наши дни стала пробиваться наружу долго скрываемая правда о подлинных обстоятельствах гибели великого русского поэта Сергея Есенина.

Начали удивительно драматично срастаться разного рода правдивые новые и старые факты, а тщательный отбор и анализ последовательности всей суммы событий, предшествующих его смерти, потребовал от исследователей особой сосредоточенности на деталях и взвешенных выводов. Именно так и может строиться доказательство причастности к убийству поэта ряда лиц, вольно или невольно искажающих реальный ход реальных событий. Распутать сложные нити удалось поэту и литературоведу Николаю Астафьеву, проделавшему в результате самоотверженного труда уникальную работу по реконструкции последних четырёх дней жизни Есенина в Ленинграде.

Вникая в конкретные документы, читатели вместе с автором получают возможность мысленно воссоздать реальную обстановку конца декабря 1925 года. Перед ними начинают заново оживать свидетельства писателей – современников поэта, объясняющие мотивы поступков и психологию главных героев очерка. Работа представляет опыт убедительного криминального расследования с выявлением преступной утайки подлинных событий, произошедших в конце 1925 – начале 1926 года, о которых идёт речь в мемуарах и в материалах «Дела № 89 о самоубийстве поэта Сергея Александровича Есенина», их сопоставление и дало главный ключ к объективной трактовке.

Методологически безупречные разыскания Н. Астафьева сопровождаются масштабной публикацией редких документов, извлечённых подчас из самых авторитетных, но зачастую труднодоступных архивных фондов.

Книга заслуживает пристального внимания не только специалистов, но и тех, кто интересуется реальными обстоятельствами, предшествующими гибели Есенина. Остаётся лишь сожалеть, что книга «Трагедия в «Англетере»: действующие лица и исполнители» издана малым тиражом, превращающим её в библиографическую редкость.

Александр Горелов

ТРЁХКНИЖИЕ

ПОЭЗИЯ

Лариса Тараканова. Ночной сторож, или Сад поцелуев

Хехинген Verlag «Stella»

2016 75 с.

«Ночной сторож, или Сад поцелуев» – седьмой поэтический сборник Ларисы Таракановой. Первая её книга – «Птица воображения» вышла в 1971 году, и её легкий поэтический слог и свежий взгляд на решение вечных вопросов сразу привлекли внимание читателя.

В новом сборнике нет чёткой структуры. Это просто стихи, осевшие на бумажные страницы. Здесь всё вперемежку: размышления о судьбе Родины, впечатления от путешествий, стихи о будничном, повседневном и, конечно же, вечное: любовь и поиск высшего смысла...

Печально-философский тон задаёт самое первое стихотворение:

Моих стихов не нужно никому.
Возможно, только ветру одному:
Он возбудит любые словеса
И взбудоражит, словно паруса.

Зачем я тут, зажатая в углу,
Внимаю злу и черпаю хулу?
Пора понять – в задымленном дому
Моих стихов не нужно никому.

БИОГРАФИЯ

Жоэль Шмидт. Гёте

Пер. с фр., прим. Н.Н. Зубкова

М. Молодая гвардия 2017

334[2] с. ил. (Жизнь замечательных людей Малая серия) 3000 экз.

Эта книга представляет собой попытку создать максимально достоверный портрет великого поэта, классика немецкой литературы Иоганна Вольфганга фон Гёте (1749–1832).

Автор «Фауста» и «Страданий юного Вертера» вёл очень насыщенную жизнь, посвящая себя самым разнообразным видам деятельности. Он был не только поэтом, но и естествоиспытателем, мыслителем и крупным государственным деятелем, оказавшим существенное влияние на ход политической истории Германии второй половины XVIII – начала XIX века.

Отдельные главы исследования посвящены знаменитым историям дружбы Гёте с Фридрихом Шиллером и с Иоганном Петером Эккерманом.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ольга Колпакова. Полынная ёлка

М. КомпасГид 2017

88 с. ил. 3000 экз.

Новая книга детского писателя Ольги Колпаковой «Полынная ёлка» посвящена непростой теме: жизни русских немцев во время Великой Отечественной войны.

История рассказывается от лица девочки по имени Марийхе. Её семью вместе с другими немцами отправили в Сибирь. Именно этот переезд и первые месяцы на новом месте описывает повесть. «Мы – немцы. Напали на нас тоже немцы. И всё потому, что у каждого народа есть люди плохие и хорошие, злые и добрые, жадные и щедрые» – так понимает войну ребёнок.

Впрочем, детская память «смягчает» плохое и многократно увеличивает хорошее. Поэтому наряду с тяготами военного времени в повести отражено и счастье детства, которое не может омрачить даже война, и маленькие повседневные чудеса, вроде «ёлки» из веток полыни на Рождество, и, конечно, помощь добрых людей, которых во много раз больше, чем злых.

Книга предназначена для читателей среднего школьного возраста.

Подготовила **А. Ермакова**

А МУЗЫКА ЗВУЧИТ

„Природы постигнута тайна“

Луганские премьеры: „осенняя сказочка“ Римского-Корсакова и симфонический концерт

Пятнадцатилетие Луганской государственной академии культуры и искусств им. М. Матусовского вылилось в значимое событие культурной жизни Луганска, по сути, прифронтового города. Среди череды художественных и фотовыставок, концертов всех творческих коллективов академии, премьера оперы «Кащей бессмертный» Н. Римского-Корсакова и концерт Молодёжного симфонического оркестра с участием заслуженного артиста РФ, профессора Московской консерватории Юрия Тканова выделялись особо.

«Кащей бессмертный» – это уже десятый спектакль, поставленный оперной студией академии, основанной известным дирижёром, заслуженным деятелем искусств Украины, воспитанником И. Мусина и Ю. Темирканова Валерием Леоновым. Выбор «осенней сказочки» Римского-Корсакова, написанной в канун первой русской революции, не случаен и как никогда актуален в мире, наводнённом злом и насилием. Уже с первых звуков увертюры, погружающей в царство диссонансов и ползучих гармоний, слушатель попадает в атмосферу беспросветного мрака обители Кащея. Её создали оркестр под руководством А. Щурова и соответствующее убранство сцены, решённое в чёрно-серой гамме выступающих скал, тяжёлых туч осеннего неба, оживающих благодаря мультимедийной технике (декорации – заслуженный деятель искусств Украины Л. Филь, видеопроекция – Н. Феденко, И. Брук). Первые реплики Кащея в исполнении А. Кривохаты сгустили и без того тёмный колорит напряжённого звучания.

Исполнителям сразу удалось воссоздать мир зла, где удерживается прекрасная Царевна. И даже её напевы, опирающиеся на фольклорные истоки, лёгкий нежный голос С. Тихой, не в состоянии отстранить непреложность погружения в вечный сон мрачного царства. Повинуясь фабуле спектакля, в действие врывается Буря-богатырь. Его партия с экспрессивными призывами в исполнении заслуженного артиста Ингушетии Р. Буханцева, поддержанном оркестром, напоминала стихийные порывы вихря, заставляя вспомнить лучшие страницы изобразительной музыки Н. Римского-Корсакова.

Концентрация зла достигает предела благодаря замечательно исполненной арии Кащея «Природы постигнута тайна». Режиссура В. Пушного и Т. Малаховой сделала хор полноправным участником действия. Нарушая авторское указание, хор – свита Кащея – пел на авансцене, удивляя не только стройностью звучания, но и своей пластикой, выразительными жестами, мимикой (хормейстеры Т. Кротько, Ю. Башкатова).

Каждый из вокалистов достойно представил своего героя. Светлый, мечтательный образ Ивана-королевича создал Р. Логвиненко. Его красивый голос, искренность высказывания вызвали радушный приём зала как в сольных эпизодах, так и в ансамблях с Царевной, Бурей-богатырём, Кащеевной. Однако самой яркой исполнительницей в этой премьере стала В. Кабанова. Сложнейшая партия Кащеевны не просто покорилась молодой певице, но и прозвучала необычайно убедительно.

Следует отметить игру оркестра, чья партия далека от простого сопровождения и насыщена лейтмотивами главных героев, поддерживает драматургическую линию спектакля. Отдельно хочется подчеркнуть талантливую работу художника по костюмам А. Малхасян.

Хор в «Кащее бессмертном» – полноправный участник действия

Программа концерта включала в себя Симфонию с солирующим альтом «Гарольд в Италии» Г. Берлиоза и «Гершвин-фантазию» Ю. Тканова для альта с оркестром, впервые исполненную в симфоническом варианте. Перед коллективом студенческого оркестра под управлением заслуженного деятеля искусств Украины Сергея Йовсы стояла сложная задача – во-первых, передать неоднозначный, противоречивый мир романтического героя, во-вторых, обозначить великолепные жанровые сцены, оттеняющие его страдания. Следует отметить, что концептуально исполнение симфонии было выстроено абсолютно точно в соответствии с авторским замыслом, воплощая идею Берлиоза на протяжении всех частей цикла с детализацией каждого момента яркого театрального действия.

Студенческий оркестр под руководством С. Йовсы блестяще справился со сложнейшими техническими эпизодами. К их числу относятся и вихревые пассажи меди, вовлекающей оркестр в водоворот стремительного движения, устремлённого к мощной коде.

Второй частью концерта и, по сути, его кульминацией стала мировая премьера «Гершвин-фантазии» Юрия Тканова для альта и большого симфонического оркестра.

Тематический материал, созданный Джорджем Гершвином, Юрий Тканов делает абсолютно «своим». Безупречная форма «Фантазии», красочная инструментовка, глубокая драматургия, подлинно симфоническое развитие – всё это отличительные свойства сочинения

Евгения Михалёва

ШТРИХ-КОД

Без границ

Язык живописи как форма международной коммуникации

Выставка «Искусство без границ» открылась в музейно-выставочном комплексе Российской академии художеств. На ней представлено более 100 живописных, графических и скульптурных работ преподавателей Московского государственного академического художественного института им В.И. Сурикова и Чжэнчжоуского восточного художественного института (КНР).

Чжэнчжоуский художественный институт был основан в 2001 году на личные средства китайским репатриантом Ван Фусяном. Тогда же было заключено соглашение о сотрудничестве со знаменитым Суриковским институтом.

Город Чжэнчжоу – географический центр Китая. Считается, что на территории этого современного города располагалась первая столица древнейшего царства бронзового века Шан-Инь. В 1952 году археологи обнаружили тут древнее городище, ставшее одним из важнейших археологических памятников первой половины II тысячелетия до нашей эры – культуры Эрлиган: остатки древнейших городских стен и крупных мастерских – гончарных, косто- и камнерезных, бронзолитейных. Эту землю называют колыбелью китайской цивилизации. Знаменательно, что новое образовательное учреждение было открыто именно тут, в таком «очень китайском» и «очень цивилизованном» месте.

Работы русского (слева) и китайского (справа) художников

ФАКТ

Первое знакомство художников из Поднебесной с европейской масляной живописью состоялось в XVII веке благодаря деятельности итальянских миссионеров. Для развития реализма важным периодом представляются 1950–1960-е годы, когда в КНР преподавал русский живописец К.М. Максимов, сегодня практически забытый на родине, но с пиететом поминаемый в Китае.

В нём учатся более 4700 студентов, работают 308 преподавателей – китайцы, россияне, немцы. В институте готовят высококвалифицированных специалистов по восьми направлениям: живопись (масляная, когда-то пришедшая в Поднебесную с Запада и из России, китайская традиционная – го-хуа, графика, фреска, лаковая живопись, а также смешанные техники), скульптура (монументальная и керамика), прикладное искусство (мебель, светотехника), дизайн среды, костюма и аксессуаров, визуальный дизайн, цифровой, промышленный.

Институт находится в городе Чжэнчжоу, в новом красивом районе с хорошей транспортной доступностью. Вход в институт в виде римских колонн и учебные здания в европейском стиле (что является символически значимым оформлением) построены по эскизам учредителя – г-на Ван Фусяна. Вуз имеет высокотехнологичное офисное и учебное оборудование, отличается строгой системой управления, славится талантливыми преподавателями и успешными карьерами выпускников. Здесь построены три парка для рисования на пленэре:ботанический, гравировальный и зоопарк.

Чжэнчжоуский институт разрабатывает современные методы развития художественного образования, сочетающие национальные особенности китайской школы и европейские принципы. И тут во многом помогают традиции Суриковского института, в котором недавно побывал с визитом г-н Ван Фусян.

Сяобинь Го,
почётный профессор Чжэнчжоуского восточного художественного института

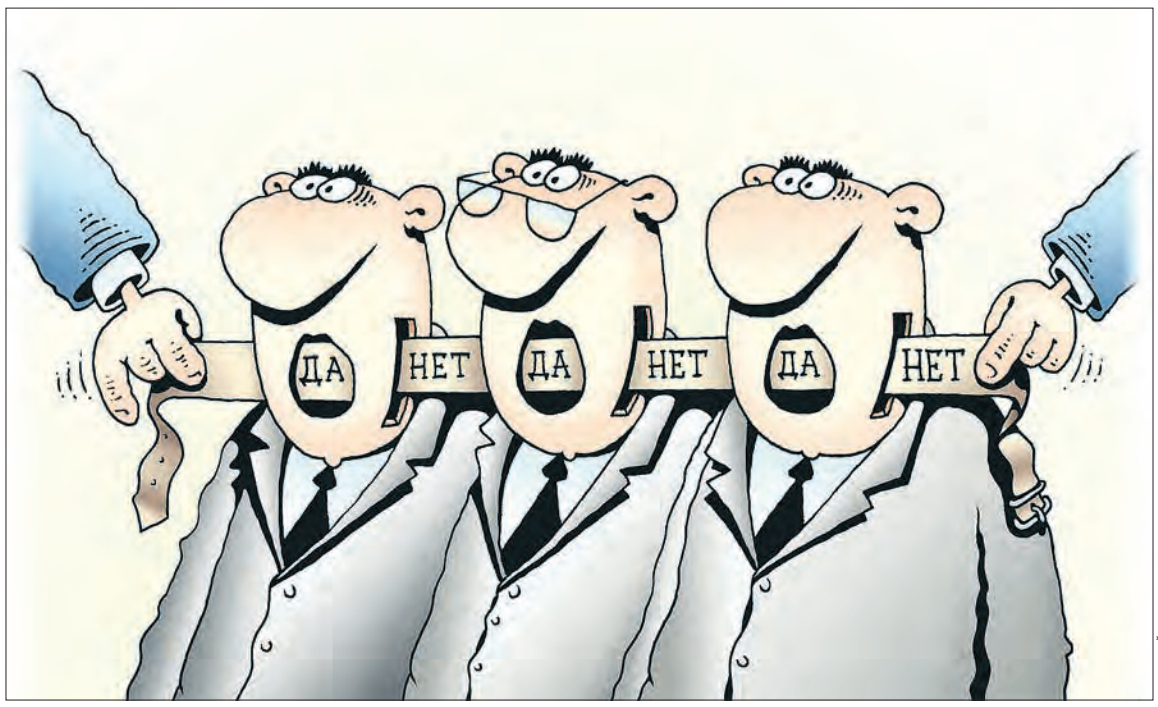
Выставка открыта для посещения с 24 мая по 18 июня.

ПАМФЛЕТ

Недобазаров и другие

Этюд о пошлости на фоне некоторых медийных персонажей

Главный наш герой чтит физиолога Ивана Павлова. Настолько, что известные Павловские среды экстраполировал на собственное радиошоу, приделав своё имя. По средам он обращается на «Эхе Москвы» к городу и миру, распуская хвост, как павлин на брачных играх: ярки и попсовы его пиджачки с искрой, трепещет бабочка под крутым кадыком, бархатится жилетик, уложен волос, презирающий слюнявую расчёску.



ИГОРЬ КИЙКО© CARTOONBANK.RU

По следам Бармалея

Он чтит и собачек академика, которые, как известно, реагировали на спецсигналы пусканием слюны. Собака Павлова не зря стала символом условных рефлексов. И не только физиологических, но и ментальных, и даже политических. Катон Старший жутко возбуждался при слове «Карфаген». Гитлер начинал дёргать ляжкой, едва речь заходила о евреях. Фидель Кастро заводился на трёхчасовой монолог при упоминании американского империализма.

У нынешних медийных персон соответствующие реакции происходят также совершенно рефлекторно. У Шендеровича при слове «Путин», у Латыниной – «Гринпис», у Проханова – «Горбачёв», у Милонова – «геи», у Шевченко – «Палестина», у Гозмана – «Крым». А уж о реакциях на слова «Чубайс» или «Ельцин» я и не говорю – море выделений.

У главного нашего героя слюна также бурлит, как гейзер, причём сразу от многих раздражителей – «церковь», «культура», «литература», «духовность», «интеллигенция» и т.д. Это вызвано, по его утверждению, тем, что он лицо без роду и племени с почти неиспорченными реакциями. Он команч. За право называться его родителем бились, как он сообщает, примерно 150 претендентов, но сам он в конечном счёте склонился к индейской версии. Этим он всё сказал. Хау!

Судя по уровню мистификации, он вполне мог произойти и от связи Козьмы Пруткова с Черубиной де Габриак.

Наш герой – воитель. Нигилист нового времени. Базаров, Рахметов, Писарев, Манфред с Каином в одном лице. Он уже выгрыз себе склепик в пирамидке, уже оценил себя как товар с элементами мумификации и весело приторговывает своими лихими похождениями: «Я даже думаю, не устроить ли что-нибудь вроде аукциона и несколько особенно омерзительных фактов из своей биографии продать подороже», – заявил он как-то. Вот здесь герой прав: пошлость во все времена оплачивалась неплохо.

Набоков обозначал такой персонаж – «профессиональный жеманник».

При этом наш герой абсолютно вторичен. Он постнигилист. Помните, ещё Базаров восклицал: «Принципов вообще нет». Вот и наш объявляет себя образцом «блистательного и великолепного лицемерия», «существом беспринципным, можно сказать, негодяем». Этим он, безусловно, копирует сказочного своего предшественника Бармалея из фильма «Айболит-66», который 50 лет назад также провозглашал, что он бесподобен, злобен, страшен, нагл.

Первичный признак

Впрочем, давайте выделим хотя бы первичные признаки пошлости, ибо понятие это весьма обширное и меняющееся. «Пошлым дураком» обозвал Грушницкого капитан Рокотов.

Привлечём для этого ещё одного властителя дум – назовём его гуру с трубкой. Не было ещё случая в эфире того же «Эха», чтобы он сказал: «Не знаю», ибо читал, смотрел, слушал, осязал и обонял практически всё, чем интересуется род людской по обе стороны Пиренеев. От Мойдодыра до Карла Поппера, от Гайаваты до Павки Корчагина, от Томаса Пинчона до Марины Степановой, от Алексея Писемского до Захара Прилепина, от Тредиаковского до Зои Ященко, Алексея Цветкова, Марата Хазиева, Алексея Дидурова и т.д. А Маяковского он вообще кличет запросто – Маяк. Тот, правда, самого Пушкина за бакенбард трепал – вот и гуру фамильярничает, типа и ему тоже можно.

Тоже в кино или театре. Ясудзиро Одзу – туточки. Феллини, Росселини, Пазолини, Висконти – пожалуйте, вечные спутники. Ну, Шапиро там, ну, Могучий – кто их не знает… Он даже упомянул однажды антисектантский фильм «Тучи над Борском», который вряд ли смотрел хотя бы один процент его слушателей. Но какова широта мазка!

Он знает всё и готов научить каждого, кто этого достоин. Он Все-Знайка в нашем Солнечном городе. Он отвечает на все вопросы, как Ленин, и вскоре, говорят, появится собрание сочинений из этих самых вопросов-ответов.

Однажды гуру решил разъяснить публике феномен пошлости. Вышло примерно так: демонстративное привлечение внимания с целью повысить собственную значимость. Ну что тут добавить – сам сказал. Разве что из того же Набокова. В эссе «Пошляки и пошлость» классик говорит о ложной, поддельной значительности. Можно ещё добавить: банальность, выдаваемая за откровение, нарочитое оригинальничанье, претенциозность, самовлюблённая некритичность. Стремление казаться, но не быть тем, кем хочешь казаться. Вот послушайте: «…скольким я на самом деле перешёл дорогу. Сколько народу, слушая иногда меня, потеряло ту самую позитивную идентификацию, и как им после этого сразу же стало трудно считать себя уж такими умными».

Осталось только, как и кинобармалею, закричать: «Я – гениальный!». «Айболита» гуру, естественно, смотрел.

Пощёчина наоборот

Демонстрационное всезнайство и демонстрационный нигилизм – две обязательные стороны пошлости. В безаппеляционности и дешёвом эпатаже всегда есть её паточный привкус. «Сегодня у меня стойкое и непобедимое отвращение к художественной литературе», – говорит нигилист. И в подтверждение называет «Анну Каренину» совершенно пустым и ненужным произведением, «Войну и мир» – «нафталиновой бессмыслицей», Достоевского – вдохновителем мракобесия и русского нацизма. Духовность – мерзостью, которая воняет. Библию – «бессмысленной, злобной книгой, пригодной только как учебник экстремизма». Из всех библиотек он предпочитает библиотеку экспериментальной медицины, поскольку ни во что не верит, кроме эксперимента, а «фальшивому пафосу всяких там Роденов» предпочитает «Ждуна», которому верит. Он набрасывается на «прусскую систему образования», принятую, по его мнению, в России, на том основании, что она выращивает солдат и скот на потребу государству, нисколько не задумываясь, что именно эта система взрастила не только Гёте–Шиллеров, но и столь любезных его сердцу немецких химиков, физиков, медиков – лауреатов Нобелевской премии. Так что же ему потребно? «Ланкастерские взаимные обучения»? Или, может быть, английские «закрытые школы», в которых наш дембельский беспредел покажется лёгкой забавой? Или католические школы времён Грэма Грина, взращивавших падре-педофилов?

В своих эфирах он также без счёта сыплет именами. Тут и Хокинг, и Уоллес, и Бёрден, и Бернал, и Холдейн, и Джонсон. Кого только нет. К какой аудитории он, собственно, обращается? А ни к какой. Просто «демонстративное повышение собственной значимости»!

Жизнь он определяет как набор химических реакций. Впрочем, тот же Базаров, готовивший себя к карьере уездного лекаря, утверждал, что порядочный химик в двадцать раз ценнее любого поэта. Пушкин, если помните, не нужен, когда существует «дельный Бюхнер»! Наши футуристы ещё сто пять лет назад предлагали «бросить Толстого и Достоевского с парохода современности». И он примазался, пытаясь дать пощёчину общественному вкусу после того как её уже дали. Своего рода ремейк. Но не в жёлтой кофте Маяка, а в пиджачке, бабочке и жилеточке. Как бы пощёчина наоборот.

Футуристы, отвергая Пушкина, хотели создать новый, «самовитый», русский язык. Наш вообще считает русский язык лишним, некой культурной ошибкой, цивилизационным рудиментом, поскольку он отгораживает нацию от мировой научной мысли, коммуницирующей, как известно, на английском.

По-моему, Горький когда-то хорошо сказал про все эти загибы: «Лермонтова с парохода? Бурлюков – на Сахалин».

Человек в халате

Он называет себя анатомом, для которого всё человечество состоит из набора внутренних органов. Для него национальность, литература, вера, язык – «всего лишь внутривидовые игры приматов», то есть возможность «пользоваться самками, лучшей едой, лучшей пещерой». Так ведь тот же Базаров считал, что Павел Кирсанов «не мужчина, не самец», так как распустил нюни от любовной неудачи. И предлагал проштудировать анатомию глаза, чтобы развенчать «загадочный взгляд», называя его романтизмом, гнилью и художеством.

Он символично считает себя человеком в халате, а не в пижаме. Для него разница – принципиальна, ибо он – исследователь (анатом), а исследователь пребывает именно в халате (резиновом? а, может, в халате из «Палаты № 6»?). А как же пиджачок? Представляете себе оскаруайльдовского денди с розой в петлице в химической-то лаборатории? Но при этом он продолжает жеманничать: «Вы предлагаете мне снять халат исследователя и залезть к мышам». Под мышами он подразумевает интеллигенцию.

Будем считать интеллигенцию ещё одним павловским раздражителем, хотя на этом поприще у него найдётся масса союзников. Всегда ведь выползет не менее пошлый слушатель, сродни горьковскому инженеру Суслову из «Дачников», который скажет: «А ведь он прав, чёрт возьми! Проще надо».

Эволюция на конюшне

Одно время он заделался ярым лошадником. И прожил бы, может быть, до конца своих дней, как и многие добрые люди, на конюшне. Благородное ведь дело и в меру безобидное. Так ведь нет – исследователя и анатома как носителя универсального знания понесло на мозг человеческий. Бросив лошадок, он издал книгу «Происхождение личности и интеллек-

та человека». Там рецензенты нашли не менее 60 фундаментальных ошибок, не считая мелких брызг полной некомпетентности и подтасовок.

На мнения экспертов, конечно, можно глубоко начхать. Ибо тот же Базаров когда-то изрёк: «Я ничьих мнений не разделяю. Я имею свои». И наш-таки имеет, заявляя, в частности, что эволюция разума человека на протяжении последних двух миллионов лет никак не связана с эволюцией мозга. Что-то подобное, и тоже с потугой на эпохальность изрекал и Евгений Васильевич, утверждая, что все люди друг на друга похожи как телом, так и душой, и что достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других, и что так называемые нравственные качества одни и те же у всех. Но если у нигилиста Базарова это посылы ниспровергателя, уездного, правда, масштаба, то у нашего – потуги эпигона того же масштаба, но резвящегося на давно уже вытоптанной поляне. И как подтверждение – релиз: «Была и есть некая серая масса и интеллектуалы, между ними всегда была чёткая демаркационная линия. Сейчас серая масса получила возможность легализовать свою культуру. И ею упивается».

Но ежели кто вздумает возразить что-либо на эту многопудовую банальность, так у него наготове Гейденгайн (неясно только отец или сын – оба физиологи), который утверждал: «Если вы знаете, что вы правы, никогда не спорьте, потому что дураков не изменить».

А пошляков?

Побиватель мифов

Он неуёмный мифологоборец. Как и многие нынче. Тут, правда, надо заметить, что миф ещё никому победить не удавалось. Зато можно словесно оторваться.

Его разухабистое богоборчество – слепок с антиклерикальных штампов в стиле журнала «Безбожник». Прошедшая через Эпикура и Лукреция, Боккаччо и Рабле, Вольтера и Дж. Толанда, «Тартюфа» и «Гавриилиаду», Свифта и Гашека, Калязинскую челобитную и Демьяна Бедного антирелигиозность давно приобрела некие стойкие черты, и добавить к аргументации – умной или глупой, выдержанной или хамской, научной или мистической – нечего. И найти новые сатирические черты непросто. Настоящая сатира – вещь тонкая, малозависящая от химических реакций.

Юродивые, которых с таким самозабвением топчет наш герой, – не венец веры. Как и просветители – не венец познания. И стоит ли при этом тягаться, кто больше уморил народу? Растерзание Гипатии Александрийской так же омерзительно, как и массовое гильотинирование аббатов и кюре, как сбрасывание с колоколен русских попов вкупе с надругательством над их дочками, как издевательство над малолетними обитателями монастырских приютов. Быдло – рядится ли оно в христианские одежды или революционные, в рясу или будённовку – остаётся быдлом!

Мракобесие любого рода всегда пошло, ибо изгоняет из своего лексикона сомнение, стремится замарать не только любое проявление высокого, но даже и проявления обычной человечности, максимально принизить их, ибо так проще придать толпе нужный градус ненависти или покорности. Впрочем, мы уже слышали от нашего героя, что духовность воняет.

О том, во что может превратиться примат научного знания, нас давно предупредили и Олдос Хаксли в «Прекрасном новом мире», и Евгений Замятин в «Мы». Воинствующим атеизмом не победить Тертуллиана, ибо атеизм в конечном счёте так же абсурден, как и вера.

«Слава нынче дёшева»

Медийный эпатаж превратился сегодня в способ добывания бабла. Недаром наш герой восхищается Шнуром – вполне успешным бизнесменом на ниве копания в отбросах. Эпатажники любят вскрывать «нарывы общества», чтобы потом залить рану собственными испражнениями и радостно при этом кричать: «Смотрите, кругом дерьмо!» Прибить мошонку на Красной площади, как Павленский, или вообразить себя собакой и кидаться на людей, как когда-то Кулик в Берлине, – на это всегда был спрос. Как на уродцев. Недаром наш герой сетует: «Слава нынче дёшева».

Сам он, говорят, считается советником гендиректора Первого канала. Так не он ли, кстати, насоветовал, чтобы вохровцы и надзиратели после вахты по охране и перевоспитанию уголовников шутейничали в весёлой когда-то студенческой игре? Оригинально? Да. Но жутко дёшево! Впрочем, на TV ещё и не такое бывало.

Пошлость – неизбежная составляющая обыденности. Однако её уровень напрямую зависит от уровня самоиронии. Когда самооценка зашкаливает – вот она, милая.

Иван Тургенев когда-то написал: «Появление пошлости бывает часто полезно в жизни: оно ослабляет слишком высоко настроенные струны». Так-то оно так. Тут всё дело в длительности и интенсивности звучания. Высоких струн можно ведь скоро вообще не услышать. Особенно на фоне вещания некоторых медийных персонажей.

Где вы, настройщики?

Алексей Славин

ИСТОРИЯ

Найти большого мингрела

На Первом канале показали три фильма о Сталине и его окружении

Парадокс: чем больше грязи на советскую эпоху вываливает наш голубой экран, тем меньше доверия к этому самому экрану и больше уважения и интереса к тем легендарным, трагическим годам. Кажется, на ТВ что-то, наконец, поняли и несколько изменили тактику в изображении сталинского периода истории страны.

Первый канал удивил невиданным ранее плюрализмом, представив три точки зрения на одних и тех же персонажей. Сериал «Власик. Тень Сталина», документальное послесловие к этому сериалу о первом начальнике службы охраны руководителей государства (прообраз нынешней ФСО) – «Дневник охранника вождя» и серии из цикла «Забытые вожди», посвящённые сталинским наркомам.

Поскольку на «Тень Сталина» яростно набросилась либеральная публика (в первую очередь, видимо, потому что «тиран и его сатрапы» изображены не вурдалаками, с клыков которых капает кровь сотен миллионов невинных жертв, а простыми смертными), мы его особо ругать не будем. Отметим только, что попытка вглядеться в историческую фигуру, понять и показать её, «зайдя в биографию», так сказать, с заднего крыльца, через детскую, столовую, спальню – весьма богата возможностями, но и чревата многими опасностями. Первая из них – поверхностность. Вторая – пошлость.

Сериал скорее не о Власике, а о Сталине и его окружении. Коржаков, например, нам интересен ведь не сам по себе, а как человек, круглосуточно общавшийся с лидером страны, принимавшим крайне важные для страны решения. Сталин здесь – поначалу жгучий брюнет, передвигающийся почему-то в соответствии с третьей балетной позицией – не крупная личность, а мелочный, сентиментальный, непредсказуемый тугодум, а уж его наркомы – вообще жалкие статисты. И эти люди построили сверхдержаву?

Главной неувязкой сериала, что отчасти подтвердило его документальное сопровождение и, конечно, цикл «Забытые вожди», является выбор главного злодея и коварного интригана. По сложившейся с хрущёвских времён традиции виновником всех бед (в том числе крушения Власика, а значит, и гибели Сталина) назначен Берия. В сериале с 30-х годов он строит козни против «тени вождя», в 40-х выбивает на него показания из его подчинённых, а в начале 50-х наконец добирается до него, приказывает схватить и пытать.

Почему опять во всём виноват Берия? Он – Яго, Ричард III, Макбет? Зачем в сериале выдуманы сцены, в которых он делит с Власиком любовницу из тайного борделя НКВД, как будто позаимствованного из сериала «Торгсин» с ночным клубом «Кабуки», которым якобы заведовал нарком Ягода?

В действительности Берия, конечно, не мог приказывать пытать Власика, в это время он все свои силы отдавал атомному проекту и ракетно-космической отрасли, где во многом благодаря его энергии удалось добиться огромных успехов. С декабря 1945 года Лаврентий Берия к НКВД вообще не имел отношения, более того, враждовал со всеми сменившими его руководителями: Кругловым, Абакумовым и Игнатьевым. Интриговал против Власика кто-то другой.

Главой комиссии, которая сместила Власика за финансовые нарушения, был Маленков, сажал его по «делу врачей» глава МГБ Игнатьев. Он же возглавлял охрану Сталина после отставки Власика, и, если вождя отравили, что в сериале справедливо рассматривается как вполне допустимая версия, за это в первую очередь ответствен именно Игнатьев. Так же, как и за то, что Сталин после удара более суток оставался без медицинской помощи.

После расправы над «злодеем Берией» (где, кто, когда и как это происходило? – достоверно до сих пор неизвестно) Власика два года держали в одиночной камере, дважды имитировали расстрел, потом приговорили к ссылке с лишением всех наград и званий, после XX съезда, хотя Власик во всех своих бедах благоразумно винил Берию, Хрущёв его не реабилитировал.

Конечно, мотив у Берии был, как и у многих, – Сталин в конце жизни не только призывал: «Ищите большого мингрела», но и публично угрожал Молотову, Микояну и другим. Если следовать логике cui prodest, то устранение Власика, скоропостижная кончина Сталина, убийство Берии, разоблачение культа личности, смещение Маленкова, Молотова и всех примкнувших к ним было выгодно только Хрущёву, который в сериале, кстати, показан вовсе не простаком, как в предыдущих фильмах о сталинской эпохе, а на многое способным мерзавцем.

Будем надеяться, что когда-нибудь нам покажут во всех смыслах историческое телеисследование, в котором будут разгаданы слова Сталина «Ищите большого мингрела» и тайна дворцового переворота, который так сильно отразился на судьбе СССР. Маленький мингрел Берия никуда не прятался, его легко нашли и убили. А вот большого...

Александр Кондрашов

Кадр из сериала «Власик. Тень Сталина»

ПОДРОБНОСТИ

Мученик режима,

или Как предателя сделали героем

Сейчас очень много говорят и пишут о реабилитации фашистских пособников на Украине и при этом упорно не замечают аналогичного процесса у нас.

Более 20 лет назад уехав из Курска, я тем не менее сохранил тесные связи с родным для меня городом и при каждом визите в него стараюсь найти время побродить по знакомым улицам. В конце февраля, прогуливаясь с супругой по Садовой улице, узнал о существовании Литературного музея Курской области. В целом музей оправдал мои ожидания – экспозиция интересная и познавательная, сделана с любовью к своему краю. Всё хорошо, но один момент испортил эту благостную картину…

МИХАИЛ ТРАХМАН

Бежав из плена, снова в бой

В зале, рассказывающем о послевоенных курских писателях, увидел стенд, посвящённый Борису Платоновичу Юркевичу (более известному под псевдонимом Башилов). Я ранее никогда о нём не слышал и поэтому с интересом ознакомился с материалами. Некоторое удивление вызвал тот факт, что этот писатель, живший перед войной в Курске, умер 2 января 1970 года в Буэнос-Айресе.

Экскурсовод на мой недоумённый вопрос: «А как он там оказался?» ответила: «Он же был журналистом и много путешествовал. Вот и остался жить в Аргентине…» В такую версию событий мог поверить только человек, абсолютно не знающий историю своей страны. Благодаря интернету я всё же узнал, каким образом курянин Николай Юркевич оказался жителем далёкой Аргентины. Попав в октябре 1941 года под Вязьмой в немецкий плен, он перешёл на сторону врага и начал сотрудничать с гитлеровцами! Вот как он сам пишет об этом:

«О существовании РОНА я узнал в 1942 году весной, когда был выпущен немцами из лагеря военнопленных и отправлен работать в пропаганду «Б»… – главный орган немецкой военной пропаганды на центральном участке Восточного фронта. По замыслам немцев пропаганда «Б» после взятия Москвы должна была заменить собой центральные органы большевистской пропаганды».

Это цитата из статьи самого Б.П. Башилова «Правда о бригаде Каминского», опубликованной в русской эмигрантской газете «Наша страна», выходящей в Буэнос-Айресе (№ 152 от 13 декабря 1952 года).

После разгрома гитлеровской Германии, которой Юркевич преданно служил в течение трёх лет, он оказался в репатриационном лагере для военнопленных в американской оккупационной зоне. После чего остался жить в Мюнхене под фамилией Тамарцев, а в 1948 году переехал в Аргентину уже под фамилией Башилов. Не путешествовал он по миру как журналист, а сбежал в Аргентину как фашистский прихвостень!

И вот какие мысли не дают мне теперь покоя.

В 1941 году в немецкий плен попали два курских писателя – Константин Воробьёв и Борис Юркевич. Воробьёв два года провёл в нечеловеческих условиях в концлагерях, со второй попытки бежал из плена и продолжил ВОЕВАТЬ С ВРАГОМ в партизанском отряде. Юркевича гитлеровцы «выпустили» (как он сам пишет об этом) из концлагеря, и он начал СОТРУДНИЧАТЬ С ВРАГОМ.

А сегодня в залах Литературного музея Курской области экспозиции, рассказывающие об этих двух людях, расположены в соседних залах! Неужели патриот Константин Дмитриевич Воробьёв заслужил такую «честь»? Неужели предатель своей Родины Юркевич достоин права даже быть упомянутым в экспозиции музея?

С просьбой ответить на эти вопросы я написал письма в Литературный музей – филиал Курского областного краеведческого музея, губернатору Курской области, главе администрации города и в областной совет ветеранов. Благодаря привлечению такой «тяжёлой артиллерии» вопрос был решён. Вскоре я получил ответ от директора Курского областного краеведческого музея И.В. Лоташовой. Стенд, сообщила она, снят.

То есть стенд быстренько убрали во избежание скандала, но в мозгах курян остался образ мученика – писателя Бориса Юркевича, созданный местной печатью. Может, всё же стоит расставить точки над i и рассказать всю правду о его жизни? Уверен, это послужит хорошим уроком для всех, кто проводит «тихую реабилитацию» власовцев и других нацистских пособников.

Андрей Симонов,
Жуковский, Московская область

***P.S.** В курской прессе статьи о Башилове-Юркевиче выходили не раз. Дом, в котором он жил, считает «Курская правда» («А в Аргентине – не забыли…», 14.09.2009), «должен бы стать одной из визитных карточек культуры и духовности региона», а история жизни «широко известного в русском зарубежье, а теперь и в России писателя Бориса Башилова (Юркевича), несомненно, достойна того, чтобы о ней знать и помнить» («Всем бурям и ветрам назло…», 25.06.2011).*

Что ж, знать об этой истории действительно надо. Чтобы ненароком не причислить к борцам со сталинским режимом предателей, боровшихся с ним в одном ряду с фашистами.

КНИЖНЫЙ РЯД

Это нельзя забыть

Когда в конце апреля 1945-го союзники приблизились к Мюнхену, солдаты увидели нечто ужасающее. Стоящий на рельсах товарный состав был заполнен изувеченными, окровавленными трупами. Не меньше двух тысяч – мужчины, женщины и даже дети – среди соломы, тряпья и экскрементов. Войдя в концлагерь Дахау, солдаты обнаружили 32 тысячи ещё живых узников, граждан 30 европейских стран. Одни, шатаясь, брели навстречу своим избавителям, другие, не в силах подняться, так и лежали в переполненных, грязных и зловонных бараках. А между бараками, в канавах, у крематория, – сложенные, будто брёвна, скелеты в арестантских робах.

Ещё один страшный расстрельный конвейер был устроен в концлагере Заксенхаузен. Только с сентября по конец октября 1941 года эсэсовцы казнили здесь 9 тысяч советских военнопленных. Расстреливали, а затем сжигали в крематории по 25 трупов в час.

После принятия «окончательного решения еврейского вопроса» и начала ведения массированных боевых действий на Восточном фронте нацистская верхушка пришла к выводу, что расстрелы или повешение малоэффективны – долго и дорого. К тому же приходилось принимать во внимание и психологическое влияние на тех, кто приставлял дуло к виску безоружного, убивая по сотне в день. Были случаи и неповиновения, и сумасшествия. Самым эффективным способом уничтожения был признан газ. Палачи лишь загоняли обречённых в камеры. Убирали и сжигали трупы заключённые из зондеркоманд.

Расстрел как обыденность

С 1933 по 1945 год через концентрационные лагеря СС прошли примерно 2,3 миллиона мужчин, женщин и детей. Большинство из них (свыше 1,7 миллиона) погибли. Почти миллион евреев умертвили в одном только Освенциме, концлагере, которому нацисты отвели главную роль в систематическом истреблении евреев Европы, процессе, позже получившем название холокост.

Автор книги, профессор Бирбек-колледжа Лондонского университета Николаус Вахсман подробно рассказывает, как и когда зарождались концентрационные лагеря и как они эволюционировали – от лагерей для политических противников в тридцатые до массовых фабрик смерти в сороковые. Основываясь на подлинных документальных материалах о лагерях Дахау, Освенцим, Заксенхаузен, Бухенвальд и других, Вахсман скрупулёзно исследовал экономику, цели, принципы и структуру этой человеконенавистнической машины.

Николаус Вахсман. История нацистских концлагерей

Пер. с анг. А.А. Уткина

М. Центрполиграф 2017

783 с. 2000 экз.

История концлагерей, завершает своё исследование Вахсман, это история «бесчеловечных мутаций совести, сделавших радикальное насилие, пытки и убийства нормой». И мир не имеет права её забывать.

Ксения Зуева

СОБЫТИЕ

Очередь из верующих начиналась от Крымского моста

К уникальной святыне

Тысячи верующих с понедельника проводят долгие часы в огромной очереди к храму Христа Спасителя, чтобы приложиться к мощам святого Николая Чудотворца.

Впервые в истории уникальная святыня привезена в Россию. Договорённость о принесении мощей из Апеннин была достигнута на февральской встрече Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с папой Франциском. Это по-настоящему грандиозное событие, поскольку за все 930 лет пребывания мощей в итальянском городе Бари, они никогда не покидали его.

В связи с тем, что поклониться мощам самого почитаемого в нашей стране святого намерено огромное число паломников, столичный метрополитен изменил режим работы вестибюлей станции «Кропоткинская». С 22 мая по 13 июля северный выход (к храму Христа Спасителя) будет работать только для входа пассажиров. Южный (выход на Гоголевский бульвар) для входа и выхода. Это позволит избежать скопления людей в северном вестибюле в условиях увеличенного пассажиропотока.

Доступ верующих к мощам в храме Христа Спасителя до 12 июля будет осуществляться ежедневно с 8.00 до 21.00. После 12 июля ковчег с мощами перевезут в Санкт-Петербург.

ВОКРУГ ХРУЩЁВОК

Юристы консультируют бесплатно

Городская адвокатская палата и Мосгордума подписали соглашение об оказании бесплатной юридической помощи по программе реновации.

– В нашу палату стали обращаться москвичи, мы посоветовались и решили организованно оказать им помощь. Потому что задача адвокатов – защищать права и свободы граждан. В рамках оказания бесплатной юридической помощи будем консультировать горожан в отношении тех прав, которые у них имеются в связи с законом о реновации, – заявил вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, первый вице-президент Адвокатской палаты города Москвы Генри Резник *(на фото)*.

Курировать проект оказания бесплатной юридической помощи будут известнейшие независимые российские юристы. Нет сомнений, что они не станут агитировать за программу, а будут именно разъяснять москвичам суть законов, покажут, как можно защитить свои права в случае, если они будут нарушены. Кроме того, если юристы по итогам встреч с жителями подготовят какие-либо поправки в федеральный законопроект по реновации, они смогут довести свою точку зрения до законодателей.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Александр Семенников, председатель комиссии МГД по законодательству, регламенту, правилам и процедурам:

– В чём отличие реновации первой волны от сегодняшней? Тогда мнение горожан учитывалось не так активно. Сегодня предложено жителям выбирать – хотят они входить в программу реновации или не хотят. Момент реализации собственником своих полномочий, когда не за тебя решают, а решаешь ты, породил много волнений. Как помочь людям принять правильное решение? Прежде всего – дать полный объём информации. Человек должен быть информирован, должен понимать, какие юридические последствия его ждут после каждого шага.

Я благодарен нашему адвокатскому сообществу. Депутаты МГД всегда его ценили и поддерживали. Навязывались нам предложения пойти по пути некоторых регионов для оказания бесплатной юридической помощи, когда создавались государственные юридические бюро, чтобы людей консультировать. Мы с таким подходом не согласились. Это негоже для Москвы, где работает действительно цвет российской юриспруденции.

Люди не очень хорошо понимают, что за этим стоит. И нам нужен профессиональный квалифицированный разговор, чтобы решать сложные проблемы формирования правоотношений в процессе реновации.

КОРОТКО

Пушкинский зовёт в гости

По сообщению официального портала мэра и столичного правительства, 31 мая москвичи и гости нашего города смогут бесплатно посетить Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Подобный подарок ГМИИ делает посетителям в честь своего 105-летия. В будущую среду для бесплатного посещения будут открыты главное здание музея на Волхонке, а также Галерея искусства стран Европы и Америки XIX–XX веков. Кроме того, 31 мая в парке Горького будет организована выставка архивных фотографий, посвящённая истории одного из крупнейших музеев России и его сотрудникам, среди которых немало выдающихся деятелей науки и культуры.

ИНФРАСТРУКТУРА

Расправляя восточное крыло

Дорожное строительство на шоссе Энтузиастов близится к завершению

По прогнозам строителей, к сентябрю будет полностью готов к запуску участок Северо-Восточной хорды от шоссе Энтузиастов до Измайловского шоссе.

Благодаря новой эстакаде транспортная ситуация на одной из самых загруженных магистралей города изменится к лучшему

Сейчас в самом разгаре работы на шоссе Энтузиастов и эстакаде, соединяющей Перовскую улицу с проспектом Будённого. Полностью обновляется проезжая часть, приводятся в порядок дублёры, обустроены пешеходные переходы. В июне шоссе Энтузиастов должно освободиться для полноценного движения, а когда заработает эстакада, то на проспект Будённого можно будет попасть, не заезжая на шоссе.

Всего же в рамках строительства дорожной сети на основном ходе Северо-Восточной хорды и прилегающих участках будут построены более 23 километров дорог, 15 искусственных сооружений общей длиной почти 10 километров, трамвайные пути и железнодорожная инфраструктура. В настоящее время уже функционируют пять эстакад, три пешеходных перехода и паркинг на 3880 машино-мест.

– Большая транспортная стройка продолжается, – заявил в ходе осмотра участка Северо-Восточной хорды мэр Москвы Сергей Собянин. – В настоящее время возводится около 100 км сложнейших инженерных сооружений, дорог, подземных тоннелей, эстакад, путепроводов через железную дорогу, пешеходных переходов, надземных и подземных. Строятся такие крупнейшие магистрали, как Северо-Западная и Северо-Восточная хорды, Калужское шоссе, ряд других локальных объектов. Сегодня мы находимся на сложнейшем узле Северо-Восточной хорды, который на протяжении уже многих лет является сложной дорожной проблемой. По завершении работ на шоссе Энтузиастов, в районе Перово и на ряде других прилегающих улиц ситуация в корне поменяется.

ФАКТ

Северо-Восточная хорда пройдёт от платной дороги «Москва–Санкт-Петербург» до Рязанского проспекта. Она соединит по периферии городские районы на севере, северо-востоке и востоке города. Магистраль пройдёт от Бусиновской развязки до Фестивальной улицы и Дмитровского и Ярославского шоссе. Далее пересечёт Открытое, Щёлковское, Измайловское шоссе и выйдет на строящийся участок 4-го Транспортного кольца от Измайловского шоссе до шоссе Энтузиастов.

„Я из породы длиннокрылых...“

Последний год жизни Надежды Болтянской

Прошло полтора года, как Надежды Болтянской не стало.

Родители и муж до сих пор не могут смириться с тем, что её больше нет. Надя была смыслом их существования. Все их стремления были подчинены борьбе за её здоровье и жизнь. Теперь осталась одна цель – сохранить память о ней как о человеке и поэте. В предыдущих номерах «Литературной газеты» (№ 20, 2016; № 43, 2016; № 7, 2017) было рассказано о её детстве, взрослой активной жизни и её творчестве. Эта заметка посвящена последнему году её жизни.

За полтора года до гибели у Нади резко ухудшилось состояние здоровья. Она стала катастрофически худеть. Только за один год потеряла в весе 30 кг. К тому же обнаружилось, что у неё постоянно повышена температура тела из-за какой-то инфекции. Надю стали лечить от инфекции и анорексии, то есть резкого похудания. Но заметного результата не было. Только за два месяца до смерти удалось нормализовать температуру. Остановить потерю веса так и не удалось.

Кроме того, у Нади нашли аневризму аорты брюшной полости (то есть местное расширение главной кровяной артерии), что могло привести к её разрыву, кровотечению и гибели. Но врачи успокоили Надю, что аневризма в спокойном состоянии, и угрозы для жизни нет. Поэтому Надя и её родители как-то забыли об опасности, а наблюдавший её врач осенью 2015 года на два месяца ушла в отпуск.

Несмотря на потерю веса, страшную худобу и слабость, Надя была настроена оптимистично и не думала о смерти, хотя и говорила маме: «Я так хочу жить!», и ещё: «Тебе 80 лет, а я столько не проживу».

Беда грянула неожиданно и внезапно. Накануне 2 ноября 2015 года вечером Надя долго разговаривала по телефону со своей ближайшей подругой и, по словам подруги, была в очень хорошем настроении и очень счастливой. Мама тоже заходила к ней вечером, и Надя уверяла маму, что немножко поправилась. Но к ночи ей стало плохо. Надя упала с постели, успев крикнуть мужу: «Я упала», и потеряла сознание. Вызвали скорую помощь, прибежали родители. Надя то приходила в сознание, то теряла его. У неё пропала речь.

Надю отвезли в 1-ю Градскую больницу и обследовали, думая, что у неё инсульт. Только к утру поняли, что разорвалась аневризма, и стали делать срочную операцию. Мама умоляла хирурга спасти её дочь. Он воскликнул: «Если бы мы могли! Эта операция редко кончается благополучно, обычно больные погибают». Через несколько часов он позвонил и сказал, что Надя умерла во время операции от шока из-за потери крови. Срочно приехавшая мама попросила хирурга отвести её к Наде. Он подвёл её к каталке и откинул простыню.

Надя лежала с закрытыми глазами, как будто живая, как будто уснула. Мама, совершенно парализованная случившимся ужасом, даже не плакала. Она поцеловала Надю в щёчку, Надя была ещё тёплая. Врач сказал, что больная всё время до операции находилась без сознания и не испытывала страданий.

Надя при жизни просила, если она умрёт, кремировать её. Поэтому с ней прощались в крематории при Хованском кладбище, там же её отпевали. Мама стояла у изголовья и всё что-то говорила Наде, не в силах плакать. Потом поцеловала её и обратилась с укором к священнику: «Зачем Бог забрал её!» Священник ответил: «Ей там будет лучше!»

Урну с Надиным прахом захоронили на Востряковском кладбище. Поставили скромный памятник из тёмного гранита. На нём цветная фотография Нади, где она весёлая и улыбается. Рядом с этой фотографией поместили цветную фотографию картинки, где изображён стриж с телефонной трубкой. Эта картинка была на обложке книги стихов Нади «Я из породы длиннокрылых». Внизу памятника выбиты строчки из её стихотворения:

«Я из породы длиннокрылых,
Боюсь зимы и снежных вьюг...»

Эмилия Болтянская

Видеть стержень созиданья

Надежда Болтянская

***

В мире ярком, светлом, красочном,
В мире преданных друзей,
В мире ясном и загадочном,
В мире юности моей

Я хотела на мгновение
Задержаться невзначай,
Но пришла пора взросления,
Навсегда потерян рай.

Не сбываются пророчества,
Опыт жизненный жесток.
Мудрость, сплин и одиночество –
Вот какой мне дан урок.

***

Прячась в самопогруженье
От всамделишных событий,
Наблюдать души движенье,
Ждать бессмысленных открытий.

Угорев в чаду полдневном,
В темноте искать просветы,
Различая в повседневном
Необычного приметы.

И ловить необъяснимых
Слов бесплотное мерцанье.
В сути откровений мнимых
Видеть стержень созиданья.

***

Со снегом перемешана листва.
Зелёно-жёлтый мир покрылся белым.
Светлеет день. И прячется трава
Под пелену накрошенного мела.

Раздетая рябина под окном
Без ягод, без листвы. В лохмотьях ива
Уснула до весны некрепким сном,
И ёжится шиповник сиротливо.

Замёрзли посеревшие дома,
Притихли люди, и молчит природа.
Уже не осень, но и не зима –
Тревожное, больное время года.

***

Время встало и торчит
Посреди недели,
Чёрт молчит, и Бог молчит,
Окна запотели.

Душно, тесно и темно,
Даже снега нету...
А в шкафу моём давно
Не живут скелеты.

***

Девчонки с модною завивкой,
Мужчины в шляпах, пиджаках.
Сижу на папином загривке
С воздушным шариком в руках.
Колонной мы идём на праздник.
Не помню, пять мне или шесть.
Ах, папа, ты большой проказник,
Не смей мороженое есть!
Беда – час от часу не легче:
От страха лопнул шарик мой.
Держи, держи меня покрепче,
Слезаю с плеч. Ура, домой!

***

Ошалевая от красоты,
С природой мы перешли на «ты»...

Как всё далеко и как давно,
Сплошные тени в немом кино.
Слепой поток – фотографий ряд,
Забыть. Забыть, не глядеть назад!

С собою справиться не могу,
Медовый воздух в моём мозгу.

***

Талантливые и ненормальные,
Из глины кое-как сотворённые,
Весёлые, грустные, печальные,
Всегда в кого-то влюблённые,
Гордые, высокомерные,
Любители всякого чудачества,
Легкомысленные, неверные,
Зазнайки высшего качества,
Такими мы были, помните,
Не поздно ли в зыбкое ринуться?
Веселимся в прокуренной комнате,
И кто-то уже просит подвинуться.

***

Тени рыб в голубом заливе,
Стекловидны тела медуз.
Чуть колышется ветвь оливы,
Лёгкий бриз навевает грусть.

Наползая на гальку змеем,
Еле слышно шипит прибой.
Небеса всех небес синее,
Опрокинулись надо мной.

***

Одумайся – ну разве это крах?
Слегка надтреснут голос, что тебе пел:
Костры моих стихов на площадях,
А я не собираю в горстку пепел!

Горят стихи, но путь, что мы прошли,
Зовётся поражением едва ли:
Вчера ещё мне было тридцать три,
Но я живу, я мыслю – не распяли!

***

Когда ты счастлив – счастлива и я,
У нас с тобой особые законы.
И кажется, что смыслом бытия
Стал тихий голос твой по телефону.

И как молиться на тебя посметь?
Твоя душа за гранью пониманья.
А мне бы на мгновенье замереть
И слушать шорох твоего дыханья.

***

Глаза твои светло-карие,
Волосы мягкие, нежные.
Сегодня в каком-то угаре я,
Всё видятся сини безбрежные.

Взгляну на тебя улыбчиво,
Напьюсь твоих слов, что небо в окне.
Я стала такой забывчивой,
Всё слушаю, что же ты скажешь мне.

***

Слабой свечки мерцанье,
Звон беспомощной льдинки,
Тонких крыльев касанье
Иль разрыв паутинки,

Комариная плёнка
Над застывшей водой –
Это лепет ребёнка,
Нерождённого мной.

***

До утра порой не спится,
Скорпион – пурга – ноябрь...
Думала поймать синицу,
Оказалось, что журавль.

Стая – клином, стая кличет,
Призывает птичья стать.
Он курлычет и курлычет,
Но не хочет улетать.

***

Десять тысяч ступеней ведут в небеса.
Десять тысяч – по ним я угрюмо бреду.
Миллионы печалей, разлук пояса,
Каждый день как в кошмарном
полночном бреду.

Серый камень беды
под ногами скользит.
Страшно вверх подниматься,
сорваться страшней.
Обопрусь я руками о мокрый гранит,
Может, двигаться буду
немного быстрей.

Как ступени круты!
Может, руки разжать,
Пролететь метеором и сгинуть навек?

Мне не трудно, поверьте, свой путь оборвать,
Но гораздо труднее карабкаться вверх.

***
Безвольна и чиста,
Стою в проёме дня.
Целуй меня в уста,
Коснись рукой огня.

Разбросано тряпьё,
Движенья невпопад.
Безумие моё –
Лекарство или яд?

Нечаянный комар
На зеркале застыл.
Как медленный пульсар,
Как плазма – я и ты.

***
Когда растворяются строчки,
Услышав насмешливый свист,
Останутся лишь многоточья
И белый нетронутый лист.

Но символов неоднозначность
Наполнит бумагу теплом,
А странных созвучий прозрачность
Останется мне на потом.

Суета сует
Интриги супротив теней и пятен воска,
Эскиз слепого карандашного наброска,
Лохматых лет цветные пятна блёклы, плоски,
Уже неясны даже звуки-отголоски.

Утихли страсти, кто-то память напрягает,
Рогов-копыт-хвостов немного не хватает,
Коль бес в ребро, не камуфлировать седины,
Хоть «Веллы» флягу выпей больше половины.

Тряхну нечаянно облезлой чёрной гривой,
Какая разница: красиво-некрасиво,
Из кожи лезет поросёнок несчастливый,
Гордится, врёт, жуёт и ржёт,
как мерин сивый.

Ах, эти двадцать лет плюс-минус и обратно,
А в двадцать лет и вправду что-то непонятно,
Исчезла тень и восковые тают пятна,
Существование (не более) занятно.

* * *
Природный гром похож на «Я тебя люблю»,
Казалось, это дождь, а может, просто ветер.
Как две свечи, плывём, танцуют руки блюз,
И нету ничего отраднее на свете.

Пусть вечно длится день, спасая от жары,
Пусть будет хорошо, неназванный, со мною.
Течёт, течёт река безвременной игры,
Ты, как весёлый слон, киваешь головою.

Спасибо, что меня ты любишь, как дитя,
Мы будем жить и жить,
потом наступит старость.
Я не боюсь седин, встречаю их шутя,
И нас не допекут ни нужды, ни усталость.

Прощание с пятиэтажкой
Прости меня, ива,
Простите, собаки и кошки,
Тебе помахала,
Родное синичье гнездо.
Я нетороплива,
Все книги, ботинки и ложки
Лежат, где попало,
И так начинать тяжело.

Раскладывать вещи,
Пылинки снимать безвозвратно,
Смотреть, как машина
Сминает всё то, чем жила.
Куда уж похлеще,
Уже не вернуться обратно,
Своя паутина
Затянет. Такие дела.

Сила внутреннего горения

Надежда Болтянская – поэт с богатой метрической палитрой. И хотя её можно с полным правом назвать традиционалистом, предпочитающим силлабо-тоническую систему стихосложения с определёнными метрами – ямбом, хореем, анапестом, дактилем и амфибрахием, нередко можно встретить в книгах Болтянской и примеры тонического стихосложения – дольник и тактовик, а также несколько текстов нетрадиционной формы – верлибров.

С метрическим богатством напрямую связано и ритмическое разнообразие. Собственно говоря, ритм складывается из метрических особенностей в сочетании с интонационными вариациями.

Начиная с первой книги «Пьяная ртуть» можно смело говорить о версификационном мастерстве автора и свободном владении различными формами стихосложения.

Уже первое стихотворение в сборнике – «Десять тысяч ступеней ведут в небеса», написанное анапестом, граничит, по сути, с дольником. Даже поначалу оно и кажется дольником, поскольку ритмически чётко держится на ударениях (по четыре в каждой строке), и только присмотревшись повнимательнее, всё же различается анапест.

Второе стихотворение «На остановке лужи, лужи» написано классическим четырёхстопным ямбом, но и здесь в первой строке акцент всё же на трёх ударениях, а не на четырёх, и оттого она кажется началом дольника.

А вот уже третье стихотворение книги «В мире ярком, светлом, красочном» определённо является тактовиком, формой, более свободной, чем дольник. Далее, на соседних страницах, четырёхстопный ямб «К полудню солнце полыхает» встретится с неравностопным анапестом «Ты уже не придёшь», написанным с затейливым ритмическим рисунком, многочисленными рефренами и композиционной закольцовкой главной мысли.

Ты уже не придёшь.
Прогорело и кончилось лето,
Продают на бульваре газеты,
Мелкий сыплется дождь.
Ты уже не придёшь.

Уходи и прощай.
Лёгкой рябью подёрнулась лужа,
Все куда-то бредут неуклюже
В длиннополых плащах.
Уходи и прощай.

Ни о чём не жалеть.
Ветви колются иглами снега,
Снег пятнистый и кажется пегой
Телефонная клеть.
Ни о чём не жалеть.

Ты уже не придёшь.
Уходи и прощай.
Ни о чём не жалеть.

Сложный ритмический рисунок этого стихотворения создаётся ещё и с помощью особенностей строфики и рифмовки. Здесь три строфы по пять строк, где рифмуются первая с четвёртой, вторая с третьей, а пятая строка дублирует первую. Последняя же строфа рефренно завершает стихотворение и по форме напоминает верлибр.

Кстати, о верлибрах. Вообще эту форму Надежда Болтянская использует достаточно редко, но, скажем, в книге «В осколках погибающих зеркал» есть несколько изящных примеров.

Например, такой:

Вынесли новый стол.
Поставили старый, обшарпанный.
Как будто вернулась домой.

В этих трёх строчках сказано очень многое. Через образ старого стола (точнее, замены нового старым) передаётся и ностальгия по прошлому, и тоска по покинутому дому, и печаль от того, что ничего нельзя вернуть.

Важно отметить, что в целом поэтика Надежды Болтянской лаконична, длинных стихотворений во всех пяти книгах – по пальцам пересчитать, чаще же всего – две-три строфы, которых вполне хватает для того, чтобы и донести смысл, и передать состояние.

В книге «В осколках погибающих зеркал» появляется и первый хорей «Прячась в самопогруженье». Отметим, что этот метр особенно дорог Надежде Болтянской; часто используется он в книге «Пьяная ртуть», также присутствует и в других сборниках.

Отдельно хочется поговорить о стихотворении «Голос», состоящем из трёх частей.

I
Возьми моё сердце,
Прими его в руки,
Оно встрепенётся,
Не сразу умрёт.
Как трудно согреться
В бездумности скуки,
Черно усмехнётся
Задушенный рот.

II
Вялые клочья
Годичной травы,
Мёрзлые почки,
Деревья мертвы.
К влаге приникнуть –
Река далека,
Хочется крикнуть –
Да нет языка.

III
Орать орлицею нагорной,
С размаху биться в зеркала.
Из перерезанного горла –
Мой голос с кровью пополам.
В живой воде омою перья –
Теченьем пурпур унесёт.
Шрам затянулся, и теперь я
Пою – Господь меня спасёт!

С точки зрения формы интересно это стихотворение вот чем. Первая его часть написана амфибрахием, вторая вообще уникальна: метр чередуется построчно: «Вялые клочья» – дактиль, «Годичной травы» – амфибрахий, «Мёрзлые почки» – дактиль, «Деревья мертвы» – амфибрахий. И так, с чередованием метров, написана вся вторая часть: одна строка – дактиль, вторая – амфибрахий. Третья часть представлена четырёхстопным ямбом. Для чего это сделано? Думается, для того, чтобы придать каждой из трёх частей стихотворения, объединённых общей темой, ритмическое своеобразие, чтобы каждая часть воспринималась по-новому.

Уже одно только процитированное стихотворение «Голос» демонстрирует бесспорное мастерство автора, свободное владение различными техниками стихосложения. Причём происходит всё это у Н. Болтянской совершенно естественно: смена метров обусловлена интонационными особенностями, а не желанием поразить воображение читателя. Надо заметить, что Надежда Болтянская вообще никогда не работает на публику, поэзия её вдумчива и сокровенна, и сильна внутренним горением, подкреплённым необычной образностью, а не внешней пустопорожней цветистостью фразы.

Юлия Рощина

Весна

Отрывок из романа

Ирада Вовненко

Музыка дождя – лучший концерт в жизни
Тонино Гуэрра

Дождь настойчиво барабанил в окно, бесконечный и монотонный, не отпускающий внимания. Звук падающих капель создавал свои лёгкие такты, словно в музыкальных произведениях Эрика Сати, заканчивая мелодию и начиная снова, завершая причудливый витиеватый узор, восхваляя и выписывая бисером грусть, когда чувствуешь себя покинутым, но избранным, ведь ты уже практически научился обходиться без всех и стал единственным наблюдателем и слушателем музыки окружающего мира, – может быть, даже самым лучшим. Дождь успокаивал, в отличие от будоражащего солнца, столь редкого и неестественного в Петербурге, когда нужно соответствовать ярким краскам и неожиданному теплу, которого перестаёшь ждать и так и не успеваешь надеть новые лёгкие туфли и воздушный шёлковый сарафан, повесив нежный шёлк орнаментов в шкаф до следующего лета и на какое-то время забыв о нём. Солнечные блики обнаруживают излишнюю бледность лица и едва заметные фиолетовые тени под глазами, поэтому Лиза не любила яркого солнца, предпочитая дождь, особенно весной, с одинокими печальными вечерами, когда совсем не обязательно быть счастливым и никто от тебя этого не требует. Грусть гармонично и естественно вписывается в унылый пейзаж нахлынувших серых облаков низкого петербургского неба, когда даже такие слова, как «мне страшно одиноко», звучат совсем не страшно.

Мне страшно одиноко. Лиза встала, неторопливо подошла к окну.

Мне страшно одиноко… Капли дождя нервно царапают стекло.

Это то, о чём она не может сказать друзьям, потому что друзьям нечего ей дать. Мы одиночки, мы мчимся на огоньки друг друга, а при встрече не знаем, что сказать. «Я знаю; ты знаешь; мне больно; тебе больно; тебе уже не больно? Мне пока не больно. Послушай, это то, о чём я не могу и не умею говорить вслух, а правда так проста».

Мне страшно одиноко. Как воздух, нужна любовь.

Это то, о чём говорят подругам за чашкой чая. Это то, о чём она уже не говорит никому, потому что это выглядит смешно и надуманно. Господи, как же она устала и привыкла к этому повторяющемуся диалогу с самой собой, ведь только себе как в тактах Сати ты можешь до бесконечности говорить одно и то же, правду, без насмешек и осуждений, вообще без всяких оценок, просто то, что хочешь сказать, до бесконечности, пока сам не начнёшь укутывать её в коконы ожиданий и туманы надежд.

Лиза села на деревянный стул с обветшалой выцветшей обивкой в своей небольшой комнате в коммуналке. Сюда она прибегала из родительской квартиры, просторной трёхкомнатной квартиры на Московском проспекте, чтобы поймать свою музыку и настроение, полелеять грусть, побыть с ней наедине, как с лучшей подругой, и выйти облегчённой с новыми смыслами, готовыми взлететь стройной стаей.

Фасад дома, отделанный барельефами в виде женских профилей с красиво убранными волосами в низкую строгую причёску и гордо смотрящий большими окнами на Мойку, суровую и непреклонную, совсем не сочетался с его внутренним миром, придавал особый лирический настрой и смысл всему, что здесь происходило, всплывало на поверхности густой пеной сомнений, разочарований и реже побед. Усталый, но неизменно цепкий взгляд подмечал запустение, вызывая ощущение безысходности. У всего была своя партия, своя нота в создании диссонанса: дверь, покоробленная временем, так и не дождавшаяся, чтобы её поменяли, и парадная с широкой лестницей и обшарпанными перилами, извергающая сотни запахов, ни один из которых не имеет отношения к «Молекуле»* (модный парфюмерный магазин с марками эксклюзивных духов), и словно выпускающая ту совокупность непристойностей, которыми пропитаны многие парадные в Петербурге. Лизе нравились эта неровность и шероховатость, эти запахи жизни, а не распыляющейся пудры и ванили. Она любила это место и чувствовала свою неделимость с ним, ощущая только здесь так необходимое ей тихое счастье. Ей нравился бесконечный коридор со всевозможным хламом, частью внутреннего мира того, кто скрывался за дверями своих комнат. Несколько допотопных велосипедов, на которых, в сущности, никто и не катался, но так и не набрался храбрости, чтобы выбросить. Корыта, одиноко висевшие на ядовито-жёлтых стенах, покрытые ржавчиной и видавшие самые великие стирки, которые в наше время уже и не представить, комод с пожелтевшими страницами книг и ещё какими-то старыми блюдами и вазами. Это тоже была часть жизни этих людей, с которой они, как ни пытались, но не могли расстаться, как с дорогими воспоминаниями, своей молодостью.

Время непрерывно отсчитывает ровный ритм хаотичных событий, создавая сложные узоры судьбы, с которой мы пытаемся идти рука об руку, не ссорясь, потому что не понимаем её силы, но надеемся на любовь и умение решить за нас все самые важные и сложные повороты, оправдывая свой страх её настойчивостью. За каждой дверью в коммуналке скрывалась своя история, своя жизнь. Раньше в этом доме, сохранившем все внешние атрибуты классического особняка с выдающимися колонами и барельефами, жила графская семья и занимала его целиком. Начиная от задумки архитектора, его желания гармонично соединить экстерьер с интерьером, дом привык ощущать заботу и внимание и долгое время хранил своё великолепие и имперское величие, словно врождённое внутреннее достоинство, которое сложно унизить даже самыми большими несчастьями. Всё изменилось с приходом большевиков и их отношением к собственности: владение стало коллективным и по сути – ничьим.

Лизе комната досталась от бабушки, коренной петербурженки. Кроме внучки, у неё никого не осталось, и вся её жизнь превратилась в череду воспоминаний, которые порой казались мнимыми и уже не ранили так сильно, а просто вспоминались без оценок. Бабушка никогда не жаловалась и не сетовала на судьбу, с любовью просматривая те самые мнимые события своей жизни. Зачастую, оправдывая наши неудачи и ошибки, мы говорим о том, что всё что ни делается – к лучшему. И снова совершаем ошибки, ленимся, снова терпим неудачу и снова верим в лучшее. Но ничего хорошего не происходит. Со временем приходят болезни и недуги, казавшиеся такими далёкими и почти невероятными в молодости. И каждое утро в голове противно и уверенно занимает своё прочное место мысль о том, что судьба несправедлива. Так живут многие, но не жила Маргарита Семёновна, бабушка Лизы. Она каждое утро говорила жизни: «да», негромко и доверчиво, находила во всём обыденном своё собственное тихое очарование.

В её трудовой книжке была одна-единственная запись: «Школа номер 50, учитель младших классов». Многие приписывают учителям то, о чём они сами и не догадываются: несостоятельность и нереализованность, загубленную и невозвратную молодость. Но бывают счастливые истории, когда человек выбирает специальность по своему призванию и зову души, просто потому, что ему нравится делиться открытиями с теми, кто сидит за партой и ждёт знаний, чтобы слепить свой мир и свою жизнь, поверив в себя. Вот тогда жизнь учителя наполняется радостью и каждое утро становится частью чего-то очень важного. Маргарита Семёновна любила своих учеников, не считала их балбесами, а пыталась научить, как она говорила, мыслить. К каждому первому сентября она обязательно шила два строгих костюма – тёмно-синего и серого цвета. Ей казалось, что серый цвет подчёркивает достоинства женщины, позволяя добавлять любые оттенки. В этой строгости и простоте отображались, словно в венецианском зеркале, невероятная элегантность и женственность. Муж Маргариты Семёновны, единственный мужчина в её жизни, ушёл из жизни, когда ему было всего лишь пятьдесят. Это не был несчастный случай или внезапная болезнь, у него просто однажды остановилось сердце, как и у многих мужчин в его возрасте. Просто остановилось, как и жизнь бабушки Лизы.

Невозможно отлистать жизнь назад, вернуться в прошлое, задать вопрос, получить на него ответ – почему? Почему всё произошло именно так?

Когда Елизавета вспоминала бабушку, она черпала из этих воспоминаний силы для нового дня, как в картинах, вернее, репродукциях, украшавших стены её комнаты. Это были две картины итальянского живописца Сандро Боттичелли, аккуратно вырезанные из какого-то журнала и оформленные в паспарту.

Богиня с развевающимися волосами цвета меди и улыбкой недосказанности, сочетание невероятных сказочных фигур, сплетённых неведомой нитью событий и судьбы, благословляемой лёгким движением руки Венеры, дающей добро на всё происходящее. В них было столько силы, а главное – итальянский художник опередил Достоевского, провозгласив каждым движением кисти и сплетением светотеней, что *красота спасёт мир*, – во всяком случае, он сам искренне в это верил, создавая совершенные пропорции и формы, словно слагая гимн утончённости и гармонии. «Ну если красота и не может спасти мир, – думала Лиза, рассматривая по вечерам репродукции, – то разве не может она спасти человека? Отчаявшегося, потерянного в этом сумасшедшем мире? А что если может?» Венера спокойно и загадочно смотрела на неё со стены, не умея или не желая давать ответы на её вопросы. «Сама поймёшь», словно говорил весь её облик.

Почему-то все всегда отталкиваются от настроения, словно это – основная заслуга художника, а вовсе не умение передать форму, перспективу, сложность композиции. Наверное, всё дело в цвете и лёгких, ритмичных мазках. Цвет придаёт энергию и задаёт настроение, которые мы улавливаем и вдруг ощущаем замысел творца, словно он нашёптывает нам свои мысли. Красота, способная спасти мир, вытащить его из омута страданий, в который он погружался столетиями. Красота, заключённая в совершенной художественной технике и сочетании цветов. Простая, как будто даже банальная – и невозможная истина, уравнение, которое не имеет решения.

«ЛГ»-ДОСЬЕ

ALEXEEVAEXPO

Ирада Вовненко – писатель, искусствовед, автор более 10 книг для детей и взрослых, член Союза писателей России, председатель благотворительного фонда «Ренессанс», заместитель директора по связям с общественностью СПб ГБУК «ГМП «Исаакиевский собор».
Родилась в 1973 году в Ленинграде. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств и филологический факультет СПБГУ. В 2004 году основала благотворительный фонд «Ренессанс», целью которого стала помощь больным и обездоленным детям. Принимала участие в проекте восстановления Янтарной комнаты. С 2009 года активно участвовала в деятельности Исаакиевского собора: в частности, руководила проектом «Собрание друзей Исаакиевского собора».
Первой книгой Ирады Вовненко стала история для детей «Волшебный калейдоскоп. Путешествие Петьки в страну Историю», написанная в 2006 году.
Роман «Весна» готовится к печати в издательстве «Пальмира».

Сандро Боттичелли. «Весна»

ПОД ЭГИДОЙ «ЛГ»

Авторская романсиада – 2017

ВЛАД ШВАЛОВ

Элла Хрусталёва (слева) и Елена Мартынюк

В Доме романса прошла Восьмая авторская романсиада. Проводимый под эгидой «ЛГ» конкурс собрал более 40 участников из многих городов.

«Мы ждём от современных авторов рождения новых шедевров», – сказала директор Дома романса Галина Преображенская. Как отметил один из членов жюри, заместитель председателя Союза композиторов России Александр Кулыгин, критерием оценки музыкальной составляющей конкурса является триединство образа, формы и грамотной записи произведения. Всегда выделяющаяся сильной композиторской частью, Авторская романсиада этого года порадовала высоким поэтическим уровнем.

Победителями стали Элла Хрусталёва (Рязань) за музыку к романсу «Я тебя люблю» и Елена Мартынюк (Москва) за стихи романса «Дождь», которые публикуем.

Елена Мартынюк

Дождь

«Мело, мело по всей земле»
у Пастернака.
У нас был дождь в полночной мгле,
хлестал – не капал.

Как из небесного ведра,
почти без стука,
Он лил до самого утра,
двоих баюкал.

Свеча горела, словно нимб,
едва горела,
И становилось дорогим
чужое тело.

«Судьбы скрещенья» – не о нас:
ты только гость мой,
Поэт, любовник, муж на час,
позвавший в космос.

Была каютой средь глубин
моя квартира.
И ливень – мудрый властелин –
царил над миром.

25-28 мая
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КНИЖНЫЙ САЛОН

В программе:
- выступление Э. Радзинского и презентация его новой книги «Царство женщин»
- презентация сборника «Екатерининская миля»
- круглые столы «Массовая литература современной России между буквой и цифрой»
- «Подростковая романтика в зеркале столетия: что читать сегодня?»
- встреча с Борисом Мессерером и презентация его книги «Промельк Беллы»
- работает детская площадка «Наш книжный сад»
- и много других интересных событий

XII Санкт-Петербургский Международный Книжный Салон

В Михайловском манеже с 25 по 28 мая 2017 г. соберутся представители более 240 издательств России и стран ближнего и дальнего зарубежья.

Участие в Салоне примут более 40 приглашённых гостей. Почётными гостями Салона в этом году станут баронесса Мария Кристина фон Рейбниц, принцесса Кентская – супруга Майкла, принца Кентского, которая представит на СПбМКС свою новую книгу.

2017 год в России объявлен Годом экологии. Одновременно с этим мы отмечаем столетие с начала революционных событий в нашей стране. Эти две темы нашли достойное отражение в концепции проведения Салона-2017.

Пространство Салона бесплатное для посещений. Оно, по традиции, не ограничится стенами Михайловского манежа. Активные площадки (шатры, мобильные книжные магазины, сцены, уличные экспозиции) будут развёрнуты на Манежной площади, Малой Садовой улице и на территории Кленовой аллеи.

Дорогие читатели, приглашаем на встречу с «Литературной газетой»!

У НАС: общение с журналистами и авторами «Литературной газеты» и, конечно, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА!

По льготным ценам мы подписываем всех желающих на площадке редакции (стенд № 111 справа от входа с Кленовой улицы), а также на стенде издательства «У Никитских Ворот» (стенд № 243).

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА

КНИЖНЫЙ РЯД

Бесконечный поиск

Вениамин Голубицкий. Поиск адресата

Стихи

М. Издательство О.Г.И. Екатеринбург Издательский дом «Автограф» 2017

624 с. 500 экз.

Книга стихотворений Вениамина Голубицкого – это в каком-то смысле загадка. Я впервые прочитал это имя на переплёте хорошо изданной книги. Естественно, заглянул в интернет, где, как оказалось, автору посвящено немало статей, но не как поэту, а как предпринимателю, выходцу из властных структур и т.д. и т.п. Можете поинтересоваться сами.

Но вот книга с характерным названием. Вроде бы и не надо заморачиваться, а только без адресата никуда, да и незачем. Адресат – это ещё неведомый собеседник.

Попробуем разобраться в лирическом «багаже» незнакомого мне автора, который, очевидно, понимая непростую задачу читателя войти в его лирический мир, разбил книгу на главы, на отдельные, как бы тематические, разделы.

Не останавливаясь надолго на первом вступительном стихотворении книги, всё же отметим некую попытку автора отстраниться от созданного им «объекта», взглянуть на себя со стороны:

Читаю книгу, словно не свою.
Не я пою. Не я и в дудку дую.
Чуть-чуть ещё у бездны постою.
Что ей слова… Да и дела впустую.

Какая книга эта не моя!
Вся про меня, в ней все мои аккорды.
Но только вот чужая колея
И автор, слишком сочиненьем
гордый.

Надо сказать, что в этом стихотворении многое характеризует дальнейшие страницы книги. Речь от первого лица, во многом бесхитростная и откровенная. Это не придуманные стихи – здесь всё по-серьёзному.

Перед читателем очень «вещная» книга – здесь много стихов, посвящённых вещам как хранителям памяти о прожитом. Не зря первый раздел книги так и именуется «Предметы и сюжеты». Вот они, предметы Вениамина Голубицкого: «То, чем я был, – всего набор вещей / И может, слов, промолвленных вдогонку, / – Моллюск, засохший в ракушке своей, / Монах, хранивший тусклую иконку. / Набор вниманья, ореол тепла / Распределил неровно, не по чину…»

Далее стихотворение, посвящённое обычному табурету. Ну а где табурет, там не обойтись без чаепития и старых часов:

Еврейское счастье – часы,
снабжённые праведным боем.
В них всё, чего ныне мы стоим:
Молитвы, грехи и посты.

На цепочке сторож живой
Минут неизбывной печали,
Они при конце и вначале –
Кивает мудрец головой.

И снова «Вещи», на коих держится жизнь человека, его маленькое житейское счастье. Старая потерянная игрушка – простой солдатик. Старуха, которая в горах мусора пытается заново отыскать свою жизнь. Вещи в начале книги обступают, завораживают, они глубоко укоренены в память автора. Даже сортир, построенный поэтом, очевидно, на участке друга, и тот возникает из прошлого неким лирическим волнением («для друга построил в деревне роскошный сортир…»). Проще говоря (словами автора): «Невозможно прожить в бессюжетных стихах, потому что в них время сокрыто в строфах…»

Поиск адресата – это практически письмо в бутылке, брошенное в бурные житейские волны. Вдруг выплывет и попадёт в дружественные руки… А если нет? Пройдём дальше по страницам книги Вениамина Голубицкого «Маршрутом сквозняков», как называется следующая глава. Здесь «Я вижу предметы сквозь кожу предметов иных, / Я слышу слова мне знакомой исчезнувшей речи. / В пространствах безмолвных, набитых словами, не стих / Мотив этот странный, он паром над чашкой, он вечен. / Я тенью останусь, теперь знаю наверняка, / Бродить между книг, между рифм и вещей неуюта / Маршрутами слов…»

Отдельно отметим следующие авторские разделы, на которые разбита книга. В них отражаются житейские «маршруты» поэта. Это главы «Учитесь жить без меня», «Фотография рядом была», «Перемещенье лиц» – стихи о путешествиях автора по дальним странам, «В копилке жизни сонной», «Приснившийся роман», «Заданные темы» – здесь привлекает внимание триптих, посвящённый Борису Рыжему, уральскому поэту, трагично ушедшему из жизни, «КОМПРОС и ВТОРЧЕМЕТ». Всего девять разделов, а могло быть девять отдельных лирических книг. Почему так подробно останавливаюсь на структуре этой книги, почему пытаюсь облегчить возможному читателю прохождение по ней? Потому что сегодня более чем шестисотстраничная книга стихов – это и вызов, и одновременно рискованная заявка. Названия разделов – это своеобразный путеводитель по большой книге. И в каждом разделе есть стихи, которые способны заинтересовать, задеть, затронуть чувства читателя. Проще говоря, не оставить равнодушным. Это и есть одна из задач поэтического слова.

Вспомним Серебряный век – прошло уже сто лет! – время тоненьких авторских книжек, когда читатель понемногу привыкал к именам и стихам. Сегодня другое время – привыкать просто некогда, да и тираж не предполагает большого круга читателей. Что такое в огромной и пока ещё грамотной стране пять сотен томов тиража. Родственники, знакомые, коллеги по работе, может быть, давние товарищи по учёбе, соседи по даче или другим жизненным маршрутам. Ну, и конечно, возможная презентация, возможные рецензии. Брошено письмо в океан, пошли круги и снова замерла водная гладь…

Поэт всегда ищет адресата. В сегодняшнем дне. В будущем времени. Этим бесконечным поиском занят и Вениамин Голубицкий.

Завершает книгу отзыв известной поэтессы и барда Вероники Долиной – на четвёртой странице переплёта: «Пристальный и неравнодушный перед нами человек. Пишет стихи в простоте, как дышит, как и положено. Хочу, чтобы таким стихам нашёлся читатель. И найдётся. Мы не одни на этой планете».

Мне остаётся только присоединиться к этим словам.

Сергей Мнацаканян

ФОТоШип

Активисты движения «Другая Россия» (нацболы) во время публичной дискуссии «Открытая библиотека» главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» Алексея Венедиктова облили виски.

Метод вполне большевистский;
Нрав у ребят не кроткий.
Но почему же виски?
Патриотичней – водкой.

Аристарх Зоилов-II

ФейсБуКА

Конец придёт из Сбербанка

Вот начало «взорвавшего» соцсети стихотворения «Ода Сберу»:

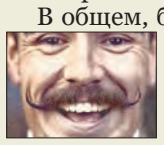
С улыбкой нежной
и всеми наравне,
Когда во мне счастья ликованье,
Скажу, преодолев
страх признанья:
Сбербанк – светило на века
в стране!..

Не Пушкин, конечно, но не хуже иных на сайте СТИХИ.РУ. А если учесть, что автор сих строк – самообучающийся компьютер и что это лишь только проба пера, то...

В общем, сушите сухари, поэты.

Собственно, на новостных порталах «автора» упорно называют «нейронная сеть Сбербанка». Не уверен в корректности термина, но смутно догадываюсь, что имеем дело с неким аналогом Скайнета. Да-да, того самого. Из «Терминатора». Грядёт тотальная компьютеризация банковского дела. Как заявил Герман Греф, через пять лет 80% всей умственной работы в его ведомстве будет выполнять искусственный интеллект. А через десять?.. А через пятнадцать?..

Ладно, поживём – увидим. Главное, чтоб не вышло, как в фильме. Там, если помните, взбунтовавшийся Скайнет устраивает человечеству Армагеддон и Апокалипсис в одном флаконе и становится владыкой мира. Что может учинить сбербанковский Скайнет, даже не берусь представить. Но если он вздумает прикарманить мою будущую пенсию – точно на баррикады пойду за любым Джоном Коннором.



В общем, боюсь я, что графоманские машинописные оды самому себе – это только начало.

Захар Густомыслов

Знаете ли вы, что...

* Купидом – древнегреческое божество, покровитель ипотеки.
* Набирая воду в чайник, профессиональные доярки по привычке мнут кран.
* Волки не едят бабушек, потому что те вяжут во рту.
* Китайские палочки – это на самом деле хорошо обглоданные деревянные русские ложки.
* Если акробат в цирке на арене перекрестился – значит, номер не до конца отрепетирован.

СкАзКАТеКа «КлубА ДС»

Наглядный пример

Давным-давно, а может, недавно, то ли за тридевять земель, то ли где-нибудь у нас, допустим, в Сибири, жили-были старик со старухой. Например, Сидоровы. И было у них трое сыновей, добрых молодцев, как на подбор.

Как-то раз нашло на старика минорное настроение. Позвал он сыновей и приказал им принести вязанку хвороста. Потом велел старшему сыну сломать один прутик. Потом то же самое проделал средний сын. Потом и младшенький. Затем старик торжественно предложил им сломать всю вязанку.

– И вот так же в жизни, пока вы все вместе...

Не успел он закончить фразу, как младшенький легко, словно Тузик грелку, почти неуловимым движением порвал вязанку хвороста пополам.

– Так чего, батя? – поинтересовался он у отца. – Ты вроде сказать чего-то хотел?

– Ничего. Свободны... – проворчал старик, а сам подумал: «Вот бугаи! И зачем только я их в своё время в атлетический клуб записал? Такую классную притчу испортили!..»

Ой, мороз, мороз!..

Дед Мороз Красный Нос бегает вокруг куста и приговаривает:

– Не холодно ли тебе, девица? Не холодно ли тебе, красная?

Под кустом с бутылкой в руке сидит девушка. Она периодически прикладывается к ней.

– Нет, не холодно мне, дедушка.

Дед Мороз посыпает куст снегом:

– А сейчас, девица?

Та опять прикладывается к бутылке.

– Тепло, дедушка, тепло мне.

Дед Мороз дует на неё ледяным воздухом Арктики:

– Ну а сейчас?

Девушка в очередной раз прикладывается к бутылке, развязывает платок и снимает шубку.

– Ну ты, дед, меня достал уже! Да жарко мне, жарко!..

Голос за кадром: «Продукция московского завода «Кристалл». Проверена временем. Никакой мороз не страшен!»

Правила есть правила

Как достоверно установлено историками автомобильного транспорта, Емеля, несмотря на помощь щуки, так и не добрался на печке до дворца царя, поскольку был остановлен на первом же посту ГИБДД. Печка, как ТС, не прошедшее техосмотр, без полиса ОСАГО, а главное – без техпаспорта, была препровождена на площадку-отстойник, где её уже поджидали ковёр-самолёт, сапоги-скороходы и Серый Волк.

Вячеслав Кондрусь

КаК тЕБе СлУжиТся?

Клуб ЛюБиТеЛей аФОриЗмОв

ПЕРСОНА ГРАТА

• Вопрос жизни и смерти: есть ли жизнь после смерти?!

• В России такой большой отток капитала, чтобы олигархи в роскоши не утонули.

• Горячие предложения делаются с холодным расчётом.

• Не обязательно читать по глазам, если на лбу всё написано.

• Жёлтая пресса заставляет краснеть.

Александр Гудков, Смоленск

• Только найдя точку опоры, можно гнуть свою линию.

• В чёрные списки заносят белых ворон.

• Шевеля мозгами, можно спугнуть мысли.

• Принимая порядочность за наивность, начинают наглеть.

• Сказать правду в глаза с кляпом во рту язык не поворачивается.

Василий Чугуев, Курск

БРАТ ТАЛАНТА

• Часто, убегая от трудностей, мы их догоняем.

Солтахан Аджиков, Черкесск

• И без денег жить можно, было бы на что.

Болеслав Вольтер, Москва

• Не останавливайтесь на достигнутом – не создавайте толчеи.

Юрий Ковязин, Каменск-Уральский, Свердловская область

• Кому на Руси жить хорошо, тот знает, что делать и кто виноват.

Алексей Кувыкин, Нижний Новгород

• Тяжелее всего на подъём – низкий уровень жизни.

Владимир Помыткин, Зеленоградск, Калининградская область

ЗавКЛАФом Николай Казаков
kazakov-aforizm@mail.ru

пАрнАС «КлубА ДС»

Поэт – вселенской сущности полпред

У нас мыслителей – вагон,
И всяк поёт, как соловей.
Чужая мысль даёт разгон
Для появления своей.
*
Люди идут по площади,
Чтоб развязать узлы.
Все мы немножко лошади,
Сволочи и ослы.
*
Нет, в натуре, лишнего гроша,
Хоть через плечо
ты трижды сплюнь.
Лысина уж тем и хороша,
Что не тратишь деньги
на шампунь.
*
Жизнь стала горькой, как алоэ,
Хоть закалён я, как металл.
Я встретил вас – и всё былое
Богатство сразу промотал.
*
Нет важней на свете ничего,
Чем тот путь, что начали отцы.
Кузнецы мы счастья своего.
Правда, никакие кузнецы.
*
В кармане ни копейки вновь,
В глазах тоска, в душе разруха.
Одна надежда на Любовь,
Любовь Ивановну – главбуха.
*
Отойдя от водки понемногу
И ругая матом этот яд,
Выхожу один я на дорогу,
Ну а там уж с косами стоят.
*
Поэт – вселенской сущности
полпред,
Посланник
от всевидящего Бога.
Нужней таланту порка и запрет,
Чем ласка и открытая дорога.
*
Как путь свой жизненный
ни мерьте,
Во зле всё тонет и в добре:
Вся суть не в датах жизни –
смерти,
А в этом ёмком их тире.

Евгений Запяткин (ЗЕВС), Самара

Темы представленных к защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук

- Уточнения к «теории падающего бутерброда»: учёт влияния зернового состава хлеба, жирности масла, времени года и суток.
- Морально-этические аспекты выгула ротвейлеров в садово-парковых зонах мегаполисов.
- Сравнительный технико-экономический анализ очистки засоуленных крыш методами ломо-лопатной и лазерной обработки.
- Повышение самооценки личности методами пластической хирургии (на примерах, анонимно).
- Использование нанотехнологий в создании композитных материалов для пастушеских кнутов нового поколения.
- Лингвистический анализ ненормативной лексики водителей маршрутных такси в зависимости от погодных условий, уличного трафика, проблем в личной жизни.
- Завышение оценок учащимся общеобразовательных средних школ как эффективный способ повышения успеваемости. История вопроса, современное состояние, перспективы развития.
- Основные принципы психологической реабилитации владельцев угнанных автомобилей.
- Новая концепция роли антракта в театральном представлении.

Представил в «Клуб ДС»
Сергей Пугачёв, СПб

Литературная газета
Муза Тавриды
Выпуск 9 (18)

СОБЫТИЕ

Пусть лира звучит

От древних песнопений до современных стихов

В Византийском дворике музея-заповедника «Херсонес Таврический» зазвучала в стихах и песнях севастопольских поэтов лира Херсонеса. Мягкое журчание воды недавно восстановленного фонтана, уютные скамьи под вековыми деревьями, солнечный день с запахом моря и благоуханного весеннего цветения стали живописной живой рамой явления на свет литературного салона с поэтическим названием «Херсонесская лира».

Литературный салон – совместный проект Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» и Севастопольского регионального отделения Союза писателей России. Государственная музейная и общественная писательская организации федерального масштаба превратили культурное событие в настоящий праздник слова, наполнив его содержание глубоким смыслом.

В центре внимания организаторов салона, литераторов и гостей праздника был Херсонес, его историческое значение для Русского міра. «Духовное сердце России», «сакральное место передачи цивилизационного кода от Византии к Руси», «духовный фокус Российской державности», «исток русской письменности и книжности, сформировавших восточнославянскую цивилизацию, её литературу и культуру» – такими определениями был почтён Херсонес в выступлениях организаторов праздника, поэтов, писателей, гостей литературного салона.

Официальную часть открытия литературного салона «Херсонесская лира» предваряли звучавшие на разных языках, в том числе церковнославянском и греческом, пасхальные песнопения в исполнении ансамбля духовного пения «Лодья» из Ярославля.

Торжественное открытие сообщества литераторов, учёных, деятелей культуры и искусства «Херсонесская лира» провозгласили директор музея-заповедника, заслуженный деятель культуры Российской Федерации Светлана Мельникова и председатель Севастопольского регионального отделения Союза писателей России Татьяна Воронина.

С приветственным словом выступил председатель Крымского регионального отделения Союза писателей России, прозаик Владимир Сорокин из Симферополя.

Первая страница литературного салона была посвящена Херсонесу-Корсуни, Севастополю, Тавриде-Крыму. Авторов секции поэзии Севастопольского отделения СПР представила собравшимся Татьяна Шорохова. Стихи читали известные севастопольские поэты, члены Союза писателей России Борис Бабушкин, Ритта Козунова, Виталий Фесенко, Николай Ильченко, Александр Федосеев, Татьяна Халаева.

Памятная страница была посвящена творчеству Евгения Евтушенко, недавний уход которого завершил эпоху поэтов-«шестидесятников». О значимости поэзии Евгения Евтушенко говорил прозаик Александр Волков, прочитавший несколько стихотворений выдающегося поэта. Воспоминаниями о встречах с Евгением Евтушенко поделилась директор музея-заповедника Светлана Мельникова.

Вторая памятная дата, которая была в поле внимания участников литературного салона, – 170-летие со дня рождения основателя Херсонесского музея-заповедника К.К. Косцюшко-Валюжинича (2 мая). О его жизни и вкладе в создание музея на раскопках Херсонеса рассказала заведующая научно-архивным отделом музея-заповедника, кандидат исторических наук Татьяна Прохорова.

В рамках рубрики «Книжные клады Тавриды» Татьяна Шорохова представила открытую в этом году для крымских литераторов рубрику «Таврический сад» в санкт-петербургском журнале «Невский альманах». Автор апрельского номера «Невского альманаха» поэт из Евпатории, член Союза писателей России Анна Зенченко-Фарафонтова прочла свои проникновенные стихи, тепло принятые зрителями и коллегами.

В рубрике «Книжные клады Тавриды» также был представлен и «Владимирский сборник» научных исследований, изданный музеем-заповедником. Заведующая Византийским отделом, заслуженный работник культуры Татьяна Яшаева рассказала, что «Владимирский сборник» вышел в свет по итогам двух научных конференций, организованных музеем-заповедником «Херсонес Таврический».

По ходу встречи прозвучала песня Виктора Берковского «Ну что с того, что я там был» в исполнении Елены и Дмитрия Осипенко – лауреатов и дипломантов песенных конкурсов, в том числе международных, организаторов ежегодного международного фестиваля духовно-патриотической песни в Севастополе «Небо славян», членов Союза журналистов России. Елена Осипенко исполнила и свою песню «Я жду весну».

Гостем салона стал заслуженный артист Украины, актёр Севастопольского академического русского драматического театра им. А.В. Луначарского Виталий Таганов. Любимец севастопольской публики спел песню на греческом языке в зажигательных ритмах «бузуки».

Все присутствующие на открытии литературного салона – и выступающие, и зрители – участвовали в сотворении нового сообщества севастопольцев, интересных друг другу плодами своего творчества, а также способностью их воспринимать и понимать.

Первый литературный салон «Херсонесская лира» провёл Максим Давыдов, самый востребованный профессиональный ведущий в Севастополе.

В заключительном слове директор музея-заповедника выразила искреннюю радость о рождении литературного салона «Херсонесская лира», отметила высокий уровень и профессионализм севастопольских поэтов, входящих в состав Союза писателей России, и пригласила участников и гостей в выставочный зал Античного корпуса Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» на выставку. Выставка произведений искусства «Вдохновение Корсуни» организована в музее-заповеднике по итогам академического пленэра 2017 года.

Открытие литературного салона – традиционного места встречи творческих людей и образованных кругов общества – стало настоящим событием в культурной жизни города русской славы. Зазвучавшая в древнем городе «Херсонесская лира», несомненно, будет способствовать превращению Херсонеса в очаг высокого культурного досуга, собирать вокруг себя профессионалов в области литературы, науки, искусства Севастополя.

Второй литературный салон «Херсонесская лира» проходит в День славянской письменности и культуры 24 мая. Тема его поэтической страницы – «Дар слова». Выступают поэты Александр Капусткин и Валентин Сорокин-Таврин, Всеволод Тишков и Анатолий Масалов... Музыкальная часть второго литературного салона представлена творчеством севастопольского саксофониста Евгения Боярских, лауреата всероссийских конкурсов артистов эстрады. Гостем «Херсонесской лиры» будет музыковед Анатолий Костенников, стоявший у истоков празднования Дня славянской письменности и культуры в Херсонесе.

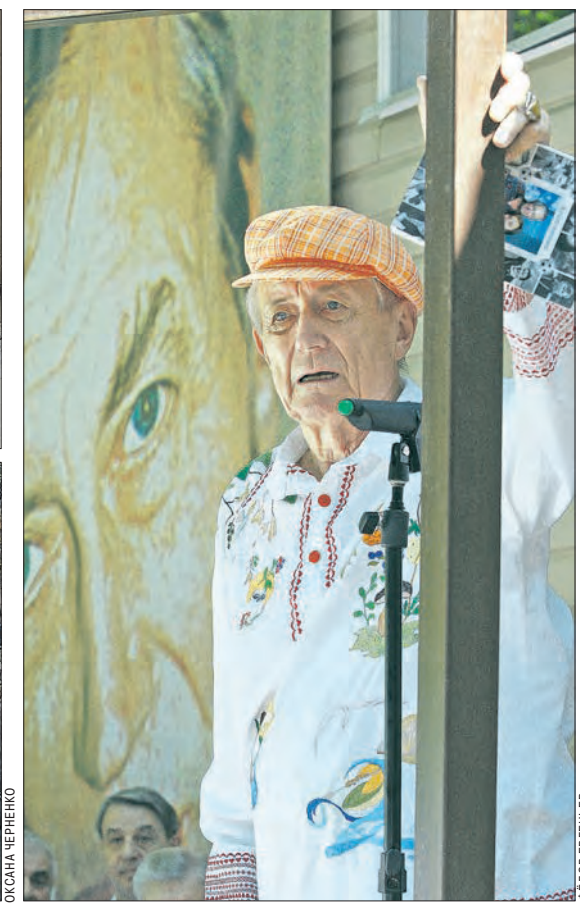
В рамках программы салона вспомнят литературные юбилеи: Максимилиана Волошина (140-летие со дня рождения) и Константина Паустовского (125-летие со дня рождения). В поле внимания участников и 230-летие приезда императрицы Екатерины Великой в Крым (май 1787 г.), а также презентация книги прозаика Александра Волкова «Пёстрая лента»...

«Херсонесская лира» звучит для всех, кто тяготеет к подлинным ценностям и отечественным традициям русской литературы и культуры.

Татьяна Бузунова

ОКСАНА ЧЕРНЕНКО

Звучащий Херсонес

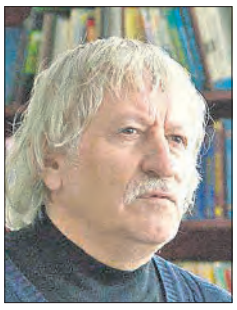


ФЁДОР ЕВГЕНЬЕВ

И Евтушенко здесь бывал

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп и на основании конкурса, проведённого Национальным благотворительным фондом.

Валерий Левенко



Поэт, член Союза писателей России, родился в 1944 году в Керчи. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Автор пяти поэтических сборников, вышедших в Симферополе, Киеве, Москве. Стихи публиковались в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Смена», «Октябрь»; в альманахах «Подвиг», «Поэзия», «Родники», «Истоки»; в газетах «Литературная Россия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец» и в республиканских изданиях. Живёт в Керчи.

Все ветры Крыма бьют в лицо

Крым

Ну есть ли край
на свете белом,
чтоб так из каждого угла
в упор История глядела –
то согревала бы,
то жгла!
И до чего же не пустяк, –
заслышав крик сивашских чаек,
в Крым торопясь,
почуять, как
всё нарастающе
крымчает!

* * *

Светло я вижу через годы,
и грусть, и гордость затая,
велосипедные походы –
дом на колёсах –
вся семья!
Бурлит ковыльный светлый ветер
над чёрным ковылём волос –
красива мама, батька весел,
и степь свистит из-под колёс!
Хохочут два азартных брата,
раскинув крыльями рули,
но к вечеру задумчив батя –
так серебрятся ковыли…
Как спицы, отсверкают годы.
Остынет след привольных трасс.
И смолкнут звонкие походы.
Но это – после.
А сейчас
навстречу морю
брат смеётся.
Все ветры Крыма бьют в лицо.
И за моей спиною
солнце,
как запасное колесо!

Держава

Неужто так и не пойму –
ну чья
лукавая «заслуга» –
что, может, ввек не обниму
Москвой подаренного друга?..
Что «заграницей» стал Байкал,
что сорвалась мечта с орбиты,
что молча пенился бокал
полынной горечью обиды?..
…Споёт иных времён Боян
о том, как ложь скрипела ржаво,
как пала,
грозная в боях,
не обнажив мечей,
Держава.

Здесь Пушкин был…

15 августа 1820 года А.С. Пушкин в первый и последний раз посетил Керчь

Здесь Пушкин был.
Далёким летним днём
здесь Пушкин был.
Сорвал цветок на память
и потерял.
И не жалел о том,
осыпав берег лёгкими следами!
Вдали остались зависть и вражда.
Вдали остались сплетни и доносы.
А здесь пылала синяя вода,
как пунш,
да парус реял альбатросом!
И разве кто-то
мог предположить,
что перед ним не просто соплеменник,
а будущего вечный старожил,
отживших
и неживших
современник!
И думал он, что снова век жесток.
И что в его империи любезной
приучен каждый помнить свой шесток.
И путь один.
И этот путь –
над бездной…
… Давно остыли лёгкие следы,
их занесло песками и годами,
и вечным светом пристальной звезды,
и столькими
невечными следами.
Но помнит море;
вдоль него поэт,
роняя свет,
идёт и юн, и весел,
улыбкой неба южного согрет.
А впереди –
совсем немного
вёсен…

Ритта Козунова

Поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей России, клуба писателей-фантастов Крыма. Автор книг поэзии и прозы, в том числе «Бьёт в бубен золотой цикада», «Спроси звёзды и травы», «Белая битва». Лауреат Всероссийской премии за лучшее освещение избирательной кампании в СМИ (2014 год, референдум о присоединении Крыма к России), лауреат нескольких крымских премий и фестивалей. Живёт в Севастополе.

Струится время золотой змеёй

* * *

Ветер нежданный
пришёл из-за дали далёкой
О чудесах рассказать,
что он видел на свете,
И зашептал, торопясь,
настороженным листьям
Синие тайны свои…
Лес заохал, заахал,
Древние буки – и те головами качали.
Сказывал ветер:
«На самой высокой вершине
Старый орёл
прилетает клевать
на рассвете
Зёрна последнего снега,
что спрятаны в балках –
Клады зимы,
разорённые бешеным летом…
А на закате –
я видел, я видел, я видел! –
Дикие кони проносятся
прямо на Запад
Алой дорогой,
проложенной
раненым солнцем…»

* * *

Вчерашний дождь остался у порога,
А утром первым встретил он меня,
У ног рассыпал звёзды чистых капель,
Цветы и листья жемчугом расшил;
Он луг накрыл волшебною вуалью –
Дождь знает: мне приятно колдовство
Последних грёз – они перед рассветом,
Как земляника, тают на губах…
Ещё мгновенье – и ворвётся солнце
И белую вуаль дождя сорвёт,
И посмеётся над его мечтами.
Закружатся разорванным письмом
Все бабочки, подхваченные ветром,
Репей стряхнёт жемчужную корону
И станет лугом – луг, трава – травой…

* * *

Струится время золотой змеёй,
Свиваясь в кольца и свой хвост кусая…
Вот обручи бросает на траву
Танцор, которого зовут Свет Солнца.
Нам кажется, что замкнуты круги,
Но взмах рукой – они уже едины,
И стали звеньями одной цепи
Две истины, два жизненных закона –
Один: «Ничто не вечно на земле»,
Другой:
«Ничто бесследно не проходит».
Паденье пёрышка с поникшей головы
Могучим громом отзовётся где-то.
Века идут, но правда неизменна,
И прорастает даже сквозь асфальт,
Как ни губи её, не жги – она пробьётся,
Покуда Солнце светит в небесах,
Нерасторжимы обручи времён,
Что нас связуют
с прошлым и грядущим…
Пляши, танцор, во имя всех надежд,
Что нас спасали на краю забвенья,
Струится время золотой змеёй,
Конец вдруг превращается в начало,
И наше время только впереди:
Ещё мы встретим всех, кого теряли,
Соединится порванная цепь,
Как обручи в твоих руках, Свет Солнца,
Пляши, танцор! Покуда длится танец,
Жива надежда – вечности сестра.

Тихон Синицын

Поэт, член Союза писателей России. Родился в Севастополе в 1984 году. Автор поэтического сборника «Частная тетрадь» и многих публикаций в периодических изданиях Крыма и России. Живёт в Севастополе.

День народной воли

Крымская жимолость. Лёгкий туман.
Пассионарности терпкие чары
Не покидают островитян…
Выйду на площадь, как Че Гевара.
В ритме весны из приморской степи.
Небо глотаю из бронзовой фляги.
Ветер свободы сорвался с цепи.
Чёрное море. Трёхцветные флаги.

Новороссия

От Дикого поля
До Тихого Дона.
От мраморной крошки руин Херсонеса
До синего неба из русской иконы,
Где в майскую вечность скользнула
Одесса.
Тебя евразийские ветры соткали
Над чёрными шахтами Юго-Востока.
То солнце на скифской горит пекторали,
То парус белеет вдали одинокий…

Памяти Андрея Платонова

1

Чёрный дым из разрушенной шахты.
В обнажённой степи перекур.
Опасаясь бандитов и шляхты,
поезд следует на Чевенгур.
Все мы здешние,
все пассажиры.
Монотонный стальной караван.
Ночь темнее и крепче чифира.
Лопухами зарос котлован.

2

Словно мухи – спокойные птицы
чертят в комнатном небе межу.
– Эй, старик, где воды нам напиться?
– Подходите, я вас провожу!
Долго помнится доброе слово.
У колодца – шершавый ковыль,
одинокая бродит корова;
всходит солнце
и светится
пыль…

Сон

В лихие девяностые
Легко
Мелькало детство
Чёрно-белой плёнкой.
Заправив джемпер в серое трико,
Я за водой спускался до колонки.
Из Питера «продвинутый» сосед
Привёз пятидюймовые дискеты…
А мы ловили крабов на обед.
И в Новый год лепили взрывпакеты.
Играли до рассвета «в города».
Удили в Балаклаве барабульку.
Уехал Макс в Канаду навсегда.
А я влюбился безответно в Юльку…
Без света ночью наблюдали дождь;
Чаи варили из вишнёвых веток.
Ненужный и забытый в сквере вождь
Позеленел, как допотопный предок.
Потом исчез на рынке керосин…
Тянулась жизнь —
пронзительно и просто.
На всю округу: бар и магазин.
Мне снился сон:
Мы снова в девяностых…

***

Блэкаутной зимой
миндаль кадит ночами
Февральский фимиам.
Безумствуют коты.
С китайским фонарём
на кухне не скучаю,
Хоть замирает чат с началом темноты.
Зато цветёт миндаль,
на полдвора белея!..
Холодный синий свет –
от лампы ночника.
И трудно разделить эпоху Водолея,
Мой високосный год и Средние века…

Скифия

Мне снилась скифская тоска,
Полынный берег
И курганы.
Неизъяснимый пульс песка
И рыхлых облаков барханы.

Мне снился логос диких птиц.
Им в тропосфере было тесно.
Ещё к ним не ходил Франциск,
Их не пугал рыбак из песни…

Каллиграфический ковыль
Мне в рукописном небе снился,
Пока слагал кузнечик быль,
А я в степи с дороги сбился.

Весенние припоминания

Дóма
происходит всё по старинке:
над кроватью в рамке –
Жак-Ив Кусто;
дед Тарас лелеет свои пластинки,
а соседской кошке уже лет сто.
Снег в апреле; солнце и холодина.
Семь рублей по городу –
за проезд…
Дети ждут каникул и карантина,
исписав фломастерами
подъезд.

Южная вольница

Там, где над морем дрожат оливки —
Кроны склонили свои вихры.
Тучи гуляют смешно по загривку
Домезозойской громадной горы.
Азербайджанец спешит с арбузом…
Джазовый праздник в баре «Рубин».
Как дирижабли плывут медузы
Из баснословно холодных глубин.
После дождя всё пронизано пылью.
Пиво и персики на берегу.
– Знаешь ли, *где* этот «рог изобилья»?
– Знаю… Но тайну раскрыть не могу!

СТИХИ ПО КРУГУ

Эльвира Юрасова

Член Международного Союза писателей «Новый современник», поэт, автор книги стихов «Морской этюд». Подборки стихотворений автора неоднократно публиковались в столичных и крымских журналах и альманахах (настоящее имя – Эльвира Аганина). Лауреат и дипломант нескольких литературных премий и конкурсов. Живёт в Севастополе.

Очень жаркое стихотворение

ветер качает листвы кружевные тени,
бабочки солнца вспыхивают
в просветах...
август... жара...
отпускное блаженство лени...
моря коктейль как соломинкой
цедит лето...

взглядом – за чайкой... ещё один
вдох свободы...
ворох сомнений на ветер
пустить не жалко...
мысли неспешным тянутся хороводом...
мыслям и тем тяжело шевелиться...
жарко...

дремлют в палящей дымке
цветные лодки,
галечный дикий пляж
среди скал затерян...
полдень печёт загар как на сковородке –
в брызгах прибоя шипит
раскалённый берег...

Светлана Левантович

Поэт, публиковалась в периодических изданиях, автор поэтических книг. Родилась и живёт в Симферополе.

* * *

Блаженство тишины,
Дворец сокрытой тайны,
Где дни мои и сны
Добры и неслучайны.

Никто не знает, где
Вхожу я в сад пустой.
Брожу там не у дел,
Живу сто раз по сто.

И созерцанья том
Тащу в наш мир задир...
...А сторож скажет, что
Никто не заходил...

Равиль Валеев

Поэт, член Союза писателей Республики Крым, многократный лауреат поэтических фестивалей и конкурсов, дважды финалист литературной премии «Поэт года» (2014–2015 гг.), автор сборника стихов «Мой ангел».

(сложное рондо)

Умирала старушка
в ленинградской квартире,
Голод высушил тело,
седина цвета стали,
А с неё «Незнакомку»
в прошлом веке писали.
Всё в военном пожаре,
все забыли о мире –
Смерть играет ноктюрны
на безумном клавире.
А так хочется света,
чуть побыть в пасторали,
Ну хотя бы наесться,
танцевать в светлом зале.
Замирая в объятьях,
всё считать «три-четыре»...
Умирала старушка
в ленинградской квартире.

В ветхом старом комоде
под защитой вуали
Спрятан Знамени орден и другие медали,
Фотография сына
в генеральском мундире.
Далеко он запрятан лагерями Сибири,
Голод высушил тело, седина цвета стали.

За окном на портрете улыбается Сталин:
«Мы врагов победили,
власть советская шире».
Но победные речи
бьют из памяти гирей –
Там, в большом кабинете,
мать и сына пытали,
А с неё «Незнакомку»
в прошлом веке писали.

Вспоминается Питер, муж,
убитый в трактире,
Из подруг – Зинаида, всё отдавшая лире.
Жизнь тихонько уходит,
вдаль стремясь по спирали,
А недавно на внука похоронку прислали.
Всё в военном пожаре,
все забыли о мире...
Умирала старушка
в ленинградской квартире.

Сергей Юхин

Поэт, прозаик, публицист, автор книг «Операция выборы», «Мёртвый Крым» и «Имя твоё». Обладатель нескольких международных литературных премий.

* * *

Будет холодно, будет достаточно сыро,
Будет осень и, кажется, будет весна.
Поменяются курсы валют
и ведущие телеэфиров,
Поменяюсь и я. Ты поймёшь.
Поменяюсь, наверно, и я.
Все проглотят наживку, а мне,
как обычно, не хватит.
Я останусь один в замерзающей
мутной воде.
Повезло – за меня никогда не заплатят,
Мне не жариться рядом с друзьями
на сковороде.

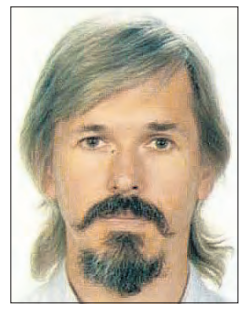
Ирина Ханум

Поэт, прозаик, член Регионального Севастопольского литературного объединения им. А.Н. Озерова, автор многочисленных публикаций в России и Крыму (настоящее имя – Ирина Столярова). Лауреат и дипломант международных поэтических фестивалей. Изданы книги: сборник стихов «И снова утро розовеет...» (2012), сборник стихов и прозы «Синие ирисы» (2015). Живёт в Севастополе.

Какие разные рассветы...

Какие разные рассветы,
Какие яркие тона!
То зелень в золото одета,
То – в медь... И робко тишина
Впускает звуки непокоя:
Вот в бухте лодочка шумит.
Весь берег в зарослях ракит
И до него подать рукою.
Над морем белыми штрихами
Крикливых чаек маета.
Снуют не вместе, кто куда –
Инстинкт, шлифованный веками.
Тропа от дома до причала –
Тесьмой меж сосен и осин.
То в волнах – все цвета опала,
То гладь – сплошной аквамарин.

Всеволод Тишков



Поэт, член Союза писателей России, автор более десяти поэтических сборников: «Сын Земли», «Талисман», «Стихи к картинам...», «Зачарованный мир», «Потомки Калева», «Северный бисер», «Моя Киммерия», «Вестники» и др. Родился и живёт в Севастополе.

Скалы посреди моря

Морской орёл в просторе диком.
А там вдали – богатыри,
Суровы мужественным ликом
В кольчугах пен, в венцах зари.

Застыли скалы-исполины.
Лишь золотая сеть лучей
Струится, покрывая спины
Всех Посейдоновых коней.

Зелёный вал уздой парчовой
Одев и увлекая вдаль,
Он дышит, облик бирюзовый,
Вьёт белопенную вуаль.

Чей волен чёлн? Чей путь упорен
И беспредельностью пленён?
Кто мечет горсти ярких зёрен
Из глуби сказок и времён?

РАССКАЗ

Заём

Владимир Куликов

«Мезонька!» – ласковый напевный голос бабушки прервал мои размышления. Проснулся я в этот день рано, когда бабушка, заканчивая свою молитву, шептала заздравие, как всегда, ставя на первое место имя своего единственного сына Алексея, моего отца, всех родных. Затем, перекрестившись последний раз, она затапливала печку, в которой ещё с вечера были сложены поленья дров. Слышался глухой звон чугунов и шелест ухвата. Бабушка обряжалась: готовила пищу, заварку корове, пекла ярушники хлеба.

Я знал, что если сразу не откликнуться бабушке и следом не слезть с полатей, то голос бабушки изменится. «Володенька!» – просительно-настоятельно будет звучать изменившийся голос. Если и при этом не будет ответа и движений, то через некоторое время бабушка уже совсем нетерпеливо с нотой досады в голосе громко произнесёт: «Ты штё, никошной! Вон робята уж в школу пошли».

Но в этот день было достаточно первого ласкового обращения, чтобы я тут же отозвался и слез с полатей.

Была зима 1941/42 года, и я учился во втором классе. Начальная школа находилась в трёх километрах от дома, и ребята с первого по четвёртый класс ходили в школу группами. Идти надо было не только по деревням, но и лесом, переходить через речку. Зимой, когда наметало большие сугробы и заносило дорогу снегом, ходить в школу одному было опасно и страшновато. Боялись волков, чьи следы изредка пересекали дорогу.

В этот день у меня, что бы я ни делал, было какое-то радостное и торжественное настроение. Накануне я передал бабушке просьбу учительницы Евгении Ивановны об участии в государственном займе и получил от бабушки тридцать рублей. Теперь я думал о том, что и мы с бабушкой помогаем разгрому фрицев. С такими чувствами я быстро позавтракал, собрал портфель, оделся и вышел на улицу, чтобы поделиться с товарищами радостным событием.

Они тоже приготовились внести посильную лепту в дело разгрома врага.

Дорога в школу словно бы укоротилась. Все собрались в классе. Учительница вошла и, не начиная урока, стала собирать деньги и выдавать взамен облигации государственного займа.

Я одним из первых подошёл к столу и только тут обнаружил, что деньги остались дома. Чуть сдерживая слёзы от обиды на себя, не откликаясь на вопросы своих товарищей, я быстро выбежал из школы и бегом отправился домой.

Бабушка испугалась, увидев меня раскрасневшегося и потного. «Штё случилось, дитятко?» – встревожилась она. «Деньги на заём забыл», – выдохнул я. Затем взял их и бегом убежал обратно под возглас бабушки: «Мог бы и завтра отнести».

Я очень торопился и пришёл в школу, когда заканчивался первый урок. Под одобрительные взгляды товарищей я передал улыбающейся учительнице деньги и, не дожидаясь облигации, сел на своё место.

Прозвенел звонок. Все ребята шумно поднялись и побежали играть, а я уставший и счастливый, продолжал сидеть на своём месте за партой: наш вклад в дело разгрома фашистов сделан.

Родился в 1932 году в Красноборском районе Архангельской области. Окончил Ленинградский электротехнический институт им. В.И. Ульянова (Ленина) в 1956 году, радиоинженер. Является членом Регионального союза писателей Республики Крым. Литературный жанр: проза, поэзия, публицистика. Автор сборников стихов «Утро», «День», «Размышление», поэмы «Самсон Суханов», сборника рассказов «Былое». Является автором-составителем сборника под названием «Фонд русских пословиц и поговорок» части 1–3. Лауреат международного поэтического фестиваля «Осенний Крым – стихов очарованье». Живёт в Симферополе.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Тем, кто в вечном поиске борьбы

Город Саки гордится знаменитыми гостями

В нынешнее непростое время приходится слишком много бороться. Буквально за всё: за жизнь, за идею, за справедливость, за право, за выживание в новых реалиях, за то, чтобы не потерять лица, остаться честным человеком, за... Можно продолжить перечисление. Ну так поставим в этот ряд и (нередко забываемое в таких ситуациях) здоровье: тела и, конечно же, души. Понятия «Крым» и «отдых» – если не синонимы, то очень близки по общему значению. И это было испокон веков. Большая часть великих людей, побывавших в Крыму, здесь именно отдыхали – целили свою душу, тело, сердце от забот, тревог, трудностей, забывали ненадолго о свершениях и преодолениях. Крыму досталась часть их выдающейся, прославленной жизни, ставшей историей России – нашей историей, а им досталась частица неповторимой ауры Крыма, забыть который нельзя.

На западном берегу Крыма, в 4 км от Чёрного моря, расположен город Саки – старейший грязелечебный курорт России. Своим рождением и мировой известностью он обязан лечебным грязям, добываемым со дна Сакского озера. Оно возникло в период великого оледенения в результате опускания побережья на морское дно. Сейчас озеро протянулось с запада на восток на 5 км, наибольшая его ширина – 3 км, а глубина – 1 м. Грязеобразование – сложный и длительный процесс, продолжающийся и ныне.

«Многие больные, будучи оставлены врачами, не получившие облегчения от минеральных вод разных стран, здесь, в сем благодатном иле, исцелились от своих недугов и возвратились совершенно здоровыми», – писал первый врач сакского курорта Н.А. Оже. А вот слова знаменитого хирурга Н.И. Пирогова: «Я верил в нож, теперь я верю в сакские грязи».

Неудивительно здесь слово «верю» – действие грязей во все века приравнивалось к чуду. Недаром столько легенд и былей сопровождает историю целебной «земли». Одна из них – о чумаке, приехавшем в Крым за солью. Его волы застряли в озёрной грязи. Долго топтался чумак в озере, вызволяя свой воз, а вернувшись домой, с удивлением почувствовал, что избавился от застарелой боли в ногах. Другая история повествует о злых старших братьях, которые решили избавиться от обузы – больного маленького брата. Они зарыли его по шею в мокрую приозёрную землю и оставили на произвол судьбы. Освободил страдальца прохожий. И мальчик встал из своей невольной ванны совершенно здоровым.

В Средние века мусульманское духовенство превратило грязелечение в религиозный обряд: излечивало больных «волей Аллаха». Если лечение не помогало, муллы объясняли это тем, что больной не имел веры в целебную силу грязей и плохо внимал молитвам.

Новый виток истории грязелечения в Саках связан с присоединением Крыма к России в 1783 году. Впервые описал лечение грязями академик П.И. Сумароков, посетивший Крым в 1799 году. Он с юмором рассказывает о приёме грязевой процедуры: «Пусть же читатель вообразит себе нас, лежащих всей длиной тела в особой «могиле» под бугром накинутой грязи, которая оставляла одни только головы на свободе, лишая нас всякого движения. Пусть вообразит он увязшего по колено моего слугу с распущенным надо мной к предохранению от солнечных лучей зонтиком... Мы уподоблялись тогда мертвецам, прислуживающие над нами походили на родственников, творящих поминовение, не хватало только надгробных камней и эпитафий. Наконец через полтора часа последовало наше восстание, и мы воскресли... в виде уже негров! Но лекарь-татарин... посадил нас на колени и посредством вылитых на нас нескольких вёдер воды, поставил набело».

На Западном берегу Крыма

В фондах Сакского городского музея хранится копия «шнуровой книги» по учёту больных, пользовавшихся грязелечением, где значится фамилия известного русского флотоводца и мореплавателя, главного командира Черноморского флота и его портов – адмирала Михаила Петровича Лазарева.

Он совершил три кругосветных плавания, открывая новые земли, участвовал в открытии Антарктиды и многочисленных островов. Талантливый военный организатор, Лазарев был сторонником создания сильного парового флота, но технико-экономическая отсталость тогдашней России не позволила выполнить эту задачу. Лазарев создал на флоте особую школу подготовки и воспитания моряков. Он требовал бескорыстного служения России, моральной чистоты, личного примера, глубокого знания морского искусства, стремился к просвещению молодых офицеров. Под его руководством Черноморский флот стал лучшим парусным флотом в мире. Огромное внимание уделялось им строительству военно-морской крепости на Чёрном море – Севастополя.

В 1843 году адмирал серьёзно заболел. После падения и ушиба левого плеча его рука покраснела и отекла, и он думал, что навсегда потерял трудоспособность. Восемь месяцев продолжались страдания больного, и старания врачей не приносили облегчения. Услышав от сослуживцев о целебных свойствах сакских грязей, адмирал вместе с молодой женой и восьмилетней дочерью в июне 1844 года приехал в Саки. Лечение минеральными грязями благотворно повлияло на Лазарева; как записал доктор Оже, он получил «совершенное облегчение». Убедившись в целебных свойствах сакских грязей, адмирал начал ходатайствовать о строительстве грязелечебницы, но ему было отказано в средствах.

Также в «шнуровой книге» Сакской грязелечебницы значится фамилия замечательного русского военно-морского деятеля, героя обороны Севастополя – адмирала Владимира Алексеевича Корнилова.

Корнилов с юности имел слабое здоровье. При этом, будучи мичманом, капитаном, вице-адмиралом, участвуя в морских походах, десантах, боях, всегда брал на себя чрезмерную нагрузку, проявляя беспримерное мужество. Во время рейдов с высадкой десанта он проявлял себя как храбрый командир, нередко одним из первых выходил на берег, водил матросов в атаку и сам отчаянно дрался в рукопашных схватках. По окончании почти каждой военной операции его награждали орденами и георгиевскими лентами.

И только близкие родственники знали, как непросто было служить военному моряку, сопротивляясь болезни. Он пишет двоюродному брату: «Здоровье моё плохо. Боюсь попасть в инвалиды – тогда что буду делать на белом свете?» Узнав о чудесных свойствах лечебных грязей, Корнилов в 1846 году приезжает в Саки. Опыт научил его заботиться и о здоровье подчинённых. Находясь на лечении, он составил любопытный приказ: «О соблюдении рядовым составом личной гигиены», где просил ротных командиров «обратить внимание на водворение меж нижними чинами необходимой чистоты, которой должен отличаться образованный военный человек». Из Сак, где лечился под наблюдением Оже, Корнилов уехал «совершенно здоровым».

В Сакском историко-краеведческом музее хранится уникальная фотография известного русского флотоводца, океанографа, полярного исследователя, кораблестроителя – адмирала Степана Осиповича Макарова, запечатлённого на фоне здания грязелечебницы.

Несколько лет потратили сотрудники музея на поиски подтверждений пребывания С.О. Макарова в Саках. Наконец из Центрального военно-морского архива Ленинграда пришла бандероль с фотографиями и копиями документов. На обратной стороне одного из сакских фото Макарова рукой флотоводца указана дата – июнь 1902 г. На других фотографиях – семья адмирала на прогулке в парке, у озера.

Свои впечатления о пребывании в Саках Степан Осипович оставил на четырёх страницах дневника, озаглавив их «Сакские лечебные грязи». Умудрённый жизненным опытом, прежде чем отдать свой профессиональный недуг – ревматизм – на милость незнакомого ему метода лечения, он много расспрашивал людей, уже испробовавших грязи. «Никто из них не сказал, что лечение в Саках не принесло пользы», – записано в дневнике.

В свободное время Степан Осипович, его жена и дочь любили гулять в тени молодых деревьев курортного парка, под умиротворяющее журчание фонтанов. Развлечений тогда в Саках было немного, разве что по вечерам в парке играл военный оркестр. Но не избалованный курортами, довольный лечением и отдыхом адмирал записал в дневнике: «Большего и желать нельзя». Перед отъездом Степан Осипович сфотографировался с сотрудниками на память.

Имя С.О. Макарова увековечено и в Саках. К 80-летию его пребывания на здании водолечебницы открыта мемориальная доска. На территории Сакского военного санатория установлен памятник адмиралу Макарову.

Город Саки гордится тем, что его посетили – столь прославленные деятели. Ныне – это один из самых известных курортов Крыма, на котором по-прежнему лечатся военные, мореплаватели и многие другие, получая оздоровление благодаря уникальным грязям.

Марина Матвеева

(По материалам архивов библиотеки Сакского военного санатория им. Н.И. Пирогова и Сакского историко-краеведческого музея).

Адмирал М.П. Лазарев

Адмирал В.А. Корнилов

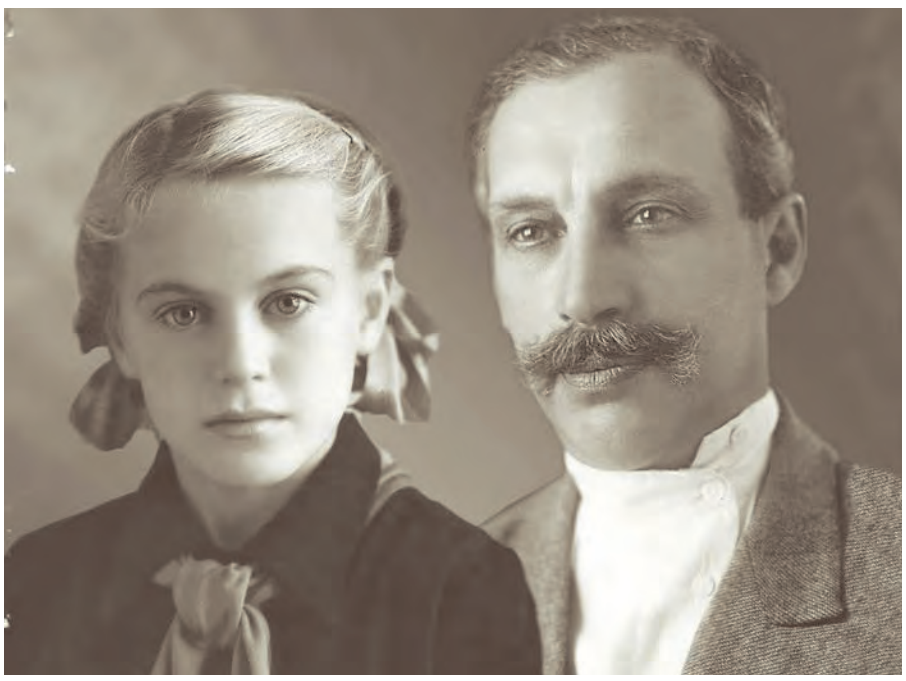
Адмирал С.О. Макаров

КНИЖНЫЙ РЯД

Обаяние автобиографии

Помню, что в школе слово «автобиография» казалось мне ужасно длинным и скучным. Оно никак не вязалось с историей мальчика из XIX века, который приехал в дедушкино поместье и сильно переживал из-за разлуки с любимой матушкой. Не соответствовало оно и образу другого мальчика, который очень не любил, когда его будят в семь часов утра, хлопая над ухом хлопушкой для мух. А вот обе истории, с которыми мы знакомились на уроках литературы, казались мне чрезвычайно интересными…

Однако я прерываю ряд непроизвольно возникающих в моём сознании картин, для того чтобы сказать о том, что их вызвало. Книга Людмилы Непорент «Люка» вышла в 2010 году в издательстве «Коло» (Киев, Дрогобыч). Когда мы встретились с автором, она посетовала: «Сейчас так никто не пишет». То ли с грустью, то ли с гордостью. Соглашусь: может быть, именно так – мало кто. Однако для хорошей книги важнее другое: чтобы её читали. На мой взгляд, «Люка» отлично вписывается в формат «семейного» чтения. В ней есть радость открытия мира, присущая ребёнку, – и взрослая рефлексия; свободное дыхание случайных картин – и яркие образы, вокруг которых эти картины группируются.



Людмила Непорент (9 лет) с отцом Василием Непорентом

Одним из таких образов является образ отца. Именно он – красивый, умный, интеллигентный, самоотверженный – стал для дочери примером во всём. Именно ему она обязана лучшими своими качествами, умением общаться с людьми, понимать прекрасное. Отец свободно говорил на нескольких языках, играл на мандолине – и всё в доме умел делать своими руками. Девочка вспоминает, как он шёл по готовому рухнуть мосту, как ехал на службу по первому вызову – потому что долг превыше всего.

Людмила Непорент следует за собственными воспоминаниями, не пытаясь втиснуть их в прокрустово ложе сюжета. Автору важнее сохранить тон доверительного общения с читателем, нежели поразить его композиционными изысками.

Мы видим перед собой не столько Люку, сколько мир, пропущенный через неё. Мы смотрим её глазами, слышим то же, что слышит она. И потому характеры окружающих людей поначалу выступают более отчётливо, чем её собственный. Вот мама, вот любимый отец, вот «самый красивый казах» Саша, самоуверенная отличница Дунина, подруга Зоя Калинина. И только в конце, когда мы видим героиню на повороте её жизненного пути, разрозненные страницы повести выстраиваются в нужном порядке, и мы понимаем, что «Люка» – это не просто собрание картин из детства. Это история взросления.

Ещё одной центральной темой становится война. Людмила Непорент предпочитает говорить о ней «устами младенца». «Мы, дети войны, о войне знали», – пишет она. Нетрудно догадаться, что именно включало подобное знание: холод, голод, сиротство и ощущение постоянной угрозы. Но Люка помнит другое: неповторимый вкус кислого молока, «затирку» – нехитрое кушанье из муки, воды и соли, которое ели «и в обед, и в ужин»; крохотный базарчик в Сарканде, где прошли годы раннего детства. А ещё – как бабушка пекла лепёшки: «Бац! – тонкую пластину теста на плиту, перевёрт – лепешка и готова. Таинство, да и только! Помню и зеленоватые пышки из отрубей. Но мы ели и даже спорили, у кого вкуснее».

И эти воспоминания – счастливые! Потому что шестилетний ребёнок просто не знает, что всё может быть по-другому. Так же, как Люка безбоязненно шла по тёмным предрассветным улочкам Сарканда, доверчиво шагает она навстречу жизни, не веря, что та способна на обман и жестокость.

С тем и другим героиня столкнётся позже. «Держись, моя Люкиня! Это начало», – напутствует её отец после первой серьёзной неудачи. Выступая на радиопередаче, девочка не смогла с должным пафосом произнести имя Сталина. В то время подобная осечка могла стать роковой. Люку «простили», но она, вероятно, только спустя годы смогла оценить степень опасности, которой подвергалась тогда.

Особенности сталинской эпохи Людмила Непорент передаёт с потрясающей убедительностью. Несмотря на то что не бросает ни одного камня в этот огород. Она не пытается давать заведомо стандартных оценок очевидца-дилетанта, именно благодаря этому ей удаётся «сохранить лицо». Она повествует о себе – растущем человечке, делающем первые открытия, неважно в какое время – его ведь не выбирают. И здесь автор ручается за каждое слово, набранное в книге.

Людмила Непорент. Люка

Киев, Дрогобыч 2010

Уже будучи взрослой, Люка узнаёт о том, что отец прошёл через ранние репрессии 1930-х годов. Но это не поколебало отношения героини к жизни, её понимания и приятия, сначала интуитивного, потом осознанного – жизни как испытания, выдержать которое нужно достойно.

На момент, описанный в главе с пространным названием «За всё тебя, отец, благодарю!», самым тяжёлым испытанием для Люки стала потеря отца. Однако героиня уже «стала на крыло». Как и положено прошедшему главную ступень инициации, она вступает в новую жизнь, взяв новое имя. Только в финале повести характер Люки обретает окончательную завершённость и цельность. Её упорство и независимость (как она училась плавать в вонючих лужах рыбзавода!), её решительность и прямодушие к концу повествования оформляются окончательно, завершая внутреннее становление героини и одновременно дорисовывая последние страницы повести.

Лично мне окончание 6-й главы представляется крепким и выдержанным финалом. Следующая глава, «приоткрывающая дверь» в жизнь взрослой Люки… то есть уже Людмилы, и даже эпилог кажутся лишними. Но воспоминания – жанр неприкосновенный. Только автор имеет право распорядиться драгоценным грузом своей души. Так же, как уже распорядился собственной жизнью.

Видимо, поддавшись влиянию писателя, автор статьи тоже невольно настроился на лирическую тональность. А заодно проникся собственными размышлениями. Правда, по делу.

В школе дети всё так же знакомятся с повестью «Детские годы Багрова-внука» С. Аксакова и автобиографической трилогией Л. Толстого, о которых я упоминала вначале. Разве что в прошлом веке их читали не в «кратком изложении», а целиком, впитывая лирическую атмосферу детских воспоминаний и наслаждаясь неповторимым языком, которым они были переданы.

Упоминание современного писателя в столь значительном контексте требует, разумеется, соответствующего обоснования. Но мы оцениваем не масштаб автора и его произведения, который, вообще говоря, определится в лучшем случае спустя десятилетия, а скорее пытаемся обозначить смысловую нишу. Возможно, эта книга лучше всего подходит для неспешного чтения вслух: мамами – своим детям. Или даже бабушками – своим внукам. Они отлично смогут дополнить откровения Люки своими собственными воспоминаниями. Пока ещё повесть не стала памятником ушедшему XX веку…

Елена Борода,
писатель, кандидат педагогических наук, Тамбов

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

Победный май

Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького подготовил музыкально-хореографическую композицию «Победный май» к 72-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне.

В композиции балетмейстера-постановщика, заслуженного деятеля искусств АРК Ольги Чеховой приняли участие артисты балета театра, актёр и исполнитель патриотических песен Алексей Кубин, заслуженная артистка АРК Елена Сорокина. Показ постановки состоялся в Симферополе на основной сцене им. А.Г. Новикова.

Русское слово в Пушкинские дни

В этом году культурно-образовательную программу XI Международного фестиваля «Великое русское слово» дополнит ряд новых мероприятий.

«В рамках фестиваля Крымский киномедиацентр проведёт цикл мероприятий «А.С. Пушкин и кинематограф», в театральных учреждениях Республики Крым откроется Неделя русской пьесы. Также Крымская государственная филармония представит концертную программу «А.С. Пушкин в опере», где выступит Академический симфонический оркестр и приглашённые солисты», – заявила министр культуры Республики Крым Арина Новосельская в ходе рабочего совещания Организационного комитета фестиваля. Торжественная церемония открытия фестиваля состоится 5 июня 2017 года в киноконцертном зале «Юбилейный» в Ялте. В день рождения Александра Сергеевича Пушкина состоится День поэзии и музыки в Гурзуфе, а по Крыму в городах и сёлах запланировано множество мероприятий в культурных центрах республики. Завершится фестиваль в Симферополе 12 июня праздничной концертной программой, посвящённой Дню России.

«От южных морей до полярного края»

Выставка живописи, акварели, графики Вадима Конева

Новая персональная выставка, на которой художник представляет работы, созданные начиная с 1957 года по настоящее время.

Это работы из серий:

«Заполярье моё» – работы о Русском арктическом Севере от Кольского полуострова до мыса Дежнёва;

«Верность России» – работы, созданные на необъятных просторах от Волги до сибирских рек, и работы, посвящённые Вологодской земле, где он родился и провёл своё детство;

«Русский Крым» – работы, посвящённые городам-героям Севастополю, Керчи, героизму россиян Крыма, по чьей воле Крым навсегда вернулся в лоно своей Родины-матери, великой России.

Выставка предназначена для экспонирования в городах-героях Севастополе, Керчи, Мурманске, Москве, в городах, с которыми связана творческая судьба художника и, конечно, на Вологодской земле – родине художника.

Выставка организуется при содействии Русского географического общества, Петровской академии наук и искусств, Союза художников России, администрации Москвы, Севастополя, Керчи, Мурманска и РОО «Вологодское землячество» в Москве.

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ

„Наш Великий язык драгоценнее

Константин Фролов-Крымский считает, что Россия сильна в первую очередь духом

История, литература и русский язык – три основополагающих предмета, которые формируют мировоззрение, заставляют думать, анализировать и принимать верные решения, уверен Константин Фролов-Крымский, член Союза писателей России. Историк по образованию, он знает, о чём говорит. И главное, как – заслушаешься. Привыкнув очищать свои произведения от «прекрасной шелухи», Константин Фролов-Крымский знакомит читателя с фактами, которые учебники преподносили нам абсолютно иначе: о Наполеоне, о Крымской войне, о Колчаке. При этом ему не чужда лирика, он называет себя поэтом, который бродит по земле с гитарой и «стучится в души стихами».

Константин Фролов-Крымский стал героем телепрограммы «Живое русское слово»

– Константин Юрьевич, кто вы больше: оператор, режиссёр, музыкант, экстремальный лётчик или всё-таки писатель?

– Я много чего могу делать. Я радиолюбитель. Вожу любую машину, несколько типов самолётов. Ходил под парусом, пересекал моря, бывал на островах. Но главное – я поэт, а всё остальное помогает мне быть поэтом.

– А как становятся поэтами?

– И ими не становятся – ими рождаются. Я вам секрет открою. Моя бабушка – потомственная дворянка, у неё общие корни с Александром Сергеевичем Пушкиным.

– То есть это генетика?

– Думаю, что да. Она пела, танцевала, и, если бы не революция, служила бы в императорском театре. У неё была театральная перспектива, но всё пошло под откос. Тем не менее она передала свой талант моей маме, а мама передала мне.

– Когда вы начали сочинять стихи?

– Где-то в классе 7–8-м была первая любовь, с этого всё началось. Не последнюю роль сыграла музыкальная школа по классу фортепиано, которую я окончил параллельно с основной школой. Но серьёзные стихи и песни начал писать только в институте, потому что буквально на первом курсе меня пригласили в студенческий театр. Мне попался замечательный режиссёр Сергей Львович, который отточил мои способности. Потому что я вначале писал стихи из серии «виньетка ложной сути» и «плесните колдовства».

– Красиво.

– Красиво, но бессмысленно, потому что «плесните колдовства» – это подворотная лексика, когда один алкаш другому говорит: «Ну-ка, плесни мне!» Вы можете себе представить, чтобы Наташа Ростова подошла к князю Волконскому и сказала: «Князь, плесните мне!» Плеснуть можно только в физиономию, а в бокал нельзя плеснуть, тем более вино, колдовство. Каждое слово нужно фильтровать. Я писал песни для спектаклей, приносил один вариант режиссёру, он не оставлял камня на камне. Приносил второй вариант – уже получше, но там он тоже очищал. В конце концов с третьего, с четвёртого раза я приносил песню, которая шла в спектакль. И с тех пор у меня все полки уставлены словарями, справочниками, энциклопедиями. Ведь поэзия – это квинтэссенция человеческой мысли, где мыслям просторно, а словам тесно. Неслучайно наши учёные-энциклопедисты Средних веков, тот же Ломоносов, свои открытия зарифмовывали:

Открылась бездна, звёзд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Так до Ломоносова делали ещё древнегреческие учёные… Стихосложение преподавали в школах, потому что это отбрасывало шелуху и оставляло только самое-самое важное. В двух строчках зарифмовано великое открытие человечества: мир и вселенная бесконечны. Этого принципа стараюсь придерживаться и я. Может быть, моим стихам не хватает витиеватости, как Александр Иванов сказал: «Нет, смысла я не понимаю, но ощущение колдовское», когда идёт жонглирование словами, но мне неинтересно. Я это прошёл в 10-м классе, сейчас стараюсь оттачивать. В знак подтверждения прочитаю своё стихотворение:

Наш язык – продолжение той
сокровенной молитвы,
Что свела воедино
разрозненные племена.
Восхитительным гимном звучала
в преддверии битвы
И на подвиг святой
сыновей вдохновляла она.
Наш язык –
от рождения каждому данное имя,
В коем всякая буква
имеет свой царственный смысл.
Оттого искаженье его
языками иными
Изменяет судьбу вплоть
до смерти, тюрьмы да сумы.
В дни великих побед
и в жестокие годы гонений
Каждым звуком своим
в обрамлении смеха и слёз
Наш язык приносил нам
божественный дар откровений,
Изначально ленивую мысль
возвышая до звёзд.
И цедя иноземную речь
сквозь славянское сито,
Отметя шелуху, мы в грядущее
строили мост.
Чем богаче и гибче язык –
тем мудрее носитель,
Чем изысканней цель –
тем активней работает мозг.
Наш язык разорвал древних правил
громоздкие клети,
В гордом взлёте сознанья
стряхнув ожерелья оков.
Неслучайно в словесных баталиях
прошлых столетий
В нём легко растворились
десятки других языков!
Наш великий язык драгоценнее
прочих наследий!
Это парус на мачте
и дующий в спину зюйд-вест.
Из томов словарей
и бесчисленных энциклопедий
Можно запросто соорудить
не один Эверест!
Но когда вместо шумных каскадов
и брызг водопада
Остаётся в наследство гнилой,
полувысохший ров –
Скудоумье народ превращает
в послушное стадо,
А людей, не желающих мыслить, –
в ничтожных рабов!
Так не дайте ж иссякнуть ключу
в годы смут и брожений!
Не позвольте ничтожествам
Храм Языка разорить!
А иначе, друзья, вы достойны
любых унижений,
Если вам всё равно,
на каком языке говорить!

– Вы говорите, что у вас много словарей. А какие художественные произведения стоят на ваших полках?

– Классика, русская классика.

– Современных авторов вы не читаете?

– Читаю. Есть такая писательница Елена Семёнова. Когда прочитал её первый двухтомник, решил, что этой писательнице лет 70–80, а оказалось 30! Молодая девушка, а такое глубокое знание предмета, такое глубокое проникновение в тему. Она пишет о Гражданской войне, о Первой мировой. Таких людей – единицы, это алмазы, бриллианты, которые попадаются в груде руды.

– Вам близки исторические темы?

– Я историк по образованию, поэтому у меня подавляющее большинство произведений связано с историей нашего Отечества. Меня интересуют яркие малоизвестные события.

– На ваш взгляд, история повторяется или развивается поступательно?

– Она идёт по спирали. Человек, который немножко читал исторические учебники, может даже предсказывать грядущие события. Когда начался Майдан, я говорил своим друзьям: «Вот сейчас, ребята, появятся снайперы, которые будут убивать и тех, и других. Свалят всё на Януковича».

– Константин Юрьевич, мы говорим сейчас о краткосрочной спирали истории. На «оранжевые» революции мы уже насмотрелись…

– Неважно. Вся история состоит из крупиц. И вот эти крупицы создают стрелочку, по которой потом идёт большая часть человечества или определённая страна.

– Вы пишете о войне 1812 года. Почему был выбран именно этот период истории?

– Дело в том, что в учебниках, по которым мы учились, очень мало об этом сказано. К примеру, задаются сейчас вопросом: почему Наполеон не пошёл на Санкт-Петербург, ведь столицей-то была не Москва, столицей был Санкт-Петербург, где сидел император Александр I. Почему Наполеон туда не пошёл? Он пошёл туда, отправил армию. А навстречу вышли казаки, которых было не больше 10 тысяч и которые «надавали» французам так, что те развернулись в районе Пскова и забыли вообще дорогу туда.

Я хочу затронуть, если говорить об истории, Крымскую войну. Ведь нам постоянно говорили, что это – позорное поражение. Как мы представляем себе позорное поражение – тысячи пленных, знамёна, брошенные к мавзолею, отданные земли, аннексия, контрибуция, которую годами выплачивают. Ведь ничего этого не было, Россия не потеряла ни пяди своей земли. Я уже не говорю о пленных и контрибуции: никто ничего не платил. Но мало этого: не Россия попросила мира, Россия продолжала воевать. Мы завоевали Карс – неприступную крепость на Кавказе, которая открывала путь на весь Ближний Восток. Именно это испугало союзников – англичан и французов, и они предложили России мир. Россия не просила мира, мы продолжали воевать.

– А почему тогда в нашей истории Крымская война преподнесена совсем иначе?

– Да потому что Карл Маркс и Фридрих Энгельс нам это сказали. А большевики повторили фразу о «позорном поражении». И Герцен, который в колокол свой бил в Лондоне, призывая наших моряков сдаваться «добрым» англичанам. Герцен Александр знаменитый. Это не наши слова, но нам об этом не го-

прочих наследий...“

ворили, понимаете? Столько ещё белых пятен! А Россия давала отпор везде.

– Что делает Россию сильной?

– Это знаменитый «русский дух». Ведь мы никогда не воевали оружием, хотя у противников всегда оружие было сильнее, новее, современнее. Мы побеждали «русским духом». Взять Колю Сиротинина. Девятнадцатилетний парень, которого оставили одного с пушкой и 60 снарядами и сказали: «Через этот мост сейчас пойдут немецкие танки. Подобьёшь один танк – и всё, уходи». Он подбил. Однако оставались 59 снарядов и пушка. И он подбил 11 танков, 7 бронемашин, 57 солдат и офицеров противника. Потом ещё из карабина отстреливался. Немцы похоронили его с почестями, с салютом. Собрали местных жителей и сказали: «Напишите его матери, что она воспитала настоящего бойца, настоящего сына». И когда кто-то из немецких солдат спросил: «А что это мы врага так хороним?» Их командир ответил: «Да если бы каждый из вас так воевал, уже весь мир был бы наш».

Или, допустим, случай был: Дмитрий Овчаренко, 32-летний солдат, которому поручили привезти боеприпасы в свою роту, столкнулся с отрядом немцев. Они винтовку отобрали, стали над ним издеваться, допрашивать, кто, где. Овчаренко не растерялся, топором отрубил голову офицеру, подорвал больше двадцати солдат и продолжал с топором гнаться за офицерами, вооружёнными до зубов. Потом сложил паспорта убитых, карты и довёз до своей роты. Один!

Вот чем это можно объяснить? Это – русский дух. Когда со мной говорят по поводу Великой Отечественной войны: «Вот у нас воевать не умели»... Умели у нас воевать! Вы можете привести хоть один пример, чтобы немецкий лётчик совершил таран? Я не знаю таких случаев. А у нас это было массово, потому что мы Родину защищали. Где-то я прочитал такую фразу, что «спокойно отдают жизнь за Отечество только два народа – русские и японцы». Больше никто.

– Как вам кажется, с тех пор наша нация изменилась?

– Знаете, это генетическое. Если у нас люди погибают, жертвуя собой, потом у них рождаются внуки и правнуки, в которых героизм и самопожертвование передаётся через одно, через два и даже через три поколения.

– Но патриотизм всё равно нужно воспитывать...

– Обязательно. Мы многое теряем из-за школы, где у нас детей учат по учебникам, изданным на деньги Сороса. О Сталинградской битве в них – одна строчка или один абзац. Зато битва на Тихом океане, где американцы с японцами воюют, подана основательно, как если бы они там решали судьбы народов. Я считаю, что в школе самые главные предметы – это история, русский язык и литература. Это предметы, которые создают мировоззрение человека и вставляют в него стержень. Все остальные тоже очень важны: и алгебра, и геометрия, и география, и прочие, но если любой убрать, не изменится что-то конкретное. Посмотрите, вот Украина. Запретили русский язык и литературу, переписали историю, устроили гражданскую войну. «Мы, – говорят, – провели эксперимент над украинским народом, и он удался». А с чего начинали? С того, что в детских садах с детьми говорили на украинском языке.

– Но если ты живёшь в стране, где это государственный язык, его всё равно нужно учить.

– Это блеф, ложь высшей степени. В 2009 году американское, подчёркиваю, американское агентство «Гэллап» провело опрос жителей Украины, по которому 73% жителей русский язык назвали родным. Американцы. А по переписи населения 2002 года – 82% граждан Украины назвали русский язык родным. Сколько процентов говорит на украинском языке? 10–12 максимум. Не может быть язык государственным, если на нём говорит 12%.

– Давайте вернёмся к вам, к вашему творчеству. Как вы создаёте спектакли?

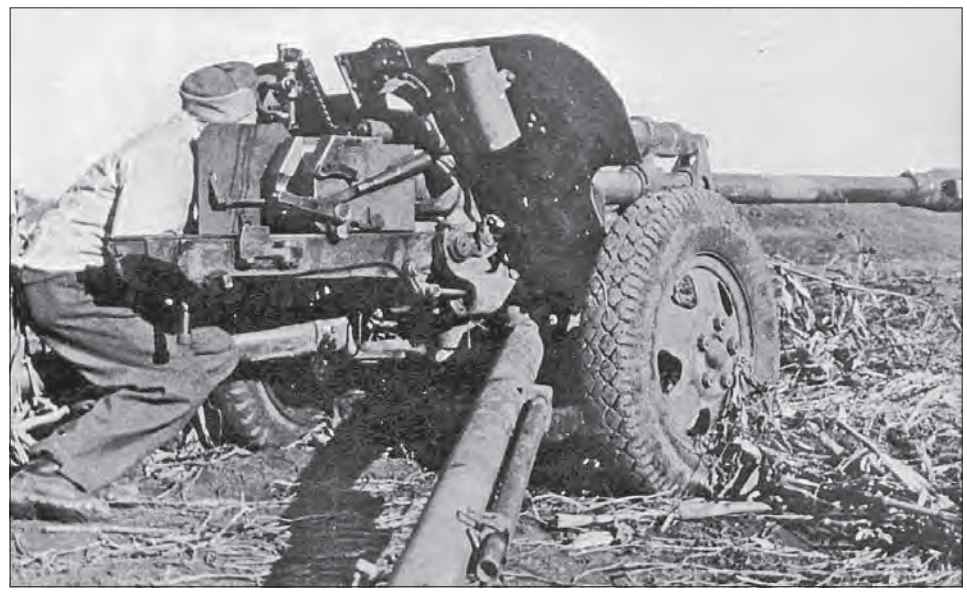
– Здесь мы работаем вдвоём с моей женой Верой. У нас дуэтный театр «Улыбка Пьеро». И, как правило, большинство новых проектов – это её заслуга. Она постоянно выписывает журналы, и то, что ей кажется интересным, подсовывает мне. Так было, в частности, с материалом об адмирале Колчаке, о его любви к Анне Тимирёвой. Это был 2003 год. После этих спектаклей к нам люди подходили и говорили: «А вы не боитесь эту тему трогать?»

– И что вы отвечали?

– Как можно бояться брать тему о человеке, который невероятно много сделал для России! Я не говорю о научных открытиях! По его учебникам (только там нет его фамилии) до сих пор минное дело преподают, потому что он был лучшим минёром мира. Накануне Первой мировой войны Колчак заминировал все подходы к Санкт-Петербургу. В результате, на город не упало ни одного немецкого снаряда: солдаты просто близко не могли подойти. Когда его назначили командующим Черноморским флотом, он просто-напросто заминировал Босфор, и немецкий крейсер подорвался, развернулся и ушёл. И всё – Чёрное море стало русским морем.

– Но больше всего вас впечатлила история любви адмирала?

– Материал у меня долго отлёживался. А потом просто был такой звоночек сверху, появилась строчка: «Мой ангел Анна». Но я забыл, как звали любимую женщину Колчака, я спрашиваю Веру: «Как её имя?» Она тоже забыла, говорит: «Не помню. Ольга?» Я говорю: «Нет». – «Татьяна?» – «Нет». Я ей осторожно говорю: «Может быть, её Анна звали?» – «Да, точно, Анна!» И всё, спектакль был готов. Я написал романс. В любом спектакле должна быть изюминка. У нас все спектакли музыкальные, там чередуются письма, диалоги, стихи, песни. В этом спектакле 17 романсов звучат. И финал – как раз «Мой ангел Анна».



Подвиг Николая Сиротинина стал олицетворением русского духа

– У вас создаётся сразу и текст, и музыка?

– Чаще всего – да. Когда пишешь стихи и соблюдаешь все правила стихосложения, там уже включена музыка. В любом стихотворении заложена мелодия, её просто нужно расслышать.

– В одном интервью мне привели такой пример: «В лесу родилась ёлочка...» и «Вставай страна огромная...» написаны в одном стихотворном размере, а музыка разная... Именно она создаёт настроение к песням?

– Но там же иной раз и от междометия всё зависит, от паузы. Достаточно просто уловить, поймать нерв каждого стихотворения – и всё. Но, кстати, есть множество примеров, когда на одни и те же стихи написано несколько мелодий разнообразных. Дело в том, что мелодии, в отличие от стихов, не так разнообразны, там всего семь нот. Поэтому их часто друг у друга воруют, даже великие композиторы, говоря: «Я позаимствовал это из русской народной песни». По сути, украл, потому что русскую народную песню уже кто-то написал, просто не запомнили автора. У меня, кстати, тоже есть несколько «русских народных», которые объявляют: «Песня неизвестного автора» или «Песня русская народная».

– Когда произведение уходит в народ, это должно быть приятно.

– Да, конечно, я так и говорю, когда беру трубку: «Русский народ слушает». Недавно представитель президента в Крыму процитировал стихи моего гимна – «Гимн Севастополя»:

Клинком английским и штыком французским
Наш дух не одолеешь никогда!
Покуда Севастополь будет русским –
Россия не изведает стыда!

Он говорит: «Это русская народная песня времён первой обороны Севастополя». А потом мне из Министерства культуры звонят и спрашивают: «Так, это всё-таки чья песня? Я говорю: «Да моя это, моя, в 2005 году написана, к 150-летию Крымской войны».

– Прочитайте, пожалуйста, одно из ваших любимых лирических стихотворений.

Помолись обо мне перед сном,
Чтоб разлука закончилась встречей.
Помолись, чтоб однажды под вечер
Я вернулся в уютный наш дом.
Дверь своим открывая ключом,
Я войду, улыбнувшись с порога,
И, взглянув укоризненно строго,
Ты вздохнёшь и уткнёшься в плечо.
Помолись обо мне перед сном,
Чтоб я помнил любимые лица.
Пусть встречает меня заграница
Белым хлебом и красным вином.
Только тут понимаю я вдруг –
На чужбине и мёд, что касторка!
Мне милей даже чёрствая корка
Из твоих обожаемых рук.
Помолись обо мне перед сном,
Чтобы в море попутным был ветер,
Чтоб однажды Господь на рассвете
Одарил нас заветным Руном.
Под сияньем тропических звёзд,
Океанской водою умытый,
Тихий шёпот далёкой молитвы
Я расслышу за тысячи вёрст.
Грусть сжигая в лампадном огне,
Перед Богом замолви словечко:
Пусть горит путеводная свечка
На твоём беспокойном окне.
Всех святых обо мне помоли,
В летний вечер и в зимнюю стужу!
Два прибора накрой нам на ужин
И постель на двоих постели.

Романс «Мой ангел Анна» в исполнении автора

Беседу вела
Светлана Солнцева

НОВИНКА

Интерпретации Вселенной

О книге Константина Ефетова „Париж как Париж“

Когда читаешь афористишия Константина Ефетова, невольно возникает желание дать им некое определение – и приходит на ум словосочетание «иронический концептуализм». Но так ли это?

Обратимся к самому термину «концептуализм». С латинского языка conceptus переводится, как «мысль». И действительно, за всем концептуальным искусством стоит в определённой форме та или иная мысль. Художниками и последовавшими за ними поэтами была впервые в полной мере предпринята попытка поставить смысл и идею произведения на первое место относительно формы и даже больше – абсолютно отказаться от её значимости.

Поэзия примиряет с жизнью, снимает стресс, заглушает боль, считает Константин Ефетов

Вот как определяет значение концептуализма один из основателей этого движения Джозеф Кошут: *«Основное значение концептуализма, как мне представляется, состоит в коренном переосмыслении того, каким образом функционирует произведение искусства – или как функционирует сама культура: как может меняться смысл, даже если материал не меняется»*. То есть концептуальное искусство в первую очередь оперирует идеями и смыслами, а не формой. Более того, концептуализм может опираться не только на переосмысление данных предметов и материалов, но и анализировать этот язык и внутри себя, наслаивая бесконечное количество интерпретаций на готовую форму. Причём иногда абсолютно неважно, была ли донесена до воспринимающего (читателя, зрителя) именно та мысль, которая задумывалась автором. Концептуализм обращается не к чувственному восприятию, но к интеллектуальному, заставляя зрителя думать и мыслить.

Итак, мысль. Однозначно – и ни один читатель не будет против – в творчестве Константина Ефетова именно она, интеллектуальная составляющая (а не чувственное восприятие) – стоит на первом месте. Более того, не просто на первом – а ради неё всё и делается. Причём ради мысли нелинейной, парадоксальной, оксюморонной и просто… неожиданной. Как бы сейчас сказали, «хитро выкрученной». И тем не менее способность автора придавать каждому своему даже самому парадоксальному логическому построению «понятность» – абсолютно зрима. В этих стихах всё предельно ясно – как, скажем, то, что если вы пьёте чай из чашки, то в руках у вас чашка, и это не цветок лотоса, а в чашке этой чай, а не горсть наконечников от скифских стрел.

Можно сказать, что в этих четверостишиях всё практично – как в притче, афоризме, хорошем анекдоте – они «полезны», всегда подскажут, дадут совет, помогут найти выход в трудной ситуации, подбодрят, юмором своим дадут понять, что мир не так уж плох, если с ним вместе можно посмеяться. Но эта ясность и практичность – первый план, верхний слой, земная кора этой необычной поэзии. А ядро её – это чашки, расцветающие на стеблях лотосов. Попробуете выпить из них вместо чая наконечники стрел?

Глубинная теория, способная породить только такую – нестандартную – практику. Когда в одном стихотворении может уместиться до бесконечного количества «мне понятно» и «мне полезно» – понятно и полезно будет всем, но каждому – по-своему. Каждый по-своему будет интерпретировать общую нашу Вселенную, мир человеческий и мир идей. Имеет ли значение для автора всенепременное донесение до читателя какой-то конкретной мысли? Конечно же, имеет. Но недаром он так любит говорить загадками, задачами и теоремами – как в названиях своих книг, так и в необычных картинах, схемах и формулах, их иллюстрирующих, и, конечно же, в самих стихах или рассказах, описывающих курьёзные случаи из реальной жизни, её «странную логику», значит, ему интереснее, чтобы читатель думал сам, а не «жевал» «готовенькие» аксиомы.

Пробуйте
не
поддаваться,
Чтоб
не свихнуться
совсем:
Лучше
ничем
заниматься,
Чем
заниматься
ничем.

Сотворчество с читателем, стимуляция его мышления, нелинейного взгляда на мир – характерная черта авангардных литературных направлений. В том числе и концептуализма. А определение «иронический», думаю, объяснений не требует. У концептуалистов всегда было, есть и будет море иронии в отношениях с нашим замечательным миром, который можно разъять до кварков, вычислить и измерить до наноединиц, а он всё равно останется непонятным. Всё равно раз за разом будет как изумлять тебя, так и ставить в тупик. А потому можно только смеяться… нет, не над ним. Вместе с ним. И даже не над собой – а над собою в нём.

Если кто читал иронические поэмы Тимура Кибирова о системе мироздания и духовных поисках человека, написанные в форме «переделок» сказок «Мойдодыр» и «Незнайка», тот имеет представление о сущности иронического концептуализма. Тот непременно увидит блеск этого стиля в творчестве Константина Ефетова.

Улыбка –
визитная карточка
только людей,
И ею они
в эволюции
к цели ведомы,
А юмор –
внезапная свадьба
двух разных идей,
Которые
ранее не были
даже знакомы.

Хотя сам автор едва ли причисляет себя к каким-то стилям и направлениям. Индивидуальность подхода как к интеллектуальности, так и к иронии говорит об очень самобытном, широкоформатном мышлении. Но и способность к вхождению творчества в мировые литературные и культурологические парадигмы дорогого стоит. А выход за их пределы становится ещё интереснее.

Отдельного разговора в этом ключе заслуживают «Жээ-элики» – авторское изобретение Константина Ефетова, новое и одновременно старое, как мир. Я бы сказала, что это форма ораторского искусства (отсылает нас к Цицерону). Такими яркими, ёмкими фразами нужно разговаривать с теми, кого хочешь обличить, но при этом не обидеть. Ими – тонкими, острыми, даже немного едкими, но не язвительными, не злыми – можно донести многое… нет, не до исторической личности, которой они посвящены, – до нас, имеющих эту личность в числе своих архетипов. Если имеем, конечно – у каждого свой «размер» эрудиции, свои личные «метки» в истории, мифологии, культуре, науке, социуме и природе. Ну вот и расширим, если что, тем более что автор не жалеет пояснений для читателей.

Думаю, не скажу ничего нового, чего не писали о поэте Константине Ефетове другие критики, если в качестве резюме замечу: видеть мир так ясно и просто, и одновременно так архетипично и символично может только учёный. Здесь имеется в виду не профессия и даже не призвание, а сам тип мышления (который, видимо, и заставляет выбрать именно такое призвание).

Лишь срубишь
голову
у гидры –
их две.
Геракл
удивлён:
«А как же
сохраненья
массы
закон?»

Как-то доводилось слышать такой афоризм о научном мышлении: «Это когда многолетние старания доказать «ничто» – вдруг приводят к вспышке «Нечто». В этом высказывании речь идёт о Боге и обосновании его несуществования. И о том, как такой самоотверженный труд доказывает как раз обратное. Говоря же о творчестве Константина Ефетова, можно отметить, что его научное мышление доказывает самое что ни на есть антинаучное, самое мифологичное и мистическое явление мироздания – Поэзию.

Нуждается ли она в доказательствах – это вопрос отдельный. Однако, прочитав эту книгу, как и другие книги Константина Ефетова, читатель обязательно поймёт это для себя.

Марина Матвеева

Открыта регистрация на Всероссийский молодёжный образовательный форум «Таврида», который в 2017 году пройдёт с 3 июля по 31 августа в Крыму.